DUKE
UNIVERSITY

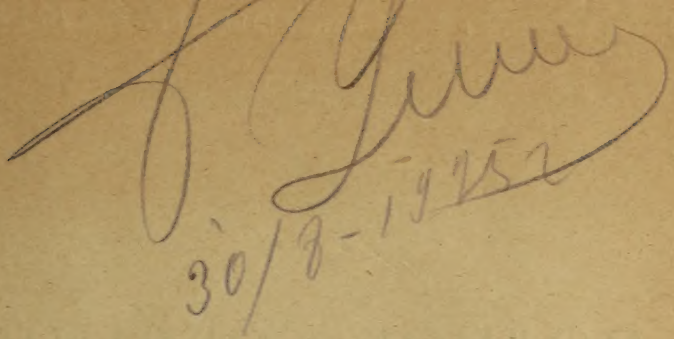
LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2022 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/polnoesobranieso101przy

Т. ПШИБЫШЕВСКИЙ

СУМЕРКИ



СТАНИСЛАВЪ ПШИБЫШЕВСКІЙ

Przybyszewski, Stanisław, 1868-1927.

СТ. ПШИБЫШЕВСКІЙ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Дополненіе къ X-му тому.

ИЗДАНІЕ В. М. САБЛИНА.

СТ. ПШИБЫШЕВСКІЙ.

СУМЕРКИ.

Переводъ С. Мясново.

МОСКВА. — 1912.

ТИПОГРАФІЯ В. М. САБЛИНА.
Петровка, д. Обидиной. Телефонъ 131-34.
Москва. — 1912.

Сумерки.

Переводъ С. А. Мясново.

I.

Скирмунтъ внимательно осматривался вокругъ себя. Онъ стоялъ въ котловинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ громадными, острыми вершинами, среди которыхъ одна особенно поглощала все его вниманіе

Хребетъ поднимался вверхъ почти отвѣсно, а вершина его казалась исполинской крѣпостной стѣной, изрѣзанной фантастическими рубцами и украшенной причудливыми башенками.

«Я счастливо попалъ», думалъ онъ. На синемъ фонѣ, въ удивительно чистомъ воздухѣ, ясно вырисовывались почти гладкія стѣны, нагроможденныя другъ на друга, точно выступавшія одна изъ другой; исполинскіе монолиты и циклопическія стѣны; искривленные и точно скрученные столбы, на которыхъ какимъ-то чудомъ покоились чудовищные своды, вотъ-вотъ готовые обрушиться и завалиться внизъ, или выступали громадные камни, въ непонятномъ равновѣсіи висѣвшіе надъ отвѣсными стѣнами.

«Съ этой стороны я схвачу тебя, ты, бѣшеная, возлюбленная дикарка. Три года уже я каждую осень хожу вокругъ тебя, чуть ногъ не сломалъ себѣ, всю

кожу содралъ съ тѣла, но теперь ты отъ меня не убѣжишь».

«А погода такая прекрасная, можно будетъ писать». Онъ обернулся.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него сидѣлъ усталый молодой горецъ, несшій складной мольбертъ и различныя принадлежности живописи.

— Ты усталъ, Юзекъ?

— Ничего, только бы намъ разъ какъ слѣдуетъ отдохнуть.

— Надо будетъ еще разъ взобраться туда. — Скирмунтъ указалъ на хребетъ, — мнѣ надо взглянуть, какой видъ сверху.

— Туда не доберешься меньше, чѣмъ въ четыре часа, — проворчалъ Юзекъ.

— Ну, можетъ быть и скорѣе, — возразилъ Скирмунтъ.

Глаза его снова съ глубокимъ наслажденіемъ покоились на безконечныхъ, ломаныхъ, уносящихся вверхъ, тянувшихся зигзагами и снова прерывающихся линіяхъ, которыя то исчезали, то снова появлялись и снова разбѣгались во всѣ стороны.

Съ глубокимъ благоговѣніемъ задавалъ онъ этимъ плоскостямъ вопросъ, какъ онѣ образовались, въ какихъ отношеніяхъ были другъ къ другу и какой силой взаимно поддерживали другъ друга. Весь этотъ хребетъ казался ему какимъ-то неслыханнымъ исполинскимъ архитектурнымъ созданіемъ, для котораго должны были существовать особые законы статики, непонятные для человѣка: онъ казался ему гигантскимъ соборомъ, который самъ Богъ строилъ для себя въ

продолженіе милліоновъ вѣковъ, но для того, чтобы разгадать архитектурную загадку, по которой строилъ его Богъ, слѣдовало самому быть Богомъ.

«Viollet le Duc, думалъ онъ, всю жизнь свою потратилъ на то, чтобы проникнуть въ тайну нѣсколькихъ пунктовъ, послужившихъ знаменитымъ готическимъ художникамъ исходной точкой для образованія своихъ сводовъ, чтобы разгадать загадку, благодаря какому чуду всѣ эти непонятныя зданія не разсыпались въ прахъ, а что же нужно было сдѣлать, чтобы проникнуть въ непонятныя тайны божественной архитектуры!»

Съ минуту онъ подумалъ, не заняться ли ему серьезно и систематично геологіей, можетъ быть, она открыла бы ему отчасти нѣкоторыя изъ этихъ тайнъ, но тотчасъ же испугался мысли, что вслѣдствіе здраваго разсужденія можетъ лишиться ясновидѣнія художника, которое безсознательно разрѣшаетъ самыя запутанныя загадки.

«Такъ надо забраться туда. Если я не осмотрю ее со всѣхъ сторонъ, не изучу каждаго изгиба ея камней, я никогда не напишу ее».

Онъ началъ внимательно разыскивать дорогу, по которой можно было бы подняться въ гору. Не было и слѣда тропинки; очевидно, съ этой стороны никто еще не поднимался до вершины; вообще туристы совсѣмъ не посѣщали этой части горъ, которая считалась недоступной.

Вооружившись полевымъ биноклемъ, онъ началъ прилежно изслѣдовать каждый изломъ, каждую впадину, щель, почти каждый камень.

Отъ половины хребта почти до самой котловины тянулся глубокій жолобъ, но онъ былъ наполненъ замерзшимъ снѣгомъ, а пониже его находилась зыбкая гробля. Пришлось бы итти по этой гроблѣ, увязая по колѣна и дѣлая шагъ впередъ и три назадъ, а снѣжный спускъ былъ такъ крутъ, что взбираться по нему было немыслимо. Выше, послѣ завороота, онъ какъ-нибудь справился бы и добрался бы до вершины по этимъ широкимъ камнямъ, но какъ лѣзть по этому проклятому углубленію, полному замерзшаго снѣга... Онъ настойчиво изслѣдовалъ эту непроходимую дорогу.

Вдругъ, — Скирмунтъ протеръ себѣ глаза, — въ расщелинѣ между снѣгомъ и стѣной впадины, въ самой верхней ея части, онъ увидѣлъ какую-то женскую фигуру.

Онъ посмотрѣлъ еще разъ: нѣтъ, онъ не ошибся. Волненіе и испугъ заставили его онѣмѣть.

«Конечно, это привидѣніе, навѣрное, привидѣніе».

— Юзекъ, посмотрите-ка туда! Какой-то человѣкъ!

— Гдѣ?

— Тамъ! — Онъ указалъ туда рукой.

Женщина не двигалась.

Юзекъ съ напряженіемъ всматривался вдаль и вдругъ закричалъ изо всѣхъ силъ.

— Іисусъ, Марія! Не трогаться съ мѣста, я подойду и провожу внизъ. Не трогаться, не трогаться!

Сроднившійся съ горами, опытный горецъ въ одно мгновеніе ока опредѣлилъ весь ужасъ и опасность положенія.

Но женщина, повидимому, ничего не слыхала; она, точно лунатикъ, сдѣлала еще нѣсколько шаговъ впе-

редъ по расщелинѣ между стѣной скалы и впадиной, потомъ еще разъ шагнула впередъ, оказалась на снѣгу и въ ту же секунду поскользнулась, упала навзничь и съ быстротой молніи слетѣла по замерзшей снѣжной корѣ внизъ, до самой гробли.

Скирмунтъ затрясся отъ ужаса, но тотчасъ же овладѣлъ собой.

— Юзекъ, надо спасать! Бросай все; бери только сумку и бѣги за мной!

Переходъ до гробли былъ нелегкій, но силы Скирмунта точно утроились; онъ почти бѣжалъ, не обращая вниманія на то, что каждую минуту могъ сорваться со скалъ или переломать себѣ ноги; ползъ на четверенькахъ, перепрыгивалъ черезъ глубокія расщелины, пока, наконецъ, не добрался до гробли. Оттуда, какъ онъ и предвидѣлъ это сначала, онъ съ большимъ трудомъ, дѣлая шагъ впередъ и два назадъ, добрелъ, наконецъ, до того мѣста гробли, до котораго скатилась женщина.

Она лежала пониже снѣга, на боку; голова ея безсильно откинулась на фетровую шляпу, которая во время ужаснаго спуска свалилась на затылокъ.

Скирмунтъ безпокойно нагнулся надъ ней. Лицо ея было блѣдно, какъ смерть, глаза закрыты, губы посинѣли, но онъ подумалъ, что она не могла разбиться до смерти, потому что скатилась по замерзшему снѣгу, изъ котораго совсѣмъ не выступали камни, а фетровая шляпа свалившаяся на затылокъ, удачно защищала ея голову. Онъ продолжалъ свое изслѣдованіе: крови на волосахъ не было и слѣда и, хотя она должна была сильно удариться грудью, ее спасло уже то, что она

свалилась и скатилась бокомъ. Но, несмотря на все это, послѣдствія могли быть очень скверныя: могло произойти сотрясеніе мозга.

Онъ съ лихорадочнымъ волненіемъ досталъ пузырекъ съ нашатырнымъ спиртомъ и потеръ имъ виски женщины. Между тѣмъ Юзекъ добрался до самаго замерзшаго снѣга, отрубилъ большой кусокъ, спустился съ нимъ внизъ и подалъ его Скирмунту. Тотъ подложилъ одну руку подъ голову лежавшей безъ чувствъ женщины, а другой смачивалъ ей лобъ и голову кускомъ снѣга.

Встревоженный ея долгимъ обморокомъ, онъ разстегнулъ ея кофточку и платье и долго прислушивался къ біенію ея сердца; оно билось, но такъ слабо, что онъ едва ощущалъ его.

— Достань поскорѣе изъ мѣшка коньякъ и стаканъ и давай ихъ сюда! — Кончикомъ ножа онъ раздвинулъ ея судорожно сжатыя губы и влилъ ей въ ротъ немного коньяку.

— Жива, жива, — радостно прошепталъ онъ.

Губы и щеки ея слегка порозовѣли; она дышала глубже.

Онъ снова влилъ ей немного коньяку, а Юзекъ обкладывалъ ея голову снѣгомъ.

Она глубоко вздохнула, открыла еще не вполнѣ сознательные, безконечно-печальные глаза и пришла въ себя послѣ тяжелаго обморока.

— Что случилось? — еще полу-безсознательно прошептала она.

— Чудо случилось, — серьезно отвѣчалъ Скир-

мунтъ. — Дѣйствительно, только чудо могло спасти васъ здѣсь.

— Жаль, — прошептала она и снова закрыла глаза.

Но черезъ минуту она уже пыталась подняться съ мѣста, и глаза ея приняли испуганное и безпокойное выраженіе.

— Гдѣ я? Я еще въ Польшѣ?

— Нѣтъ, вы еще въ Татрахъ, но уже на венгерской сторонѣ.

— Бѣжать, бѣжать! — шептала она про себя съ какимъ-то смертельнымъ ужасомъ.

Скирмунтъ на минуту испугался. «Можетъ быть она сумасшедшая», подумалъ онъ.

Онъ началъ ее успокаивать.

— Не бойтесь ничего, дорбые люди здѣсь охраняютъ васъ; они счастливы, что истинное чудо сохранило вашу жизнь. Только теперь лежите спокойно. — Онъ уложилъ ее поудобнѣе и подложилъ ей подъ голову свою вязаную фуфайку.

Голосъ Скирмунта очевидно успокоительно подѣйствовалъ на нее; она съ минуту смотрѣла на него, затѣмъ заломила маленькія окровавленныя и расцарапанныя руки и вдругъ разразилась потрясающими, страшными рыданіями.

— Это хорошо, это хорошо! — Скирмунтъ съ трудомъ отцѣпилъ отъ волосъ ея измятую шляпу и началъ отчищать отъ земли и песку ея одежду.

— Плачьте, это лучшее лѣкарство для больного сердца, — иногда это даже единственное лѣкарство, а для меня ваши слезы служатъ утѣшеніемъ, потому что

такъ плачутъ только люди, у которыхъ всѣ члены не-
вредимы.

Юзекъ, между тѣмъ, снова съ ловкостью обезьяны
подползъ къ полосѣ снѣга, отрубилъ свѣжій кусокъ
и быстро спустился внизъ.

— Ну, теперь довольно, теперь не плачьте, мы по-
ложимъ на голову компрессъ и вы совсѣмъ придете
въ себя. — Скирмунтъ разорвалъ запасную рубашку,
намочилъ ее въ быстро растаявшемъ снѣгу и обвя-
залъ ей голову.

Женщина начала успокаиваться.

— Вотъ видите, это облегчило васъ. Теперь еще
оботремъ лицо—вотъ такъ! Потише, это ничего—толь-
ко кожа немножко содрана, плечи невредимы, а то
вы не могли бы ими двигать, поясница тоже, вы сейчасъ
вскакивали и садились. Руки поцарапаны и въ крови,
но, къ счастью, ни одинъ палецъ не сломанъ и даже не
свихнутъ....

Женщина, казалось, ничего не слыхала, она переста-
ла плакать и только тихо, подобно маньяку повторяла:

— Только бы бѣжать, только бы бѣжать!

— Отъ чего вы бѣжите?

Она быстро и проницательно взглянула на него.

— Отъ себя, отъ себя бѣжать!

«Разумный отвѣтъ, — подумалъ Скирмунтъ, — слѣ-
довательно не сумасшедшая, а только доведенная до
отчаянія».

Онъ внимательно посмотрѣлъ на нее.

Молодое лицо, прекрасное именно той неправиль-
ностью чертъ, въ которой Эдгаръ Поэ усматривалъ
идеалъ красоты, но съ отпечаткомъ тяжелыхъ стра-

даній, придающихъ человѣческому лицу, какимъ-то непонятнымъ образомъ, выраженіе особаго благородства и святости. Глаза, смертельно утомленные внутренней мукой. Но вниманіе художника особенно привлекли необыкновенно густые волнистые волосы, мягко блиставшіе матовымъ блескомъ стараго золота надъ низкимъ, но благородно очерченнымъ лбомъ. Роста она была небольшого.

— И это можно сдѣлать, — сказалъ онъ, помолчавъ, — я знаю человѣка, который сумѣлъ бѣжать отъ самого себя. Этого можно добиться, но на это нужно много времени. Надо только прежде успокоиться, — вотъ такъ...

Теперь она уже вполнѣ сознательно смотрѣла на него, на его безмѣрно добрые глаза, на густые, уже сѣдѣющіе волосы, на изборожденной глубокими морщинами лобъ и замѣчательно мягкое и въ то же время умное выраженіе лица.

— Благодарю васъ,—прошептала она.

— О! вы только послушайтесь меня!—Скирмунтъ снова перемѣнилъ холодный компрессъ на ея головѣ. — А теперь скажите мнѣ, какъ васъ зовутъ?

— Ганка!

— Но ваша фамилія? Вѣдь надо же кому-нибудь дать знать.

— У меня нѣтъ фамиліи, — рѣзко произнесла она.

— Какъ такъ?

— Она была у меня, а теперь ея нѣтъ, и я не желаю имѣть никакой фамиліи.

Онъ пристально посмотрѣлъ на нее.

— Это правда, — сказалъ онъ затѣмъ, — когда чело-

вѣку приходится бѣжать отъ самого себя, фамилія ему уже не нужна — но, можетъ быть, вы тамъ, за горами, оставили кого-нибудь — мужа, родителей...

— У меня нѣтъ никого, и я никого не желаю имѣть,— прошептала она, сжавъ губы. — Я никого не хочу знать, я хочу быть одна, только подальше, какъ можно дальше отъ людей.

Скирмунтъ все съ болѣе глубокимъ сочувствіемъ смотрѣлъ на нее. Ея маленькое, какъ у ребенка, личико сжалось выраженіемъ такого безконечнаго страданія, что Скирмунтъ невольнымъ движеніемъ погладилъ ее по головкѣ.

— Не думайте теперь ни о чемъ и будьте совершенно спокойны, я больше ничего не спрошу.

— Зачѣмъ я не убила себя! — зарыдала она.

— Развѣ вы этого хотѣли?

— Не знаю! Я только хотѣла бѣжать — бѣжать.

— Я отлично это понимаю, — серьезно сказалъ Скирмунтъ. — Я слишкомъ хорошо это понимаю и только удивляюсь, что такъ немногіе бѣгутъ отъ свѣта... Но, видите ли, мнѣ теперь необходимо послать за помощью.—Дойти самой—у васъ не хватитъ силъ,—каждое усиліе могло бы повредить вамъ, — а мы съ Юзекомъ не донесемъ васъ такъ далеко.

— Нѣтъ! нѣтъ!—страстно воскликнула она.—Только не это, потому что тогда меня найдутъ!

Она сдѣлала надъ собой страшное усиліе, порываясь подняться на ноги, но Скирмунтъ сильно схватилъ ее за талію и снова опустилъ на землю.

— Не дѣлайте этого, вы совсѣмъ больны и разбиты, прошу васъ, успокойтесь. Вы не желаете, чтобы

кто-нибудь узналъ, что вы здѣсь находитесь, даю вамъ слово честнаго человѣка, что никто объ этомъ не узнаетъ. Къ тому же мы на венгерской сторонѣ, слѣдовательно, никто про васъ не узнаетъ и не спроситъ, а если бы даже и такъ — отъ меня никто ничего не услышитъ.

Она недовѣрчиво взглянула на него.

— Вы даете мнѣ слово?

— Даю. Я художникъ, который явился сюда для работы, и помимо нея для него не существуетъ ничего на свѣтѣ, слѣдовательно, меня вамъ нечего бояться— я васъ не предамъ.

— А жалѣть, что вы остались живы, у васъ нѣтъ причины — потому что, если у васъ хватило силъ бѣжать отъ людей и свѣта, то у васъ еще осталась надежда на спасеніе. Я говорилъ вамъ, что зналъ человѣка, который сумѣлъ это сдѣлать и въ уединеніи нашелъ самого себя.

Она вопросительно посмотрѣла на него.

— Повѣрьте мнѣ, онъ нашелъ самого себя, сдѣлался уравновѣшеннымъ, примирился съ жизнью и съ людьми, дошелъ до вершины разума, сталъ выше своихъ страданій, выше мірскихъ дѣлъ.

Ганка закрыла глаза, на минуту она забыла о все усиливавшейся боли въ головѣ и во всемъ тѣлѣ, о лихорадкѣ, которая то горячими, то холодными струями пробѣгала по ея членамъ. Давно уже она не ощущала такого спокойствія, такого облегченія, какое доставляли ей слова этого человѣка.

Съ минуту она лежала неподвижно, съ закрытыми глазами: казалось, что она засыпаетъ.

— Какой-нибудь ангелъ перенесъ эту пани надъ пропастью, — шепнулъ Юзекъ на ухо Скирмунту.

— Ангелъ перенесъ ее? — Скирмунтъ задумался.

Слухъ Ганки, обостренный лихорадкой, уловилъ шопотомъ произнесенныя слова.

— Да, да, ангелъ — Бася! Бася привела меня сюда.

Она широко раскрыла потемнѣвшіе глаза, которые уже пылали лихорадочнымъ огнемъ.

— Это ваша дочь?

— Да, дочь, у меня была дочь, а теперь уже нѣтъ ея.

Она снова закрыла глаза, но на этотъ разъ опять съ тѣмъ же выраженіемъ безконечнаго страданія.

«Да, ей, дѣйствительно, ничего не осталось больше дѣлать, какъ бѣжать отъ свѣта, который все отнялъ у нея», думалъ Скирмунтъ и съ еще большимъ сочувствіемъ взглянулъ на маленькое страдальческое личико.

Затѣмъ онъ обернулся къ мальчику.

— Отдохни еще немножко, а потомъ слетай внизъ за носилками. Но только помни—никому ни слова.

— Какъ вы приказываете, такъ я и сдѣлаю.

— Надо только перевести пани внизъ, въ тѣнь, тутъ черезъ минуту будетъ страшное солнце и жара, сохрани Богъ отъ воспаленія мозга,—а тамъ я между камнями замѣтилъ маленькій источникъ. Вы только тихонько приподнимитесь, а мы ужъ васъ поддержимъ и доведемъ туда.

Лихорадка придала Ганкѣ силы, она быстро встала на ноги, но тотчасъ же зашаталась и почти лишилась чувствъ.

Скирмунтъ подхватилъ ее и нѣжно, но сильно удер-

жалъ. Юзекъ помогалъ ему съ другой стороны, и такимъ образомъ, поминутно останавливаясь, они повели ее внизъ.

Скирмунтъ подбадривалъ и поощрялъ ее.

— Вы сильная женщина, я знаю, какъ вы страдаете, такое паденіе причиняетъ страшную боль — никто не знаетъ этого лучше меня,—горы меня любятъ, но уже не разъ дали мнѣ себя знать. Я на то и явился на свѣтъ, чтобъ изслѣдовать тайны горъ и прославлять въ своихъ твореніяхъ ихъ красоту, но чего я только не натерпѣлся, благодаря этой миссіи!

Наконецъ они перешли гроблю—рядомъ торчалъ громадный камень отъ скалы, бросавшій сильную тѣнь.

— Вотъ видите, дорогая пани, здѣсь мы отдохнемъ, пока не явится помощь, — а потомъ уже перенесемъ васъ на носилкахъ.

Ганка побѣлѣла, какъ полотно.

Скирмунтъ заботливо теръ ей виски и лобъ нашатырнымъ спиртомъ.

— Сбѣгай-ка за вѣтками,—обернулся онъ къ Юзеку.

Но Юзекъ уже рубилъ гибкіе кустарники, въ одинъ мигъ наносилъ ихъ цѣлыми охапками, устроилъ постель, положилъ на нее попону, фуфайку свернулъ вмѣсто подушки, и потомъ они вдвоемъ заботливо уложили Ганку.

Чашка молока освѣжила ее.

Вода теперь была рядомъ съ ними. Скирмунтъ еще разъ обмылъ ей лицо и перемѣнилъ компрессъ на головѣ.

Она поблагодарила его взглядомъ и закрыла глаза.

Вдругъ она приподнялась съ безпокойствомъ.

— Что съ вами?

— Ничего, ничего.

Дрожащими руками схватилась она за шею и грудь... и вздохнула съ облегченіемъ.

— Что вы ищете? — спросилъ Скирмунтъ.

— Деньги... они у меня на груди, въ маленькомъ мѣшочкѣ; къ счастью, я ихъ не потеряла... прошу васъ, возьмите ихъ на мои расходы, я могу теперь заболѣть и лишиться сознанія.

Она подала мѣшочекъ Скирмунту.

Онъ взялъ деньги, чтобы не раздражать больную.

Слабая улыбка промелькнула по ея губамъ, и она снова закрыла глаза.

Прошло долгое мгновенье... на щекахъ ея выступилъ горячій румянецъ, губы неспокойно двигались, она впадала въ лихорадочный сонъ.

«Теперь начинается жаръ», подумалъ Скирмунтъ.

— Юзекъ, поспѣшай и помни: никто ничего не долженъ знать, скажи только, что я приказалъ сейчасъ же явиться сюда съ помощью и что заплачу, какъ слѣдуетъ. И чтобы не смѣли болтать, понимаешь? Когда ты вернешься?

— Черезъ добрыхъ пять часовъ.

— Такъ иди же скорѣе!

Молодой горецъ во всю прыть бросился бѣжать съ горы.

«Красивый, сильный народъ», думалъ Скирмунтъ и взялъ Ганку за руку. Пульсъ былъ страшно неправильный, но она молода, нѣсколько дней покоя, и она придетъ въ себя.

Какая-то тяжелая трагедія разыгралась и, вѣроят-

но, еще разыгрывается въ этой молодой, красивой женщинѣ.

Бѣжать одной въ горы, взбираться на такую опасную скалу въ длинномъ платьѣ, въ легкихъ башмакахъ, — этого никто не сдѣлалъ бы обдуманно и хладнокровно. Съ ней должно было случиться что-то ужасное, она бросилась сюда въ минуту глубокаго отчаянія, бѣжала, ничего не видя передъ собой, безъ мысли, безъ воли, лишь бы заглушить страданіе.

«Если у нея есть или была дочь, которой она лишилась, то у нея долженъ быть мужъ», — размышлялъ онъ... Ему припомнилась молодая женщина, которую онъ когда-то писалъ, — ее выдали замужъ насильно, — и она бѣжала. Во время свадебной поѣздки она бросилась внизъ съ балюстрады Notre-Dame въ Парижѣ прямо на мостовую и умерла на мѣстѣ...

Тоже бѣгство.

Но дальше его размышленія не пошли, онъ уже отвыкъ останавливаться на подробностяхъ людскихъ дѣлъ, они не интересовали и не удивляли его, и въ этомъ случаѣ онъ ощущалъ лишь глубокое состраданіе и горячее желаніе помочь — спасти, успокоить боль и страданье.

Какъ внезапный туманъ промелькнула въ его умѣ его собственная жизнь, то далекое, что уже давно осталось позади него и отъ котораго онъ едва спасся — и тоже бѣгствомъ.

Уединеніе! Да, да... для сильной души оно можетъ быть благословеніемъ и спасеніемъ; для слабой же оно становится ядомъ отчаянной тоски, гнѣздомъ, въ которомъ выводятся самыя чудовищныя мысли.

Онъ снова долго всматривался въ нее.

Она производила на него впечатлѣніе больного ребенка, котораго мачиха-судьба выгнала въ свѣтъ.

— Я помогу ей, — рѣшилъ онъ въ душѣ, — она не хочетъ, чтобъ ее нашли—я помогу ей въ этомъ, — зачѣмъ выдавать человѣка на новыя муки?

Если бъ она захотѣла лишить себя жизни, онъ бы не препятствовалъ ей, но если она бѣжитъ отъ людей, значитъ, ей подсказалъ это инстинктъ жизни, значитъ, что-то еще привязываетъ ее къ ней.

Она, казалась, спала теперь глубокимъ сномъ.

Скирмунтъ осторожно освѣжилъ въ холодной ключевой водѣ компрессъ и взглянулъ на свою любимую вершину.

Теперь весь хребетъ показался ему совсѣмъ другимъ.

Онъ казался ему теперь символомъ страшнаго бремени жизни, которое свалилось на землю, чтобъ она не могла свободно дышать, чудовищнымъ кошмаромъ, который залегъ на ея грудь и душитъ и давитъ ее, а она лежитъ безпомощная. Разъ за разомъ пытается она свалить съ себя это адское бремя, извивается въ отчаянныхъ судорогахъ, разъ за разомъ пронзительно стонетъ и огненной кровью брызжетъ изъ открытаго кратера своей раны, но усилія ея напрасны... Оборвутся нѣсколько скалъ, свалится какая-нибудь вершина, образуются новыя впадины и расщелины—вотъ и все. Потомъ, наоборотъ, онъ являлся ему какимъ-то благословеннымъ Араратомъ, у котораго остановился Ноевъ ковчегъ — защитой и прибѣжищемъ избранныхъ и сильныхъ душъ и такихъ, которыя не дали сломить и

унизить себя, выжидательнымъ пунктомъ, съ котораго слѣдятъ—скоро ли явится голубка—вѣстница съ масличной вѣтвью въ клювѣ.

Да, да—теперь онъ вполнѣ понялъ его.

Онъ напишетъ его страшнымъ и гигантскимъ, адскимъ кошмаромъ и саркофагомъ, напишетъ его святымъ, какъ-будто какой-нибудь Христосъ совершалъ на немъ свое предсмертное моленье, сдѣлаетъ изъ него страдальческій подоблачный, раздирающій небеса Синай, съ котораго на мгновеніе ока можно увидать обѣтованную землю, а потомъ умереть. А тотъ желобъ будетъ лѣстницей, на которой сатана-жизнь борется съ ангеломъ-избавительницей—смертью.

И у подножія этого святого и сатанинскаго, погруженнаго въ молитву и богохульствующаго хребта, который грозитъ небу блестящими снѣжными клыками, а потомъ въ тихой покорности ожидаетъ нисшествія Святого Духа, будетъ пахать каменистую почву въ кровавомъ ноту и съ страшными усиліями какой-нибудь святой пустынникъ, простодушный Исидоръ, а ангелъ будетъ править его волами... О, нѣтъ! это слишкомъ простодушно и душеспасительно: бѣшеный Адамъ впряжетъ въ плугъ Еву,—да! такъ будетъ хорошо!

Ева запряжена въ плугъ, возжи врѣзались въ ея обнаженныя плечи, она согнулась дугой, задыхается и смотритъ въ предсмертной мукѣ глазами, налитыми кровью. Адамъ всѣми силами врѣзаетъ плугъ въ каменистую почву, а сатана смѣется, насмѣшливо хихикаетъ и сѣетъ куколь и плевелы въ вспаханный клочокъ земли.

Онъ сдвинулъ брови, рѣзкая боль сжала его сердце.

Въ немъ пробудились видѣнія далекаго прошлаго, волненіе и страхъ, какъ внезапный порывъ вѣтра передъ бурей, охватили его.

Онъ встряхнулся и снова взглянулъ на Ганку.

— Такъ всегда бываетъ, какъ только я столкнусь съ жизнью и людьми, — проворчалъ онъ.

Но доброта его пересилила.

— Я помогу ей, помогу, — рѣшилъ онъ.

Выраженіе страшнаго страданія, отражавшееся на этомъ маленькомъ личикѣ, окончательно обезоружили его. Въ то же время, вслѣдствіе жары, онъ почувствовалъ сильную усталость и слабость. Во всемъ своемъ тѣлѣ онъ ощущалъ такую тяжесть, точно оно было налито не кровью, а расплавленнымъ оловомъ, вѣки его сами собой опускались и болѣли—въ разгоряченномъ мозгу все мелькала одна и та же мысль:

Арарат, Синай, Масличная гора, Этна...

Вдругъ онъ очнулся.

Къ его рукѣ прильнули горячія уста.

— Ты источникъ умиротворяющихъ рукъ?

Онъ вскочилъ и въ ту же минуту совсѣмъ пришелъ въ себя.

Ганка смотрѣла на него безумными, лихорадочно горѣвшими глазами.

— Ты источникъ умиротворяющихъ рукъ? — повторила она.

Она смотрѣла на него и тихо безумно засмѣялась.

— Я дошла до источника, наконецъ-то дошла, — шептала она.

Дрожь пробѣжала по тѣлу Скирмунта, странная дрожь страха, но онъ овладѣлъ собой, смочилъ холод-

ной водой компрессъ, изслѣдовалъ пульсъ—и нахмурился. «Жаръ усиливается», съ тревогой подумалъ онъ и посмотрѣлъ на часы.

«Еще часъ».

— Бася! Басичка! — бредила больная, улыбалась и протягивала руки. Вдругъ она вскочила и уставилась въ одну точку съ какимъ-то окаменѣлымъ ужасомъ.

Какой-то кошмаръ всецѣло овладѣлъ ею,—что-то... какой-то вампиръ — злой или добрый, она не знала... что-то страшное вцѣпилось въ ея грудь, въ ея губы.

Она страшно вскрикнула:

— Заремба!

— Нѣтъ! нѣтъ!—кричала она и отталкивала руками ужасный кошмаръ.

Нѣтъ, нѣтъ! это кошмаръ, тяжелый сонъ....

И она снова съ выраженіемъ невыразимаго страданья закрывала усталые глаза.

Такъ тянулись минута за минутой, точно одна вѣчность за другой, больная бредила все безумнѣе, Скирмунтъ все больше и больше волновался, не зная, что начать.

Наконецъ громкій свистъ, сигналъ Юзека, раздался въ воздухѣ.

Скирмунтъ вздрогнулъ: безмѣрное счастье успокоенія наполнило его сердце.

«Теперь все хорошо — и я буду для тебя, насколько это возможно, источникомъ умиротворяющихъ рукъ...

«Откуда она это взяла: «источникъ умиротворяющихъ рукъ»?..

Съ глубокимъ состраданіемъ взглянулъ онъ на это

бѣдное, изстрадавшееся дитя Евы, изгнанное, Богъ вѣсть, изъ какого рая....

Черезъ полчаса два сильныхъ горца несли на носилкахъ больную Ганку. Рядомъ Юзекъ заботливо слѣдилъ, чтобы больная не свалилась, а за ними медленно шелъ глубоко задумавшійся Скирмунтъ.

II.

— Теперь дня черезъ два вамъ совсѣмъ можно будетъ встать. Поразительно, какъ скоро къ вамъ вернулось сознаніе, — это, дѣйствительно, было чудо, по естественному ходу вещей, вы должны были разбиться въ дребезги.

Скирмунтъ съ заботливой лаской улыбался Ганкѣ.

И Ганка задумчиво улыбнулась. Она чувствовала себя, какъ человѣкъ, который очнулся послѣ долгаго сна, знаетъ, что видѣлъ сонъ, но напрасно старается припомнить его.

— Сколько я вамъ надѣлала безпокойства!

— Что за безпокойство? Немного страха вы мнѣ задали, потому что первые три дня у васъ былъ сильный жаръ и вы постоянно бредили.

Онъ задумался.

— Сколько времени вы такъ шли? — вдругъ спросилъ онъ.

— Не знаю навѣрное. Можетъ быть день, а можетъ быть и два. Сама не знаю, сколько. Я все это помню, какъ сквозь сонъ. А откуда у меня взялись на это силы послѣ такой усталости, я совершенно не понимаю.

— Это странно, очень странно. Но я ни о чемъ больше не буду спрашивать.

Она взглянула на него.

— И вамъ не хочется знать, кто я?

— Нѣтъ. Въ этомъ отношеніи вы можете быть совершенно покойны. Знаю только, что вы должны были пережить очень тяжелое горе, что вамъ нужны покой, тишина и уединеніе, чтобы найти самое себя и что во всемъ этомъ я могу помочь вамъ,—съ меня этого довольно.

— Но какъ случилось, что вы именно въ это время оказались тамъ, у той излучины?

— Да вотъ какъ. Уже три года я постоянно ѣзжу туда. Я люблю Татры, а въ особенности мнѣ нравится тотъ хребетъ съ его излучиной и съ тѣмъ проклятымъ углубленіемъ, по которому вы свалились.

— Съ первой минуты, какъ я увидѣлъ его, онъ совсѣмъ околдовалъ меня. Каждый годъ старался я написать его, но все напрасно. Я обходилъ его со всѣхъ сторонъ, потому что, чтобы написать хребетъ, нужно узнать его, какъ человѣка, портретъ котораго пишешь, нужно изучить каждый его изломъ, каждый камень, знать, какъ онъ величественъ при блескѣ солнца, какъ горитъ въ сумеркахъ, какъ залитъ, точно кровью, во время восхода солнца и какъ облекается въ трауръ во время тумана и непогоды...

— Я попалъ на неподходящую тему, но когда рѣчь идетъ о горахъ, мнѣ не только хочется писать, но и описывать ихъ. — Итакъ, я намучился, страшно усталъ — и все ничего не выходило, — но я не покорился: я долженъ схватить ихъ истинную душу. Поэтому я

снова вернулся къ нимъ и въ ту минуту, когда тайна ихъ готова была открыться мнѣ, я увидѣлъ васъ надъ пропастью.

— Вчера я былъ на самой вершинѣ, мнѣ хотѣлось взглянуть на хребетъ сверху—теперь онъ совсѣмъ запечатлѣлся въ моей памяти, и я больше сюда не вернусь. А дома я напишу его — и по воспоминанію онъ выйдетъ изъ-подъ моей кисти еще болѣе царственнымъ и величественнымъ и полнымъ божественной силы.

Ганка внимательно слушала его. Онъ говорилъ о горахъ, точно о людяхъ. Но вѣдь и на нее горы скалили свои клыки, и смѣялись, и насмѣхались надъ ней, и вмѣстѣ съ ней плакали и стонали. Онѣ были добры и утѣшали ее, затѣмъ снова пугали, стращали, сталкивали въ пропасти или заключали въ благословляющія объятія и поднимали на свои вершины.

— Какъ хорошо я васъ понимаю, — задумчиво сказала она. — Какъ все это живетъ, живетъ....

— Живетъ, живетъ жизнью, которая сильнѣе самого неба, но нашъ мозгъ едва можетъ предчувствовать эту жизнь. Изрѣдка въ минуты вдохновенія намъ едва удастся отдернуть край этой единственной завѣсы. Труденъ и полонъ страданія путь къ открытію тайнъ.

Они снова умолкли.

— Какъ только вернусь домой — я напишу ихъ,—повторилъ Скирмунтъ, точно очнувшись.

— Такъ вы здѣсь не живете?

— Нѣтъ, я пріѣхалъ сюда въ послѣдній разъ. Я живу въ Альпахъ. И объ этомъ-то я и хотѣлъ поговорить съ вами.

— Вотъ видите ли, я живу среди Альпъ, совершенно

въ сторонѣ, въ такомъ мѣстѣ, куда рѣдко заходятъ туристы. У меня есть мастерская на высотѣ двухъ тысячъ метровъ надъ поверхностью моря, и я живу въ ней, но пониже у меня маленькая вилла, въ которой я рѣдко бываю, развѣ только зимой во время сильныхъ морозовъ. Въ настоящее время тамъ живетъ старуха изъ баварскихъ горъ съ сыномъ подросткомъ и поддерживаетъ порядокъ въ домѣ, а сынъ ея разъ въ недѣлю приноситъ мнѣ въ горы провизію.

— Я не знаю вашего имени и не знаю вашей жизни,— съ меня достаточно того, что вамъ нужна моя помощь. Ваша душа, измученная и отчаявшаяся до смерти, требуетъ лѣченья. А единственнымъ лѣкарствомъ для этого могутъ быть только уединеніе и общеніе съ душою горъ. Тамъ вы опять найдете самою себя, а когда дойдете до того равновѣсія, котораго ничто уже не будетъ въ состояніи нарушить, тогда, если вы захотите, можете снова вернуться въ долины.

— Я цѣлый день работаю и большей частью въ горахъ на чистомъ воздухѣ, дома меня почти не бываетъ. — Вы бѣжите отъ людей, тамъ вы ихъ не увидите— увидите лишь частицу міра съ высокой скалы — вотъ и все.—Хотите поселиться тамъ?

Ганка долго смотрѣла на него и ничего не говорила, она чувствовала только, какъ великая радость заполняла ея душу. Точно двери темной тюрьмы приговореннаго къ смерти внезапно раскрылись, и въ нее ворвался снопъ золотого, оживляющаго свѣта.

Она хотѣла что-то сказать, но слова замерли на ея губахъ и только изъ глазъ скатились двѣ слезы по блѣдному исхудалому лицу.

— Все это такъ неожиданно, что я не могу сразу отвѣтить вамъ.

— Ну, конечно — обдумайте это, я останусь здѣсь еще, по крайней мѣрѣ, недѣлю. Мнѣ надо еще разъ сходить въ горы, сдѣлать эскизы и наброски, слѣдовательно, у насъ будетъ достаточно времени для размышленія.

— А теперь я прощусь съ вами, потому что надо воспользоваться моимъ короткимъ пребываніемъ здѣсь.

Онъ вышелъ.

Еще съ минуту ощущала она ту дивную радость, въ которой не могла дать себѣ отчета, но черныя тучи уже наплывали на нее; солнце, которое, казалось, заливало все небо, вдругъ какъ-то съежилось, свѣтъ омрачился; въ душѣ становилось все темнѣе и темнѣе — она вздрогнула съ ужасомъ: только не думать, только не думать!

Какая страшная мука защищаться отъ думъ! И по мѣрѣ того, какъ возвращались къ ней силы, все сильнѣе кружились надъ ней эти предательскіе рои прожорливыхъ змѣй.

До сихъ поръ ее защищала отъ нихъ слабость, когда на нее надвигались видѣнія прошлаго, когда ей уже овладѣвали отчаяніе и горечь, чья-то ласковая рука обнимала ее, прикрывала туманомъ ея глаза и память, но теперь все пропало, защиты уже не было.

Она сѣла на кровати и обѣими руками схватилась за голову:

— Ясекъ! — глухо простонала она.

И въ этомъ стонѣ не было ни любви, ни отчаянія, въ немъ было лишь безмѣрное, невыразимое страда-

ніе, смертельный ужасъ человѣка, котораго живого, въ летаргическомъ снѣ, опускаютъ въ могилу.

Ганка ничего ясно не чувствовала, ничего не думала ее какъ-то вдругъ охватило что-то неопредѣленное, чему не было названія и отъ чего человѣкъ обращается въ камень.

— Ясекъ, Ясекъ! — Но она не видала его: это не было имя опредѣленнаго человѣка, это было нѣчто подкарауливавшее ее изъ-за тяжелой завѣсы, чтобы впиться въ ея сердце и высосать изъ него всю ея кровь.

Одно только она сознвала, что должна предпринять что-нибудь, но что... что... что?

— Прочь! прочь! — громко вскрикнула она...

— Я буду смотрѣть во время восхода, какъ пробуждается свѣтъ, какъ небо загорается пламенемъ, какъ выдѣляются изъ густыхъ тумановъ вершины горъ; буду смотрѣть, какъ туманы опускаются все ниже и ниже, какъ обнаженныя стѣны скалъ горятъ въ первыхъ лучахъ, какъ дымятся пропасти и пастбища; увижу сонныя озера, болѣе чистыя, чѣмъ лоно святыхъ дѣвъ...

Она прислушалась.

Ясекъ! стономъ прозвучало въ ея сердцѣ.

— Буду мыть свои глаза въ брилліантовой росѣ, буду купаться въ бликѣ восходящаго солнца: оно золотымъ сіяніемъ будетъ покоиться на моихъ волосахъ.

Ясекъ, Ясекъ такъ говорилъ..

На минуту сердце ея замерло.

Спасайся! Спасайся!

И она снова начала громко говорить сама съ собой:

— Буду лежать на раскаленныхъ солнцемъ скалахъ, буду чувствовать, какъ теплота земли переливается въ мою кровь, какъ она закипитъ новой жизнью и будетъ стремиться все поглотить собой; искристый туманъ полудня, превращающій горы въ сверкающій океанъ— и таинственную музыку волнующаго воздуха съ неуловимой мелодіей его невидимыхъ горячихъ потоковъ—и всю роскошь существованія того блестящаго, нарядного, бархатисто-серебристаго цвѣтка, и фіалки, которая такъ уютно укрылась въ травѣ, и альпійской розы, сіяющей краснымъ пламенемъ разсвѣта жизни.—Я буду вмѣстѣ съ козочками гоняться по самымъ крутымъ и обрывистымъ вершинамъ человѣческой мысли и... и... все большая, все болѣе мучительная тоска будетъ грызть тебя — огонь желанья до дна выжжетъ твою душу, — зашептало что-то въ ея сердцѣ.

— Нѣтъ спасенья! нѣтъ спасенья! — зарыдала она.

— Нѣтъ, нѣтъ! — шептала она въ отчаяніи, — нѣтъ!

А къ вечеру она снова продолжала разговаривать съ своими мыслями. — «Буду»...

— Ничего ты не будешь, — будешь только сходить съ ума отъ ужаса, что наступаетъ ночь, забудешь о золотомъ сіяніи, въ которомъ горятъ вершины горъ, и объ утопающей въ молитвѣ душѣ міра, и будешь съ ужасомъ прислушиваться къ говору и гнѣвному крику приближающихся вампировъ, увидишь Глинскаго, услышишь его взбѣшенный возгласъ: «не позволю!» увидишь свою маленькую Басю, какъ она, дрожащая и испуганная, бѣжитъ отъ тебя къ отцу, очутишься на дорогѣ одна, ночью, во тьмѣ, среди дождя и грязи, и явится—Заремба!

— А! а! — вскрикнула она, точно кто-то приложилъ ей раскаленное желѣзо къ обнаженной ранѣ.

— Мнѣ остается сойти съ ума, — въ отчаяніи думала она.

Мысли ея мчались во всѣ стороны, чтобы найти какое-нибудь успокоеніе, что-нибудь, на чемъ бы могъ сосредоточиться обезумѣвшій мозгъ, но не находили нигдѣ ничего — кромѣ глухого мрака.

Если бы, по крайней мѣрѣ, къ ней зашелъ Скирмунтъ, но для него она существуетъ лишь какъ нѣчто, что ангелъ чудомъ снесъ съ той ужасной кручи...

Она вдругъ остановилась.

Съ ея мыслями такъ срослось понятіе объ ангелѣ... Басѣ... Басѣ, источникѣ исцѣляющихъ рукъ, что буря въ душѣ ея затихла.

Успокоивающая маленькая рученка ребенка безконечной лаской коснулась ея сердца.

Она глубоко вздохнула.

Точно свѣжее дыханье вѣтра среди удушливой жары, какъ прикосновеніе льда къ воспаленной ранѣ, какъ удивленное возвращеніе къ жизни послѣ страшнаго бреда горячки подѣйствовало на нее это прикосновеніе.

Въ душѣ ея начало проясняться, ей казалось, что она сбрасываетъ съ своего мозга какой-то мракъ и что изъ-за завѣсы, за которой скрывалось что-то страшное и ей неизвѣстное, понемногу выступало какое-то неясное рѣшеніе, начатокъ зарождающейся воли.

Она прислушивалась.

Душой ея овладѣло холодное, страшное спокойствіе: «Ты пойдешь съ Скирмунтомъ въ уединеніе— говорила она самой себѣ, — тамъ ты спасешься. Ты сто-

шь на порогѣ новой жизни. — Найдешь самое себ
и тогда все найдешь».

— Пойду, пойду, — мысленно рѣшала она.

Она чувствовала, какъ горячія слезы текли по е
лицу.

Она не удерживала ихъ.

Она плакала, плакала тихо, а слезы лились въ е
душу, но уже не тѣ слезы, которыя жгутъ ее раст
леннымъ оловомъ и разъѣдаютъ ядомъ горечи, а т
которыя освѣжаютъ, оживляютъ засохшіе пни и бу
дятъ рѣшенія, зарожденныя въ мукахъ и страданіи.

Она медленно встала съ постели. Босыми ногам
коснулась она холоднаго и влажнаго пола — о! как
это освѣжило ее... Теперь ей хотѣлось бы взглянуть
какой у нея видъ.

Глаза настойчиво искали зеркала.

А! — тамъ, возлѣ рукомойника, на окнѣ стои
маленькій осколокъ.

Она попробовала стать, но была еще очень слаба
Въ глазахъ ея потемнѣло, и она снова сѣла на кра
кровати.

— Отдохну немножко.

Холодный каменный полъ, казалось, придавалъ е
силы.

— Вотъ и я сынъ — ну, нѣтъ! — дочь земли, — тих
разсмѣялась она. — Я земной Антей, силы котораго
растутъ при прикосновеніи къ землѣ.

Черезъ минуту она встала, шатаясь дошла до руко
мойника и, дѣйствительно, нашла на окнѣ кусокъ раз
битаго зеркала.

Она посмотрѣлась въ него, вернулась обратно и сѣла на кровати.

Слѣдовъ царапинъ и лихорадки уже не было.

Она свободно и радостно вздохнула.

Ей казалось, что она увидитъ себя подурнѣвшей или со шрамами на лицѣ, какіе видала въ нѣмецкихъ городахъ на противныхъ бульдоговскихъ рожахъ буршей, но ихъ не было и слѣда.

Силы ея возрастали.

Ганка столкнулась съ жизнью.

Она такъ дружески и ласково протягивала къ ней руки.

— Какъ хорошо разогнать мысли, — думала она, — какъ только мной снова овладѣетъ такое безумное отчаяніе, я всегда буду думать объ утѣшающихъ ручкахъ Баси и всегда только о Басѣ... — Она блуждала взглядомъ по хижинѣ горца; на столѣ она замѣтила нѣсколько листковъ чистой бумаги, перо и чернильницу: вѣроятно, принесли сюда для доктора эти неизвѣстный здѣсь принадлежности.

— Да, въ такихъ случаяхъ я всегда буду прибѣгать къ охранѣ Баси.

Она не спускала глазъ съ листа бумаги, чернилъ и пера.

— Во всякой бѣдѣ Бася будетъ мнѣ прибѣжищемъ, помощью, единственной надеждой и молитвенной душой моей жизни.

Бѣлое пятно бумаги и черная чернильница гипнотизировали ее.

— Бася будетъ для меня цистерной, въ которой я утоплю все мое прошлое, будетъ тѣмъ огнемъ, въ

которомъ я сгорю, какъ фениксъ, чтобы снова возродиться для нея...

Она не могла оторваться отъ бѣлыхъ листовъ бумаги и отъ того пера — ей захотѣлось узнать—смогла ли бы она написать нѣсколько словъ...

— Да, но чтобы возродиться, надо совершенно порвать съ прошлымъ, надо подвести всѣ счета, чтобы никому не остаться должной, чтобъ никто не могъ пожаловаться...

Ганка не сознавала, что снова усѣлась на краю постели...

Прежде всего надо написать нѣсколько словъ тому, кого она полюбила больше жизни, кого хотѣла любить больше всего на свѣтѣ и всѣми силами своей души, чтобъ онъ не разбилъ себѣ головы объ стѣну съ отчаянія по этой любящей Ганкѣ, которая устроила ему такой чудный сюрпризъ, написать ему нѣсколько словъ успокоенія, чтобъ онъ утѣшился и какъ можно скорѣе поискалъ себѣ другую подругу... Она скрипнула зубами...

Мысли ея оборвались — она вдругъ опомнилась. Со страхомъ оглядѣлась она вокругъ себя. Въ ней снова пробудилась злая раздражительность и теперь мститъ ей и ему — ея Ясеку.

Ей казалось, что кто-то подслушиваетъ эти злыя и безумныя мысли.

Ей стало стыдно.

— Что же мнѣ съ собой дѣлать, что мнѣ дѣлать?

Послѣполуденное солнце поздняго лѣта золотымъ лучомъ легло на бумагу. Мозгъ ея неразлучно сплелся съ этими бѣлыми листками.

Въ комнаткѣ было такъ тепло, а холодный полъ такъ освѣжалъ и успокаивалъ.

Она сама не знала, какъ очутилась на простомъ стулѣ у стола, видѣла только, какъ перо машинально бѣгало по бумагѣ.

Изъ-за тумана слезъ, которыя кровью обливали ея сердце, она прочла:

«Мой милый...»

И тотчасъ же увидѣла его передъ собой...

Она вздрогнула.

— Только не надо расчувствоваться, — подумала она и съ тяжелымъ сердцемъ отогнала назойливый образъ.

Она овладѣла собой.

Но рука дрожала, буквы троились въ глазахъ.

— Въ такомъ состояніи я не напишу и двухъ фразъ.

Она остановилась.

А если бъ она къ нему вернулась, онъ успокоилъ бы ее, онъ... онъ... — Она стиснула зубы, — не надо думать!

«Говорить тебѣ о моей любви? Говорить тебѣ объ отчаянной тоскѣ и страстномъ желаніи видѣть тебя? Нѣтъ, теперь, нѣтъ, когда я бросила тебя и захотѣла быть одна. Это единственное спасеніе и для тебя и для меня».

Что же дальше?

Лгать ему? — нѣтъ! Этого она никогда не умѣла и не сумѣетъ.

Написать ему правду? Но какую правду? Холодная дрожь пробѣжала по ея тѣлу — та страшная — дьявольская ночь возникла передъ ея глазами.

Что случилось? Что случилось?

Всѣми силами старалась она представить себѣ все это, съ упрямствомъ разъяреннаго звѣря впивалась она въ себя, точно когтями, чтобы понять, узнать, какъ все это могло случиться, она терзала себя, — но все напрасно.

Проклятый опій обезсилилъ ее, усыпилъ ея волю и сознаніе, погрузилъ въ летаргію ея тѣло и мозгъ, и въ этомъ состояніи каждый могъ сдѣлать съ ней все, что хотѣлъ.

«Ага, ага! теперь понимаю: такъ сатана-Корфини отмстилъ за себя и за Глинскаго.

Онъ далъ ей на дорогу тотъ проклятый ядъ.

Теперь не было возврата».

Безсильное отчаяніе овладѣло ей. Она хотѣла бы разбить себѣ голову объ стѣну, вырвать себѣ волосы, ногтями на куски разодрать свое тѣло, но къ чему? Положить конецъ этой адской жизни? Она не стоитъ и этого.

Но что же она хочетъ сдѣлать? Итти куда-то въ горы съ чужимъ человѣкомъ, который въ извѣстную минуту можетъ сдѣлать съ ней то же, что и Заремба.

Она снова прервала свои мысли, и ей стало стыдно до глубины души.

Не надо такъ думать. Скирмунтъ? Нѣтъ! онъ святой!

Ганка сама не давала себѣ отчета, почему, но одно присутствіе этого человѣка успокаивало ея душевную бурю — передъ нимъ она исповѣдывалась въ своихъ мысляхъ, а у него была такая власть и сила, что онъ отпускалъ ей ея грѣхи.

Она подперла голову руками и глубоко задумалась. Ей снова представлялась новая жизнь въ уединеніи на вершинахъ Альпъ, которую она вскорѣ должна была начать.

«Тоска меня изведетъ, сатанинскіе кошмары замучаютъ меня, отчаяніе меня задушитъ».

Но сейчасъ же подумала, что это безразлично, что помочь этому нельзя — Баси она лишилась надолго, а къ Ясеку вернуться нельзя.

Она задрожала отъ холода — правда, наступилъ уже вечеръ, вечеръ... подошла къ кровати, закуталась въ плэдъ и хотѣла писать дальше.

Что же дальше, что дальше?

Можетъ быть попросить у него прощенія за то, что надѣлала ему много хлопотъ и заботъ своимъ внезапнымъ исчезновеніемъ? «Конечно, я должна просить у него прощенія», — язвила она сама себя, — «хотя онъ и не оправдывался и не просилъ прощенія. — Да, но я другое дѣло—я несчастная, грѣшная Ганка, что ни шагъ, то новое преступленіе, — какъ я вынесу страшную тяжесть всѣхъ моихъ винъ?»

«Глинскій долженъ простить, Бася должна простить, теперь Ясекъ долженъ простить, Корфини скрежещетъ зубами, потомъ придетъ Заремба съ упреками, что я околдовала, опутала его такъ, что онъ лишился разума и совершилъ преступленіе и надо мной и надъ собой. Ха-ха-ха... какая я чудовищная и грѣшная — я вся покрыта грѣхами, точно проказой! — Ха-ха-ха...»

Она смѣялась горькимъ, насмѣшливымъ смѣхомъ и скрежетала зубами.

«Просить прощенія? А развѣ онъ просилъ прощенія тогда — тогда, когда безъ одного слова, безъ одной строчки исчезъ и навсегда отравилъ мою душу ядомъ сомнѣнія? И еще вопросъ — искалъ ли онъ меня теперь? Когда захочешь, всюду найдешь...» Она пришла въ себя.—«Охъ, какая я злая, чудовищно злая!.. Ха, ха... но вѣдь надо же мнѣ покумиться съ сатаной, если я не нашла милости у Бога».

Она стиснула зубы и писала дальше:

«Если ты дѣйствительно любишь меня, если хочешь, чтобъ я для тебя и для себя освободилась отъ всего, что могло бы сдѣлаться могилой для твоей и моей любви, не ищи меня и не пытайся измѣнить мою волю».

Въ сердцѣ ея водворилась тишина, только въ жилахъ, вмѣсто крови, переливалась какая-то глухая тоска.

«На уста мои, — писала она дальше, — просятся самыя горячія слова, какія ты когда-либо слышалъ отъ меня въ минуту высшаго отчаяннаго восторга любви, изъ глубины моего сердца рвется крикъ безграничной, безнадежной тоски по тебѣ, но я не хочу еще больше терзать твоего и моего сердца».

Въ глазахъ ея темнѣло, слезы лились, она энергично вытирала ихъ, но онѣ все текли — текли. Собравъ послѣднія силы, окончила она письмо:

«Я потеряла себя, попробую снова найти себя въ уединеніи, вдали отъ тебя и отъ воспоминаній о тебѣ, потому что только такъ, въ полномъ уединеніи и разлукѣ можно найти и спасти себя.

«Прощай ты, котораго я полюбила, совершивъ са-

мый тяжелый грѣхъ и преступленіе, и для котораго вынесла кровавыя муки, прощай надолго.

«Когда я найду себя снова, я вернусь къ тебѣ.

«Вернусь, вернусь, жди меня.

«Больше не пишу тебѣ, потому что чувствую, что послѣднія силы оставляютъ меня, кровь заливаетъ мнѣ мозгъ и сердце разрывается отъ боли...

Ганка».

Она долго смотрѣла на письмо, слезы ея высохли, буквы танцовали передъ глазами, какъ волны пыли въ солнечныхъ лучахъ, она читала отдѣльныя фразы, но не понимала ихъ значенія.

Но это не заставляло ее страдать — напротивъ, она отдыхала.

Она добралась до кровати, легла и долго, безсмысленно смотрѣла на балки потолка. Ей казалось, что она все еще очень больна, но она чувствовала это только сквозь сонъ.

Въ ней произошло что-то непонятное. Что-то въ ней надломилось, порвалось. Она не ощущала уже ни страданья, ни тоски, ни желаній, въ ней была теперь только какая-то странная пустота, которая не пугаетъ, не подавляетъ, не заставляетъ страдать и не радуетъ.

Пустота безъ примѣси какого бы то ни было чувства.

«Какъ хорошо, — думала она уже сквозь сонъ, — что душа моя теперь обнажена и опустошена, те-

перь Богъ долженъ заполнить ее своимъ святымъ дыханіемъ, иначе онъ не былъ бы Богомъ».

На губахъ ея расцвѣла улыбка торжества, и она впала въ глубокій сонъ.

III.

Наступала ночь.

Уже нѣсколько часовъ Черкасскій бродилъ по улицамъ большого города, который видѣлъ въ первый разъ. Онъ осматривалъ костелы, останавливался передъ тѣмъ или другимъ зданіемъ — глаза его блуждали по пожелтѣвшимъ деревьямъ скверовъ и бульваровъ, иногда онъ въ смертельной усталости садился на лавку но все это онъ дѣлалъ точно во снѣ.

«И что же я видѣлъ?» тихо разсмѣялся онъ.

Онъ снова сѣлъ на лавку у фонтана. На какомъ-то дельфинѣ сидѣлъ не то тритонъ, не то Посейдонъ—съ противоположной же стороны что-то въ родѣ Прозерпины. Вода поднималась вверхъ, лилась снизу и сбоку.

«Слишкомъ много воды для поздней осени», подумалъ онъ.

«Да, положительно слишкомъ много воды и положительно слишкомъ много муки на сегодняшній день.

«Теперь пора перестать размышлять, или нѣтъ! Лучше наконецъ выяснить себѣ все это, чтобы добраться до какого-нибудь конца.

«Зачѣмъ бѣжать отъ всего этого?»

Черезъ улицу мчались автомобили, пролетали трамваи, плелись дрожки. Рядомъ съ нимъ на лавкѣ подъ

развѣсистыми деревьями сквера прижималась другъ къ другу какая-то парочка, — напротивъ въ магазинахъ тушили электрическія лампы, теперь уже скоро потушатъ ихъ во всѣхъ магазинахъ, только высоко надъ улицей будутъ горѣть тѣ — тѣ, какъ бы ихъ назвать? луны — одна, двѣ, десятки, сотни лунъ — удивительный обманъ зрѣнія — непонятно, какъ онѣ подвѣшены — настоящія луны.

Мимо лавочки проскользнула какая-то влюбленная пара — онъ держалъ ее за талію, она такъ любовно, съ такимъ наивнымъ и лишеннымъ стыда желаніемъ прижималась къ нему — такъ, вполнѣ по-шиллеровски — съ той «Maienliebe». О! любовь цвѣтетъ не только въ маѣ, но и въ октябрѣ.

Какъ онъ завидовалъ имъ!

Съ бѣшенствомъ страданья рисовалъ онъ себѣ картину счастья этой пары, которая въ ту минуту исчезла изъ его глазъ.

Ха, ха — наивное, будничное счастье — но все же счастье.

— Приду къ тебѣ наверхъ....

— Не можешь — люди услышатъ.

— Приду, мое сокровище, сниму сапоги, тихонько взойду на лѣстницу, никто меня не услышитъ.

— А если услышатъ, то меня выгонятъ съ мѣста.

— Не бойся, не бойся...

Какіе они всѣ счастливые.

Рядомъ мчался автомобиль.

Ого! Эти ѣдутъ пить шампанское и ѣсть устрицы — гнусные люди — прежде имъ нужно приготовиться, на-

питься и наѣсться, а потомъ: «ну, что же, вы готовы, пани? А вы готовы?»

Только теперь замѣтилъ онъ, что какая-то нарядженная дамочка, совсѣмъ не двусмысленно взадъ и впередъ ходила мимо него.

«Бѣдняжка», подумалъ онъ, «къ чему она такъ трудится?» — но все же выжидалъ.

Теперь она снова, точно случайно, остановилась возлѣ него, ни съ того, ни съ сего свистнула, закружила въ воздухѣ зонтикомъ и заглянула ему въ глаза.

Черкасскій улыбнулся.

— Ну, что же? Вы пойдете со мной?

— Нѣтъ! Но чтобы вы напрасно не трудились... — Онъ вынулъ портмонэ, досталъ десять марокъ и подалъ ей.

Она долгимъ взглядомъ посмотрѣла на него и взяла золотую монету.

— Вы щедры, такъ, ни за что — für rein gar nichts...

— Ну, ступай, ступай.

Она отошла отъ него, но черезъ минуту вернулась...

— Чего ты хочешь?

— Я милостыни не принимаю.

— Это не милостыня, это просто для того, чтобы ты отъ меня отстала, — Черкасскій всталъ съ лавки.

— Примите это отъ человѣка, который, который...

Онъ повернулъ въ сторону.

...«Который», докончилъ онъ мысленно, «не можетъ привести въ порядокъ самого себя».

Но онъ долженъ, долженъ наконецъ это сдѣлать — такъ дальше жить нельзя.

Ему казалось, что онъ недавно былъ здѣсь. Когда

это было? О! это не здѣсь! это тамъ, въ томъ маленькомъ мѣстечкѣ на Вислѣ. Онъ вспомнилъ, какъ незадолго до ея отъѣзда онъ въ отчаянной борьбѣ съ самимъ собой блуждалъ по темному парку. Да, да, въ ту ночь она въ страшной мукѣ, рыдая, молила его согласиться на ея поѣздку — чтобы она могла увидѣть Басю — своего ребенка.

Та же самая тайная дрожь пробѣжала по его тѣлу при мрачномъ, торжественномъ разговорѣ деревьевъ, ему слышалось точно гнѣвное ворчанье, слышался зловѣщій шумъ, — но нѣтъ! тутъ нѣтъ ничего торжественнаго и ничего зловѣщаго — это не его деревья, тамъ на Вислѣ.

Ночь была тихая — иногда поднимался легкій вѣтерокъ, деревья шумѣли, точно жаловались на что-то другъ другу, изрѣдка стоналъ старый грабъ или ясень, покрытый мохомъ дубъ шепталъ старческую, каждый день повторяемую привычную молитву — безъ всякаго смысла — молитву, при которой крестьянинъ думаетъ о своей пашнѣ, о погодѣ и завтрашней поѣздкѣ на рынокъ или на исповѣдь.

Сердце его сжалось непріятной болью. Онъ отогналъ отъ себя видѣніе заливныхъ, покрытыхъ цвѣтами луговъ по берегамъ Вислы и того парка, по которому гулялъ съ ней въ лунныя ночи — ему казалось тогда, что тамъ, въ его таинственномъ, посеребренномъ луною паркѣ, служится торжественная обѣдня, приносится святая жертва крови и тѣла всего міра — страдальческая жертва всей природы...

А здѣсь — здѣсь какой-то непріятный ярмарочный гамъ, а въ немъ самомъ тяжелый разладъ, а ему слѣ-

довало еще разъ глубоко, рѣшительно, а главное, логично все обдумать...

Еще разъ:

Глинскій не позволилъ ей повидаться съ ребенкомъ.

И потому она бросила меня? Потому?

Сейчасъ, сейчасъ!

Мысли его путались, онъ никакъ не могъ справиться съ ними. «Правда, та несчастная, въ повѣсти Виктора Гюго, которую бросилъ любовникъ, дала вырвать свои прекрасные зубы, обрѣзать свои прекрасные волосы и позволила осквернить свое прекрасное тѣло въ самой отвратительной проституціи, чтобы только быть въ состояніи прокормить своего ребенка — да! но она была брошена. У нея никого не было... а вѣдь у Ганки былъ я...

«Анна Каренина — удалась Толстому — она бросилась подъ поѣздъ, потому что ей не позволили увидаться съ ея ребенкомъ, но уже тогда, когда почувствовала, что любовь ея любовника стынетъ, что онъ началъ скучать, — что, можетъ быть, онъ охотнѣе всего избавился бы отъ нея, а вѣдь я никогда не любилъ ее больше, чѣмъ передъ этимъ отъѣздомъ; я съ ума сходилъ оттого, что она рвется отъ меня къ ребенку; — она такъ наполняла мою душу, что я понялъ, благодаря этому, тайну вездѣсущаго, все наполняющаго Бога...

И чѣмъ же кончилось?»

Онъ невольно схватился за карманъ на груди, чтобы достать ея письмо и въ тысячный разъ прочитать его.

но вдругъ опомнился, было уже темно, и онъ зналъ его наизусть.

Что все это могло значить?

«Я должна остаться одна,—должна найти самое себя,—не ищи меня...»

Чѣмъ больше онъ надъ этимъ думалъ, тѣмъ загадочнѣе и непонятнѣе казалось ему это письмо.

А въ душѣ все ныло раздирающей тоской, обезсиливающимъ ужасомъ и ѣдкой горечью воспоминанья тѣхъ дней, когда онъ искалъ ее по всѣмъ Татрамъ—вмѣстѣ съ Зарембой... да! съ Зарембой, который тотчасъ же на другой день заболѣлъ воспаленіемъ мозга, а потомъ пропалъ у него изъ виду...

Что-то такъ рѣзнуло его по сердцу, что онъ весь съежился; ему хотѣлось скорчиться изо всѣхъ силъ отъ боли, которая становилась чисто физической.

А затѣмъ, онъ удивлялся, что человѣкъ цѣлыми недѣлями могъ выносить такую муку — онъ какъ безумный гонялся изъ города въ городъ, какъ въ бѣшеномъ калейдоскопѣ проносились передъ нимъ обрывки воспоминаній о видѣнныхъ имъ людяхъ, улицахъ зданіяхъ, въ ушахъ раздавались отдѣльныя слова — добрыя и сочувственныя или злыя и глупыя... насмѣшливыя улыбки. О! ему пришлось бы думать цѣлые годы, чтобы вызвать въ памяти все, что пережилъ въ это время. Нѣтъ! онъ ничего не пережилъ, только выстрадалъ, потому что каждый часъ, каждая минута его существованія были страданіемъ.

Онъ припомнилъ то время, когда цѣлыми днями просиживалъ на почтѣ; одно только онъ зналъ, что въ Татрахъ ея не было и никто тамъ ничего не слыхалъ

о ней, что слѣдовательно она сама хотѣла исчезнуть и старательно затирала за собой всѣ слѣды — одна надежда осталась у него, что она напишетъ ему письмо. И наконецъ онъ получилъ его.

Буквы прыгали передъ его глазами — онъ ничего не понималъ.

Почти безсознательно обратился онъ къ чиновнику:

— Будьте добры, прочтите мнѣ это письмо.

Чиновникъ взглянулъ на письмо.

— Verstehe nicht polnisch!

Потомъ еще разъ взглянулъ на полубезумные глаза Черкасскаго и на письмо и черезъ минуту Черкасскій услыхалъ осторожнымъ шопотомъ произнесенныя по-польски слова:

«Пани не вернется, и вы не должны искать ее!» Вслѣдъ за тѣмъ чиновникъ быстро захлопнулъ окошечко.

Ему показалось, что всѣ колокола всей страны застонали погребальнымъ звономъ.

«Я должна быть одна, не ищи меня!»

Горечь залила его сердце.

— У нея должны быть причины, если она умоляетъ, чтобъ ее не искали, — засмѣялся онъ злымъ, шипящимъ смѣхомъ.

Онъ вскочилъ злой и полный ненависти.

Блуждая по темнымъ дорожкамъ обширнаго сквера, онъ чувствовалъ, какъ мысли его кружатся все вокругъ одного и того же непріятнаго пункта, онъ разсѣивалъ ихъ въ разныя стороны, гналъ ихъ, какъ разъяренныхъ коней вокругъ какой-то преграды, на

которую не смѣлъ наѣхать, такъ какъ въ такомъ случаѣ разлетѣлся бы вдребезги весь его экипажъ и самъ онъ разбился бы до смерти, — и вдругъ неожиданно для самого себя онъ очутился на главной аллеѣ.

Странная вещь — передъ нимъ снова очутилась та слишкомъ недвусмысленная нарядная дама.

— Я даромъ денегъ не беру, — произнесла она раздражительнымъ голосомъ.

— Я не давалъ ихъ даромъ — оставьте ихъ у себя, какъ задатокъ.

— Это другое дѣло — вотъ мой адресъ. — Она сунула ему карточку.

— Ну, вотъ видите, какъ хорошо мы покончили это дѣло.

— Теперь все въ порядкѣ, — сказала она и повернула въ темную аллею.

— Жаль, что она ушла, непріятно быть одному.

Но онъ чувствовалъ, что для него было не важно то, что онъ остался одинъ, важно было то, что онъ не можетъ избѣжать той дьявольской преграды.

И вдругъ онъ въ ужасѣ остановился.

— Заремба!

— Ага! ага!

Онъ безсмысленно повторялъ это глупое «ага!»

Ну, да! Но онъ еще ничего не понималъ, ничего не хотѣлъ понять.

Они выѣхали вмѣстѣ — правда, но вѣдь на другой день хозяинъ спросилъ его, не знаетъ ли милостивый, да, именно такъ назвалъ его, — не знаетъ ли милостивый господинъ, куда дѣвался тотъ музыкантъ? Ха, ха, ха...

Рука его мяла въ карманѣ какую-то твердую карточку.

Онъ подошелъ къ фонарю.

— Ахъ, да! меня приглашаютъ въ кофейню. Почему же мнѣ не пойти туда?

Онъ дошелъ до площади, на которой стояло громадное, величественное зданіе банка, позвалъ автомобиль, сѣлъ и далъ адресъ.

— Прокатимся съ полчаса, а потомъ остановимся тамъ.

— Хорошо.

Автомобиль запыхтѣлъ, подпрыгивая по мостовой.

«Куда же дѣвалась моя палка?»

Охъ! какъ ея письмо жгло его грудь. «Ага! вотъ она, но гдѣ же папиросница?»

«Ганка — Заремба! Откуда этотъ Заремба?»

«Гдѣ же, къ чорту, эта папиросница?

«Почему этотъ Заремба такъ трясся, куда онъ потомъ дѣвался?»

Онъ нашелъ папиросницу, но вѣдь и спички гдѣ-то были при немъ?

«Почему Заремба не вернулся къ своему роялю? Куда онъ такъ стыдливо пропалъ по дорогѣ? Почему такъ внезапно заболѣлъ?..

«О! если бы можно было чѣмъ-нибудь утишить эту безумную боль въ сердцѣ! Ганка! Мысли его описывали странные круги, точно боялись приблизиться къ чему-то, что должно было страшно ранить его, если бъ онъ задѣлъ за него. — Ганка!.. Круги начали суживаться...

«Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно...

«Такъ что же? Такъ что же?

«Ганка тебя возненавидѣла. Возненавидѣла за то, что лишилась черезъ тебя того, что было ей дороже всего. Слѣдовательно, ты не былъ для нея дороже всего и долженъ благословлять ее за то, что она сдѣлала, потому что поступила честно: ребенокъ былъ ей дороже тебя; она не пожелала больше видѣть тебя, хотѣла остаться одна, вѣдь это ясно. Я пересталъ быть для нея любовникомъ... и сдѣлался... ну, чѣмъ же... какимъ-то виѳлеемскимъ палачомъ, который отнялъ у нея ребенка.

«Это все въ порядкѣ вещей, но что же Заремба?»

Онъ закурилъ папиросу; ему хотѣлось отдохнуть; онъ усталъ до смерти, но мысли его, какъ нарочно, все кружились вокругъ этой тяжелой загадки—Ганка—Заремба.

«Женщина, которая лишается ребенка, невольно прижимается къ тому, кого любитъ, потому что ищетъ утѣшенія. Вѣдь это прямой животный инстинктъ—бѣжать отъ страданья, искать утѣшенія. Она бѣжала отъ меня, слѣдовательно, она меня не любитъ и не любила»...

Онъ засмѣялся злымъ смѣхомъ...

Вдругъ у него мелькнула мысль:

«Будь справедливымъ — разсуди все»...

Съ болѣзненнымъ напряженіемъ старался онъ распутать этотъ сложный узелъ.

Нечеловѣческое страданіе и мука могли въ данную минуту сдѣлать ее невмѣняемой; вѣдь бываютъ такія минуты, когда человѣкъ не знаетъ, что дѣлаетъ и что съ нимъ дѣлается... онъ видѣлъ разъ человѣка, кото-

рый, обезумѣвъ отъ страданья,— а онъ былъ страшнымъ атеистомъ, — каялся передъ Богомъ молитвой, полной такой вѣры и страсти, на какую не была бы способна сама святая Тереза!

Онъ видѣлъ человѣка, который въ отчаяніи, ища успокоенія, грызъ землю, потому что ему казалось, что онъ, какъ дитя, припалъ къ груди матери... почему же она?..

Онъ вздрогнулъ, точно кто-нибудь вкололъ ему въ тѣло тупую булавку... почему же Ганка?..

— Скорѣй, скорѣй!

Шофёръ обернулся.

— Скорѣе не дозволяется.

Ага! Почему бы она?..

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Но почему же нѣтъ?!

Почему бы ей не искать утѣшенія у Зарембы?!

Зарембы?!.

Скорѣе!

Не дозволено.

Жаль, это облегчило бы его.

Заремба!

Онъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, задыхался; потъ выступилъ на его лбу.

Бѣшенство овладѣло имъ.

Проклятія просились на его уста; онъ стоналъ отъ прилива ненависти и омерзенія; ему хотѣлось, ему хотѣлось выругаться какимъ-нибудь отвратительнымъ словомъ, но у него нехватало силъ

«Она? — нѣтъ, нѣтъ!» кричала въ немъ отчаянная вѣра.

А между тѣмъ... Она должна быть съ кѣмъ-нибудь за границей... Въ Польшѣ ея нѣтъ, въ этомъ, по крайней мѣрѣ, онъ былъ увѣренъ; онъ всюду дѣлалъ развѣдки,—и къ тому же у нея никого тамъ не было, къ кому бы она могла обратиться,—никого!

Слѣдовательно, она навѣрное за границей...

Его терзали чувства, которыхъ онъ совсѣмъ не зналъ до сихъ поръ... изъ глубины его души выползла гидра ревности и развернула передъ его глазами отвратительныя видѣнія:

Она прижимается къ Зарембѣ, онъ склоняется надъ ней и объясняетъ ей, что какъ Черкаскій скоро успокоится, что ей нечего за него бояться... «Ха, ха, ха... бояться! за меня бояться!

Достаточно и того, что она удостоила написать мнѣ, чтобъ я ее не искалъ».

Но въ ту же минуту въ сердцѣ его раздался страстный крикъ любви и своимъ мощнымъ голосомъ заставилъ его взглянуть на мгновенья минувшаго счастья, которыя не допускали сомнѣнія... на тѣ мгновенья, когда обнявшись, слившись въ страстномъ объятіи, они вдвоемъ смотрѣли въ широко раскрытыя окна, на сверкавшее звѣздами небо и серебристый свѣтъ луны; когда имъ не нужно было словъ, потому что они жили одной мыслью, однимъ желаніемъ, однимъ сердцемъ и душой, мгновенья, когда въ порывѣ торжественной благодарности они преклоняли другъ передъ другомъ колѣни и, слившись въ объятіи, стремились понять другъ друга и не въ силахъ были обнять всей величины этого невыразимаго счастья.

Ея маленькое личико, обрамленное пушистыми, зо-

лотистыми волосами, пылало великой любовью, а глаза свѣтились восторгомъ; его руки, ласкаясь, съ дрожащимъ наслажденіемъ хватали эти любимыя маленькія лапки, а уста, благословляющія уста, впивались въ нихъ поцѣлуями безграничной благодарности.

Онъ усиленно дышалъ, сердце его сжималось отъ боли.

Ему припомнились тѣ тихія ночи, когда онъ исповѣдовался передъ ней во всѣхъ самыхъ тайныхъ мысляхъ и творческихъ мечтаніяхъ, когда переживалъ съ ней все свое творчество и облекалъ его въ видимые образы... онъ набрасывалъ тѣнь, она оживляла ее въ жизненный образъ, и наоборотъ, вмѣстѣ съ ней развивалъ и будилъ къ горячей жизни какой-нибудь далекій творческій зачатокъ ея мысли.

И вдругъ передъ его глазами живо возникъ вечеръ надъ однимъ таинственнымъ горнымъ озеромъ. Заходящее солнце горѣло цѣлой фанфарой свѣта въ его темной глубинѣ, а въ чистомъ зеркалѣ его водъ отражались контуры горъ, окружавшіе его синеватые лѣса и тихія хижины надъ самыми берегами.

— Такъ я хотѣла бы жить въ твоей душѣ,—шепнула она.

— Какъ же?

— Въ отраженіи. Потому что оно прекраснѣе дѣйствительности.

— Ты и дѣйствительность и отраженіе—у тебя это одно и то же.

— О! нѣтъ, нѣтъ! Съ такой глубокой любовью и въ такой красотѣ, какъ это озеро принимаетъ на дно

своей души эту отраженную картину, такъ хочу я вѣчно жить въ тебѣ...

Онъ хотѣлъ что-то отвѣтить, она прервала его.

— Потому что въ душѣ художника всякія проходящія формы жизни живутъ такъ, какъ дѣйствительность въ этомъ отраженіи... онѣ превращаются въ отраженіи его души въ вѣчную глубокую красоту.

Онъ задумался.

Дьяволъ сомнѣнія и ревности готовилъ ему новыя муки.

А можетъ быть, все, что онъ въ ней видѣлъ и любилъ, было не его, а только обманчивымъ отраженіемъ?

Отчего она тогда такъ таинственно улыбалась?

Ты жилъ тѣмъ, что видѣлъ въ зеркалѣ своей души, — хихикалъ сатана, — ты слишкомъ заглядывался въ это зеркало, не потрудился сойти въ темные лабиринты ея души, вслушаться въ ея тайный шопотъ, скрытыя желанья и таинственную тоску, которыя, можетъ быть, уже тогда появились невидимо для тебя...

Если бы ты на минуту оторвался отъ обманчиваго отраженія, тебѣ не пришлось бы услышать теперь: «Я должна быть одна, должна найти себя—не ищи меня».

Она быстро потеряла зеркало.

Я оглупѣлъ въ своей любви и сытомъ счастьѣ.

Когда она страдала и искала сильной руки, я таялъ отъ нѣжнаго чувства: что съ тобой, Ганя? Забудь все, Ганка, вѣдь я твой. — Это наконецъ должно было надоѣсть ей.

Ей нуженъ былъ сильный мужчина, который сумѣлъ

бы задушить въ ней даже тоску по ребенкѣ, а съ ней жилъ трусливый дуракъ.

Но вѣдь въ душѣ ея жилъ тотъ Черкасскій, который рѣшительно и повелительнымъ голосомъ сказалъ ей:

— Сегодня еще скажемъ все Глинскому, а завтра уѣдемъ, дорогая.

Тогда онъ оторвалъ ее отъ мужа и ребенка и сжегъ за нею всѣ мосты.

Ей нуженъ былъ человѣкъ, который своей силой совсѣмъ вырвалъ бы ее изъ прошлаго, далъ бы ей новую опору жизни, которой она жаждала, заставилъ бы ее окончательно забыть о прежней жизни, а онъ своимъ трусливымъ безпокойствомъ еще усиливалъ ея страхъ, ея ужасъ, ея тоску по ребенкѣ.

А между тѣмъ она должна была помнить того Черкасскаго, который по тонкому слою льда, подъ трещавшей корой котораго грозили бездонныя глубины моря,— везъ ее въ сказочную страну вѣчной весны,— Черкасскаго, который не оборачивался назадъ, но, не помня себя отъ упоенія, повторялъ:

— Слава жизни и твоей силѣ!

Такого любовника хотѣла она имѣть, а когда опомнилась послѣ первыхъ безумныхъ дней счастья, со страхомъ увидѣла рядомъ съ собой робкаго мечтателя, который не сумѣлъ во-время сильно и мощно овладѣть слабой душой.

Ты во всемъ виноватъ! Ты!

Отчаяніе терзало его.

Теперь уже слишкомъ поздно!

Что сдѣлало его такимъ робкимъ, что обезсилило

его руку, что онъ не сумѣлъ отразить удара, который уничтожилъ его.

И чего онъ теперь хочетъ? Къ какой цѣли стремится?

Онъ почувствовалъ въ себѣ такую пустоту, что не смѣлъ даже заглянуть въ свою душу.

Каждая мысль сдѣлалась для него пыткой. «Точно меня заставляютъ ходить съ перерѣзанными сухожиліями», — подумалъ онъ...

Что-то отчаянными усиліями возмущало всю его душу,— это ненависть вступила въ смертельную борьбу съ любовью.

— Теперь ты будешь одинъ! — прошипѣлъ онъ, — потому что ей угодно было бросить тебя для ребенка, можетъ быть, для ребенка, а можетъ быть для какого-то Зарембы!

Онъ глухо застоналъ.

— Неужели мнѣ перейти черезъ этотъ порогъ?

— О, нѣтъ! — со злобой сказалъ онъ самъ себѣ.

Онъ поѣдетъ теперь въ общество,— оно было ему противно, но онъ инстинктивно жаждалъ бѣжать отъ самого себя и отъ своей грызущей тоски.

Только бы не быть одному! Ему придется говорить, пересилить самого себя, чтобы выслушивать глупыя бредни, переливанье изъ пустого въ порожнее; онъ заставитъ свой мозгъ заняться чѣмъ-нибудь другимъ, разсѣетъ его, постепенно усыпитъ, успокоитъ, направитъ его на путь новыхъ впечатлѣній и привычекъ и такъ, шагъ за шагомъ, самъ того не замѣчая, вернется къ равновѣсію.

— О, да! такъ! — тихо засмѣялся онъ.

Именно оттого, что онъ вздрагивалъ при мысли о встрѣчѣ съ людьми, онъ подавитъ свое отвращеніе и пойдетъ туда.

Онъ приказалъ прямо ѣхать въ кофейню.

И именно потому, что, навѣрное, всѣ уже знали, что съ нимъ случилось, онъ будетъ развязенъ и веселъ,— да, да! — повторялъ онъ про себя, между тѣмъ, какъ передъ нимъ зіяла мрачная и глухая пустота.

Автомобиль уже подъѣзжалъ; онъ поспѣшно устроилъ себѣ веселую, довольную маску и благодаря этому усилію задушилъ и втиснулъ въ глубину души эти назойливыя мысли.

V.

Автомобиль остановился, и Черкасскій, улыбаясь, вошелъ въ кофейню.

Онъ оглядѣлся вокругъ.

Навстрѣчу ему спѣшилъ обрадованный Кульчицкій.

— Какъ ваше здоровье? — Они протянули другъ другу обѣ руки.

Черкасскій взглянулъ на сердечное, честное лицо Кульчицкаго, и ему сразу сдѣлалось пріятно.

На него повѣяло какимъ-то хорошимъ тепломъ.

— Вы, навѣрное, меня не узнаете?

— Напротивъ, прекрасно узнаю, т.-е. вы немного измѣнились...

— А я бы узналъ васъ даже черезъ сто лѣтъ...

— А какъ вы узнали, что я здѣсь?

— Я случайно просматривалъ списокъ гостей въ

отелѣ,—протираю себѣ глаза,—навѣрное, вы... лечу въ вашъ отель... а какой видъ у этого пана? Такъ и такъ... го, го!.. такой видъ у одного только человѣка во всемъ свѣтѣ, ну... я и оставилъ вамъ свою карточку.

— Это очень удачно устроилось, — сердечно произнесъ Черкасскій, — мнѣ очень пріятно встрѣтиться съ вами.

— Но пойдемте же къ нашему столу... тутъ маленькая колонія польскихъ художниковъ, и мы большей частью собираемся здѣсь.

— Съ большимъ удовольствіемъ.

За круглымъ столомъ у окна сидѣли четверо мужчинъ и одна женщина.

Кульчицкій прежде всего представилъ Черкасскаго женщинѣ, но тотъ не разслышалъ ея фамиліи, а это, — указалъ онъ на молодыхъ людей, — это наша сильная, можетъ быть, даже сильнѣйшая наша молодежь.

Всѣ сѣли.

— Ну, слава Богу, — разсмѣялся Черкасскій, — я опять на родинѣ.

— Да еще на какой! Одинъ лучше другого, даже сердце радуется.

— Ну, ну, не смѣйтесь, — проворчалъ Баранскій, краснѣя.

— Привѣтствуемъ любимаго наставника! — горячо воскликнулъ Кульчицкій. На столѣ была приготовлена бутылка стараго вина.

— Только не дѣлайте меня наставникомъ, мнѣ это ужъ надоѣло.—Но Черкасскій чувствовалъ себя здѣсь бодрѣе.

Всѣ разомъ выпили за его здоровье.

Посыпались градомъ вопросы: что, какъ, откуда?

— Вѣдь вотъ ужъ десять лѣтъ, какъ мы не видались, — Кульчицкій весь сіялъ отъ радости, — вы помните?

— Передъ разсвѣтомъ, на мосту Генриха, противъ Notre-Dame. — Я никогда не забуду той минуты, когда Парижъ началъ выплывать изъ мрака; мы тогда проболтали цѣлую ночь; вы тогда работали надъ величественнымъ замысломъ: «Человѣкъ и его тѣнь», помните?

— Я окончилъ, окончилъ его, буду счастливъ показать его вамъ...

— Но мы должно быть хорошо тогда напились, если вы забыли, что мы потомъ пошли на Boul-Miche, а оттуда въ Люксембургскій паркъ и за завтракомъ напились абсенту и перешли на ты.

Всѣ смѣялись.

— Нѣтъ, я не забылъ! — Кульчицкій сконфузился. — Я только не смѣлъ.

— Ну, такъ возобновимъ же нашъ брудершафтъ.

Они обнялись и разомъ выпили по рюмочкѣ вина.

Первая неловкость миновала; на столѣ очутилась новая бутылка; Черкасскій хорошо себя чувствовалъ здѣсь, никто не таращилъ на него глазъ, какъ на какое-то чудище, а Кульчицкій, — очевидно онъ зналъ обо всемъ, — деликатно избѣгалъ вопросовъ, которые могли оскорбить его.

«Что же я могъ бы тебѣ отвѣтить, — подумалъ Черкасскій, и снова почувствовалъ непріятную боль... — Видишь, идіотъ, ты долженъ былъ привезти ее сюда, въ

общество такихъ людей, которые ни на что не обращаютъ вниманія, которымъ ни до чего нѣтъ дѣла, кромѣ искусства.

«Тутъ мозгъ ея былъ бы занятъ, развлеченъ; она видѣла бы честныя лица этихъ юношей, ей не нужно было бы постоянно бояться, что она наткнется на что-нибудь непріятное, что какая-нибудь высокодобродѣтельная и притворяющаяся высокомудрой и глубокой дама скажетъ ей, что она обязана понять, чѣмъ считаетъ ее свѣтъ... здѣсь всѣ относились бы къ ней съ самымъ глубокимъ уваженіемъ... она бы забыла, ну! не забыла, но была бы спокойнѣе, не была бы такъ постоянно раздражена и изранена...

«Погибло, — застучало у него въ головѣ, — погибло.

«Ты во всемъ виноватъ. Ты одинъ».

— Что ты такъ задумался?—шепнулъ Кульчицкій,— можетъ быть, тебѣ непріятно, что за столомъ сидятъ посторонніе?

— Что ты! Напротивъ...

— Это, скажу тебѣ, славные ребята... это не тѣ сыны земли, которые прозябаютъ на почвѣ, пропитанной маларіей, и о которыхъ ты такъ много говорилъ... это все здоровая молодежь, лишь бы она подольше не столкнулась съ той почвой, которая лишаетъ силъ, потому что сама безплодна... ну, нѣтъ, она родитъ и какъ родитъ! но выкормить не можетъ...

«Если бъ я привезъ ее сюда, не случилось бы этого,— думалъ Черкасскій, съ все усиливавшейся болью въ сердцѣ, — а такъ, вдвоемъ, въ уединеніи, въ тяжелой борьбѣ съ самой собой... А! я поздно опомнился... надо было устроиться иначе. Здѣсь грязь не настигла бы

ее, здѣсь она могла бы безопасно и свободно двигаться и не думать о томъ, что со всѣхъ сторонъ на нее готовы напасть тысячи ядовитыхъ жалъ...

«Погибло!»

Онъ старался быть спокойнымъ и развязнымъ, но душа его все больше и больше погружалась во мракъ.

Постепенно къ столу подходили все новые и новые люди, появлялись все новыя и новыя бутылки.

Черкасскій замѣтилъ, что первое любопытство, которое онъ возбудилъ своимъ появленіемъ, прошло и что онъ пересталъ быть «объектомъ»! Точно они уже давно были знакомы съ нимъ. Разговаривали, ссорились, смѣялись... кто-то напился въ честь почетнаго гостя, къ нему подходили, чтобы чокнуться съ нимъ, но не было того назойливаго глазѣнья, той непріятной фамильярности, съ которыми каждый обращался къ нему тамъ... гдѣ? ну, тамъ!

Вдругъ онъ почувствовалъ на себѣ чей-то тяжелый взглядъ.

Противъ него сидѣла та пани или панна, фамиліи которой онъ не разслышалъ, и, подперевъ лицо худыми руками, уставилась на него своими большими темными глазами.

Черкасскій прямо взглянулъ на нее; онъ думалъ, что она спуститъ съ него глаза... но гдѣ тамъ! куда бы онъ ни обратился, онъ всюду чувствовалъ на себѣ ея пристальный, назойливый взглядъ.

«Только для этой я еще служу «объектомъ»,—подумалъ онъ.

Онъ снова взглянулъ на нее.

«Я гдѣ-то ужъ видѣлъ ее — это лицо должно мнѣ быть знакомо»...

Онъ напрасно напрягалъ свою память, разбиралъ все, что мелькало въ его мозгу за послѣдніе годы—все напрасно. Вѣрно только было то, что онъ разъ уже гдѣ-то видѣлъ это лицо,—эти темные, блестящіе, неподвижные, какъ у кошки, глаза,— это странно блѣдное лицо... но, можетъ быть, онъ ошибался... впрочемъ, нѣтъ!

Его мучило это напрасное припоминанье давно прошедшаго, уже давно выброшеннаго изъ памяти, но онъ никакъ не могъ вспомнить, кто она.

Впрочемъ, она уже направила свое вниманіе въ другую сторону.

— Кто эта пани? — спросилъ онъ Кульчицкаго.

Кульчицкій былъ видимо смущенъ.

— Это, это... жена Задуры, можетъ быть ты слышалъ о немъ, общественный дѣятель, впрочемъ, я навѣрное не знаю... онъ сейчасъ, вѣроятно, придетъ сюда.

Черкасскій снова посмотрѣлъ въ сторону пани Задуры и снова встрѣтился съ ея настойчивымъ взглядомъ, но на этотъ разъ вокругъ ея рта блуждала какая-то чуть замѣтная улыбка, очевидно, она почувствовала, что Черкасскій спрашивалъ про нее.

— Вы, очевидно, не помните меня, — развязно сказала она, — да и не можете помнить, зато я часто видала васъ издали.

— И я, вѣроятно, видалъ васъ, хотя лично не познакомился съ вами.

— Мы какъ-то были вмѣстѣ въ одномъ обществѣ, но вы не замѣтили меня.

— Гдѣ?

— У Глинскихъ.

Черкасскій съ удивленіемъ взглянулъ на нее, вздрогнулъ, овладѣлъ собой и съ минуту смотрѣлъ ей въ глаза.

— Можетъ быть,—холодно сказалъ онъ,—но я, дѣйствительно, не могу этого припомнить.

«Теперь она готова спросить меня про Ганку, — со страхомъ подумалъ онъ, но, вѣрно, у нея хватитъ такта не спрашивать о томъ, что она прекрасно знаетъ... значитъ и здѣсь я не найду покоя».

Но она ни о чемъ не спрашивала, только на ея губахъ все мелькала та же загадочная, таинственная не то улыбка, не то гримаса!

Разыгрываетъ интересную особу. Онъ знакомъ съ этимъ знакомъ съ этими таинственными полусловами, этимъ вскидываніемъ глазъ, упорными взглядами и этимъ, какъ бы невольнымъ вздрагиваньемъ, когда она встрѣчалась съ его взглядомъ... ему хотѣлось громко разсмѣяться.

Онъ отвернулся къ Кульчицкому и началъ смотрѣть въ другую сторону.

Кульчицкій смотрѣлъ на пани Задуру съ злымъ и обиженнымъ лицомъ, а ея глаза смотрѣли насмѣшливо, и все ея лицо отражало злую насмѣшку...

На другомъ концѣ стола два молодыхъ человѣка горячо спорили о Вейнингерѣ.

— Geschlecht und Charakter,—это самая геніальная книга, которая появилась со временъ Шопенгауэра... Вейнингеръ первый разорвалъ завѣсу, которой стыдливо прикрывалась женщина... Весь Стриндбергъ съ сво-

ей глупой ненавистью самца къ женщинѣ... ничто; у него лишь безумная болтовня обманутаго самца, безпомощное оплевыванье, когда уже не хватаетъ аргументовъ. Вейнингеръ первый далъ существенное, глубокое, непоколебимое основаніе для оцѣнки той quasi-загадки, какой была для насъ до сихъ поръ женщина.

Баранскій говорилъ громко и горячился все сильнѣе.

Пани Задура презрительно скривила губы и быстро взглянула на Баранскаго.

— Извините, если я осмѣлюсь сказать, что все, что Вейнингеръ говоритъ о женщинѣ,— одна только глупость. Что женщина представляетъ собой лишь воплощеніе похоти, можетъ написать только мальчишка съ неудовлетворенными желаніями или такой, надъ которымъ сжалилась какая-нибудь мягкосердечная проститутка. Женщина прежде всего мать и только мать, мученица своего материнства и въ этомъ вся ея душа, все ея естество... Не правда ли такъ, Черкасскій?

Черкасскій вздрогнулъ. Она говоритъ о Ганкѣ; ясно, что она говоритъ о ней, иначе не обратилась бы къ нему такъ неожиданно и съ такимъ значеніемъ. Откуда она знаетъ, что происходило въ душѣ Ганки? Что-то въ немъ болѣзненно задрожало. Онъ не могъ выговорить ни слова и только машинально кивнулъ головой.

— Что за nonsens, — спокойно, своимъ матовымъ голосомъ продолжала пани Задура, — говорить о женщинѣ, что она лишь воплощеніе похоти. Напротивъ, именно наоборотъ.., похоть является случайнымъ, даже рѣдкимъ явленіемъ у женщины... Мужъ? глупость! любовникъ? ну, хорошо, пусть такъ... онъ меньшая глупость,

но и онъ ничто, ну, можетъ быть, онъ и является чѣмъ-нибудь на короткій срокъ, но затѣмъ онъ ничто, совершенно ничто передъ ребенкомъ... материнство—единственная и благороднѣйшая сила женской души и единственная разница между нею и мужчиной, правда, панъ Черкасскій?

Черкаскій смотрѣлъ на нее широко раскрытыми глазами. Теперь онъ былъ увѣренъ, что она все знала, знала, можетъ быть, больше, чѣмъ онъ самъ, должна была знать, разъ обращалась къ нему съ такимъ недвусмысленнымъ намекомъ.

Онъ дрожалъ и съ трудомъ сдерживалъ свое волненіе. Она должна была имѣть извѣстія о Ганкѣ; онъ не сомнѣвался, что она говорила о ней, именно о ней, даже хвасталась этимъ и слишкомъ ясно давала ему это понять...

Она сдѣлала это некрасиво и нетактично, но его такъ захватила мысль, что она что-то знаетъ, что онъ услышитъ отъ нея про Ганку, что охотно проглотилъ все это.

Онъ разомъ выпилъ рюмку вина.

— Правда, правда, — вы это прекрасно сказали — мужъ ничто — любовникъ нѣчто большее, но только на короткое время — въ сравненіи съ ребенкомъ...

— Добрый вечеръ! — громко воскликнулъ кто-то у входа въ кофейню.

Кульчицкій лѣниво обернулся.

— Это Задура, — шепнулъ онъ на ухо Черкасскому.

Задура оглядѣлся вокругъ и сразу подсѣлъ къ Черкасскому.

— Очень, очень радъ, что удалось познакомиться съ вами.

Онъ сильно и энергично пожалъ руку Черкасскаго, на минуту посмотрѣлъ въ сторону жены, которая смотрѣла вдаль, а затѣмъ уже совершенно спокойно совсѣмъ повернулся къ Черкасскому.

— Я говорю съ вами, какъ-будто ужъ много лѣтъ знакомъ съ вами — я столько уже слышалъ о васъ—ну, а тѣ послѣднія событія въ Познани, они соединили ваше имя съ именемъ Корфини.

— Я почти не принималъ въ этихъ событіяхъ дѣятельнаго участія.

— Потому что не могли, васъ не допустили.

— Откуда вы все это знаете?

— Какъ же мнѣ не знать? Го-го... — нервно засмѣялся Задура.

— Корфини сдѣлалъ проломъ, и я теперь въ него пролѣзу. Понимаете, почему я долженъ все знать

Задура очевидно выпилъ лишнее, самъ это понялъ, сконфузился, овладѣлъ собой и уже продолжалъ спокойнѣе.

— Streick *) дѣтей не удался. Впрочемъ, ничего другого нельзя было и ожидать. Надо признаться, что прусское правительство ловкое. Дьявольское правительство занялось дѣтьми, которыхъ родители не умѣютъ воспитывать, и разослало ихъ по пріютамъ, но вы все это знаете.

— Знаю, знаю, я все это видѣлъ...

— Но это ничего, ничего. — Задура залпомъ выпилъ

---

*) Забастовка.

стаканъ вина, который ему подсунулъ кто-то изъ молодыхъ людей. — Все это имѣетъ глубокое значеніе. Всѣ наши демонстраціи и празднованія воспоминаній нашихъ побѣдъ, — всѣ памятники нашей когда-то славной исторіи, все это ничто, все это одна глупость передъ неслыханнымъ проявленіемъ нашей живучести и силы...

Онъ вдругъ ослабѣлъ, заговорилъ почти робко и упорно смотрѣлъ въ глаза Черкасскому, точно боясь, что встрѣтитъ протестъ.

— Хотя этотъ Streick и не удался, но онъ все же имѣетъ важное значеніе на вѣсахъ нашего господства въ Духѣ...

На минуту Черкасскому показалось, что онъ слышитъ какія-то громкія фразы, но въ голосѣ Задуры звучала какая-то обезоруживавшая вѣра.

— Новое поколѣніе подрастаетъ, мужаетъ, достигаетъ рыцарской силы... Го, го... придутъ—уже идутъ, идутъ... великіе мстители, и часъ расчета наступаетъ— Ça va — sa ira!

Черкасскому казалось, что онъ слышитъ Корфини.

— Вы знали Корфини? — непосредственно спросилъ онъ.

— Зналъ ли я его?

Задура быстро взглянулъ на Черкасскаго.

— Вы спросили объ этомъ, потому что услышали его слова, — правда?

— Правда.

— Съ той только разницей, что онъ вѣрилъ, сомнѣваясь, а я не сомнѣваюсь. Я вѣрю слѣпо, какъ хлопъ вѣритъ въ Бога и Господа Іисуса, а Корфини вѣрилъ

ни такъ, ни сякъ — у него выходило, что бабушка надвое ворожитъ. А это парализуетъ.

Наступила тишина.

— А что вы думаете?

— А сегодня ничего не могу сказать, — Черкасскій былъ очень утомленъ, — я такъ хочу вѣрить, только хочу! Знаю только, что Корфини былъ и есть однимъ изъ самыхъ сильныхъ людей, какихъ я когда-либо зналъ, но его деспотичное требованіе: жертвы и жертвы! неисполнимо.... готовность жертвовать собой можетъ длиться короткій срокъ, но все это одна горящая солома. И къ тому же кто принесетъ себя въ жертву? Хлопъ, только хлопъ принесетъ себя въ жертву, — да! Онъ покорно пожертвуетъ своимъ достояніемъ и жизнью, — но тѣ... тѣ другіе, тѣ старшіе братья — владѣтели громадныхъ латифундій, магнаты, наши милліонеры, ха, ха, ха, дорогой панъ—этихъ учить жертвовать собой?!

Черкасскій началъ раздражаться, но сдерживался всѣми силами.

— У насъ въ странѣ громадныя богатства, но говорятъ, что мы несчастный, бѣдный народъ,—развѣ намъ не выгоднѣе бить себя въ грудь и кричать: мы такъ бѣдны, дѣти наши умираютъ съ голода, намъ едва хватаетъ на нищенскую суму, да, да, панъ Задура, мы еще не доросли до жертвы! Развѣ только насъ хватитъ на грошъ подаянія, который мы бросаемъ иногда въ лохмотья фартука нашей несчастной нищенской родины, — но больше ни на что.

Онъ замолчалъ, стыдясь, что такъ искренно выска-

зался, но онъ уже пересталъ вѣрить въ дѣла сыновъ, рожденныхъ землей.

Задура омрачился.

Всѣ какъ-то затихли.

Черкаскій былъ смущенъ, — онъ невольно вызвалъ непріятное настроеніе, а ему такъ хотѣлось видѣть вокругъ себя веселыя лица и забыть о самомъ себѣ...

— Оставимъ это сегодня, я такъ радъ, что сижу съ вами...

Отчего ея теперь нѣтъ здѣсь? Отчего? И снова имъ овладѣла безумная надежда, что онъ найдетъ ее здѣсь, — онъ напряженно раздумывалъ, куда бы она могла направиться. Онъ зналъ, что это невозможно, а все же цѣплялся за мысль, что она могла быть гдѣ-нибудь здѣсь по близости одна, безпомощная—почему бы ей не заѣхать сюда?

Онъ опомнился. Что за глупыя мысли!

Имъ овладѣла безмѣрная, безконечная печаль — сердце его сжалось подъ бременемъ тяжелой доли...

Онъ встряхнулся.

Недоставало бы еще, чтобъ онъ расчувствовался.

Нѣтъ! нѣтъ! Ему тутъ было очень хорошо,—правда, онъ отвыкъ отъ людей, но они очень добрые, вполнѣ порядочные,—онъ втихомолку разглядывалъ ихъ—всѣ они очень хорошіе.

Онъ тихо разсмѣялся.

И вдругъ снова почувствовалъ на себѣ чей-то настойчивый взглядъ.

Онъ поднялъ голову.

Пани Задура снова смотрѣла на него, но уже съ

такой фамильярностью, точно разглядѣла его насквозь.

Ему стало противно.

— Что же ты такъ упорно молчишь, Кульчицкій?

— Я слушаю.

Задура исподболья взглянулъ на Кульчицкаго и снова обратился къ Черкасскому.

— Значитъ, вы совсѣмъ не вѣрите, чтобы мы могли что-нибудь сдѣлать противъ пруссаковъ?

— Напротивъ, вѣрю, очень вѣрю, — но для этого нужна наибольшая жертва, какую только можно принести—деньги!

Онъ не понималъ, почему раздражался все больше и больше, когда ему было здѣсь такъ хорошо.

— Видите ли, было время, когда приносилъ себя въ жертву тотъ, кто велѣлъ сказать собственной матери, боясь, что она помѣшаетъ исполненію его миссіи: «что общаго между мной и той женщиной?» когда онъ позволилъ пригвоздить себя къ кресту, тогда какъ могъ призвать себѣ на помощь легіоны архангеловъ,—было, дѣйствительно, время, когда человѣкъ могъ свидѣтельствовать кровью,—теперь же кровь дешева, — а съ тѣхъ поръ, какъ высокіе идеалы революціи переродились въ нашей милой Польшѣ въ бандитство, она стала дешевле, чѣмъ когда-нибудь,—въ наше время можно принести только одну жертву—деньги...

— Неужели?..

— Я сейчасъ вамъ это объясню. Дѣтскій Streick не удался, да и не могъ удаться, мы надѣялись на воображаемое вмѣшательство Европы въ виду прусскаго

варварства, — а Европа преспокойно смотрѣла на это и не двинула пальцемъ, — прекрасно! Но можно было бы устроить Streick земледѣльческій въ имѣніяхъ пруссаковъ въ Познани—это уже не идеологія, не моральные плюсы, до которыхъ, кромѣ насъ, нѣтъ дѣла ни псу, ни кошкѣ—это будетъ месть, возмездіе за тысячи нашихъ измученныхъ, искалѣченныхъ дѣтей, могучая, побѣдоносная месть. Земледѣльческій Streick во время жатвы — вѣдь это разореніе и банкротство нѣмецкихъ помѣщиковъ, понимаете? Кто же имъ замѣнитъ польскаго работника?

— Пусть тогда выписываютъ себѣ китайцевъ, или сами обработываютъ свои поля... Вотъ именно такой неожиданный, внезапный земледѣльческій Streick! Нѣмцы уже теперь его боятся—и совершенно напрасно, потому что на это нужны деньги, къ этому нужно приготовить работника—хлопа, обезпечить его существованіе во время безработицы, учредить кассу — на это потребуется около двухъ милліоновъ... А кто ихъ дастъ?

— Помните «Жерминаля» Зола?

— Помните того русскаго анархиста, который ничего не любилъ, кромѣ кролика, съ которымъ игралъ по вечерамъ?

— Зола удалось разъ быть остроумнымъ. Помните, какъ тотъ москаль-анархистъ назвалъ того кролика?

— La Pologne, la Pologne! Блестящее остроуміе! Польша—кроликъ... ха, ха, ха... Такъ вотъ видите, чтобъ довести пруссака въ Познани до розоренія, надо организовать земледѣльческій Streick, а на это у Поль-

ши нѣтъ денегъ — денегъ! — съ удареніемъ повторилъ онъ.

— У «la Pologne», бѣднаго кролика, богатаго поколѣніями магнатовъ и милліонеровъ, нѣтъ денегъ. «La Pologne» предпочитаетъ остаться бѣднымъ, до смерти замученнымъ жестокими прусскими кроликомъ, потому, что ему жаль, охъ, какъ страшно жаль всякаго пожертвованнаго гроша. — «La Pologne» наслаждается смѣшнымъ ореоломъ измученнаго преслѣдованіями кролика, потому что это вѣдь ничего не стоитъ, и la Pologne каждое воскресенье устраиваетъ патріотичныя процессіи по улицамъ Кракова и Львова, потому что австрійцы только тихонько смѣются въ кулакъ: пускай кроликъ безвредно забавляется, вѣдь кроликъ доставляетъ самыхъ лучшихъ и многочисленныхъ рекрутовъ и при этомъ такой скромный и ласковый. — Ха, ха, ха... Vive la Pologne!

Черкасскій вдругъ остановился... онъ показался смѣшнымъ самому себѣ. Онъ ощущалъ внутри себя тяжелую, страшную боль человѣка, душа котораго надломилась и который хочетъ заглушить эту боль какой-то ненужной проповѣдью, полной горечью и глупой къ тому же; вѣдь пруссакъ прикажетъ откомандировать нѣсколько десятковъ батальоновъ войска, прикажетъ солдатамъ убрать хлѣбъ, и дѣло будетъ сдѣлано...

Странно, что Задура не замѣтилъ ему этого.

Онъ неожиданно разсмѣялся.

— Панъ Задура, оставимъ это сегодня, я художникъ и въ политикѣ оказался настоящимъ банкротомъ—первый попавшійся писарь въ Познани объяснитъ вамъ гораздо лучше, чѣмъ я...

— Къ тому же все это для меня слишкомъ больно, чтобъ я могъ спокойно и основательно говорить объ этомъ.

— Нужны дѣла, а тогда и деньги, можетъ быть, найдутся.

— Дѣла, дѣла! правда, но мнѣ кажется, что дѣло не рождается, дѣло является неожиданнымъ и поражающимъ способомъ, какъ появленіе генія или внезапное, непредвидѣнное паденіе скалы.

Подождемъ такого дѣла, а пока—ха, ха... гуляй, душа, пока цѣла!—разсмѣялся онъ.

— Что же это ты спишь?

Онъ толкнулъ Кульчицкаго.

Кульчицкій все время нервно вертѣлъ рюмку, все чаще подливалъ себѣ вина, губы его все крѣпче сжимались, а на вискахъ напрягались синія жилы.

Взглядъ Черкасскаго невольно встрѣтился съ разгорѣвшимися глазами пани Задуры.

— Чего эта женщина отъ меня хочетъ?—съ неудовольствіемъ подумалъ онъ.

Давно уже ничто такъ его не раздражало, какъ этотъ противный, не отрывавшійся отъ него взглядъ.

Кульчицкій старался показаться веселымъ.

— У меня отъ вина закружилась голова, я цѣлый день работалъ, какъ волъ...

— Волъ не творитъ такихъ великолѣпныхъ вещей,— пани Задура сердечно засмѣялась, но губы ея приняли жесткое, насмѣшливое выраженіе.

Кульчицкій взглянулъ на нее изъ-подъ нахмуренныхъ бровей такимъ взглядомъ, точно хотѣлъ пронзить ее насквозь,—она спокойно выдержала его

взглядъ, только еще болѣе холодная и насмѣшливая улыбка замелькала въ углахъ ея сжатыхъ губъ.

— Вотъ именно только скотина, глупая скотина,— говорилъ или скорѣе шипѣлъ Кульчицкій,—могла создать такую ничтожную вещь, какъ моя послѣдняя работа...

Онъ разомъ выпилъ рюмку и обратился къ Черкасскому...

— Подумай только, мнѣ захотѣлось написать Сфинкса. Загадку жизни и смерти, начала и конца, причины и цѣли. Ха, ха, ха! И знаешь, что я создалъ? Лобъ чимпанзе, неспособный вмѣстить въ себѣ никакой мысли, лобъ какой-то самки изъ Неандертальской эпохи — съ волосами, растущими клиномъ посреди этого безсмысленнаго черепа — собственно это не волосы, а черная грива бѣшеной кобылы, съ глазами дикой малайки, раскрытыми ноздрями тупого носа, прожорливымъ ртомъ, какъ у людоѣдки — удались мнѣ только бюстъ и руки, играющія съ сосками роскошныхъ грудей.

Пани Задура быстро взглянула на него, насмѣшливая улыбочка ее приняла презрительный оттѣнокъ, на низкомъ лбу появилась морщина.

— Вы сегодня раздражены. Вы просто превратили въ карикатуру и безсовѣстно оплевали свое произведеніе. А оно, дѣйствительно, прекрасно.

— Неужели? — злымъ смѣхомъ засмѣялся Кульчицкій.

— Да! Только названіе банально. Къ чему постоянно искать въ женщинѣ, которой не понимаешь и понять не можешь, какого-то миѳологическаго сфинкса?

Душа такой женщины, можетъ быть, совсѣмъ и несложная, совершенно простая, даже банальная,—мужчина же, вслѣдствіе того, что ея не понимаетъ, насильно хочетъ найти въ ней какую-то глубину и не умѣетъ объяснить ее иначе, какъ назвавъ сфинксомъ.

— Или мужчина требуетъ непремѣнно, чтобы женщина жила его мыслями, чувствовала такъ же, какъ онъ, шла по его слѣдамъ, мчалась, очертя голову, покорно уступая ему первенство, къ намѣченной имъ цѣли,—а если она захочетъ жить самостоятельной, собственной жизнью, если осмѣлится быть другого мнѣнія, перескочить заборъ, которымъ онъ окружилъ ее, пожелать другого пастбища, а не того, которое онъ милостиво удѣлилъ ей, тогда она сразу дѣлается чудовищемъ съ лбомъ чимпанзе, на которомъ, какъ на гумнѣ, судьба молотитъ плевелы, хотя бы онъ и былъ высокъ, чистъ и преданъ, съ глазами сластолюбивой малайки, хотя бы въ нихъ и пылалъ огонь самой благородной жизни, съ кровожаднымъ ртомъ, хотя бы онъ принадлежалъ даже Монѣ Лизѣ съ ея улыбкой тихой молніи, предвѣщающей жаркимъ лѣтомъ дождь и время жатвъ. И даже, если бъ она коснулась своей груди чистыми руками весталки или жрицы, такому царю природы угодно будетъ и въ такомъ случаѣ сдѣлать изъ нея развратницу, которая наслаждается игрой своими сосками.

— Какъ я вамъ благодаренъ за это новое побужденіе къ работѣ. — Кульчицкій говорилъ уже съ холодной ненавистью.

— Теперь—только теперь мой Сфинксъ будетъ настоящимъ, неслыханнымъ, неразгаданнымъ сфинксомъ.

Я только сдѣлаю его лобъ выше и благороднѣе, волью только блескъ творческаго свѣта въ его глаза, только еще заставлю сіять его таинственныя уста той тихой молніей—да... да... это, дѣйствительно, будетъ сфинксъ, загадка, которой никто не разгадаетъ—и самъ художникъ не угадаетъ, откуда ее взялъ.—Онъ громко расхохотался.

На минуту лицо пани Задуры все вспыхнуло, но только на минуту.

— О!. вотъ видите! — смѣялась она, — какъ вы на лету подхватили эту мысль и какъ поняли ее. Иногда и мозгъ такого сфинкса изъ эпохи Неандерталя можетъ высидѣть то, что годится и великому художнику.

Кульчицкій тяжело поднялся изъ-за стола.

— А теперь я пойду и уничтожу моего глупаго, банальнаго сфинкса, а завтра начну работать надъ той воображаемой и существующей только въ математическихъ вычисленіяхъ химерой, о которой вы говорили...

— Извини меня, — Кульчицкій наскоро простился съ Черкасскимъ, — мнѣ завтра, чѣмъ свѣтъ, надо взяться за работу.

Черкасскій хотѣлъ выйти вмѣстѣ съ нимъ и уже вскочилъ, — но одна маньячная мысль удержала его:

«Это дама должна что-то знать про Ганку; еще нѣсколько словъ, и я вытяну изъ нея то, что мнѣ нужно, можетъ быть, это будетъ путь, по которому мнѣ удастся найти ее».

— Я къ вамъ завтра зайду...

— Очень буду радъ.

Кульчицкій убѣжалъ.

Черкасскій оглядѣлся вокругъ.

Задура преспокойно игралъ на билліардѣ съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ; у стола оставалось только нѣсколько молодыхъ людей—одинъ изъ нихъ рисовалъ, двое другихъ разсматривали его рисунокъ, остальные съ увлеченіемъ спорили, сами не зная, о чемъ, и у Черкасскаго появилось въ душѣ непріятное чувство, что онъ остался наединѣ съ этой таинственной дамой, глаза которой все время были пристально устремлены на него и которая могла что-то разсказать ему про Ганку.

V.

Наконецъ и молодой Баранскій простился съ Черкасскимъ.

Остались только пани Задура и онъ.

Она нѣсколько разъ взглядывала на него, но Черкасскій казался совершенно безсознательнымъ.

Она должна знать что-то о Ганкѣ, думалъ онъ, слишкомъ ужъ она ясно намекала на то, что мать въ Ганкѣ побѣдила, что она бросила его, чтобы бѣжать къ ребенку—она навѣрное знастъ, что теперь дѣлается съ Ганкой.

Онъ понемногу началъ припоминать. Разъ или два онъ видѣлъ ее у Глинскихъ. Ганка какъ-то говорила ему про какую-то знакомую, которая вышла за извѣстнаго дѣлового человѣка....

И снова онъ встрѣтился съ тѣмъ фамильярнымъ взглядомъ, который говорилъ: «я знаю, что дѣлается съ твоей Ганкой, я одна могу тебѣ это сказать».

— Ну, такъ и мы пойдемъ, — вдругъ произнесла она.

— А гдѣ же вашъ мужъ?

— Ему теперь нельзя мѣшать — онъ теперь играетъ на билліардѣ, — таинственно сказала она.

Черкасскій съ удивленіемъ взглянулъ на нее.

— Васъ это удивляетъ? Человѣка, воспитаннаго такъ по-европейски, еще можетъ что-нибудь удивлять? Мы рѣшили предоставить другъ другу полную свободу, я ухожу и прихожу, когда хочу, и онъ также. Только при такихъ условіяхъ возможенъ бракъ—правда? Онъ не спрашиваетъ, что я дѣлаю, мнѣ совершенно все равно чѣмъ онъ занятъ—мы свободные люди.

— Такъ для какого же вы чорта женились? — хотѣлось спросить Черкасскому.

Она смотрѣла на него съ насмѣшливой улыбкой.

— Вамъ совсѣмъ не нужно говорить, ваше лицо выдаетъ васъ. Въ эту минуту вы думали—какой смыслъ въ такомъ бракѣ, правда?

— Правда, — съ досадой отвѣчалъ смущенный Черкасскій.

— Я вамъ сейчасъ скажу. Нашъ бракъ нѣчто въ родѣ будущей «Reformehe», которую нѣмцы, или, вѣрнѣе, нѣмецкая богема, хотятъ провести въ жизнь. Такой бракъ основывается на сложившемся мнѣніи, что при настоящемъ общественномъ строѣ женщина никогда не бываетъ такой свободной и самостоятельной, какъ тогда, когда носитъ фамилію мужа. Тогда все ей позволено: общество становится снисходительнымъ, притворяется, что ничего не видитъ, и если только она сохраняетъ нѣкоторыя приличія, она можетъ быть

даже уважаемой, ба! можетъ даже стать во главѣ какого-нибудь религіознаго общества. Съ другой стороны, мужчина въ такомъ реформированномъ бракѣ пользуется абсолютной свободой, то-есть его вкусамъ, желаніямъ и страстямъ не мѣшаетъ никакая непріятная ревность со стороны женщины, никакіе упреки, никакое непріятное подсматриванье—ну! однимъ словомъ все то, что такъ непріятно связываетъ мужчину.

Она цинично разсмѣялась.

Черкасскій все больше удивлялся этому безстыдному, вызывающему разговору. Ужъ не пьяна ли она?—подумалъ онъ.

— Воображаю, какъ вы удивлены. — Вы уже видали меня, но въ дѣйствительности видите меня въ первый разъ... И вдругъ я осмѣливаюсь заговорить съ вами кофейнымъ жаргономъ гнилой богемы.

Черкасскій молчалъ.

— Вы даже непріятно удивлены. Но въ сущности, вы должны признать, что я права. Если та и другая сторона добровольно соглашаются на такой контрактъ и онъ имъ окажется удобнымъ, то почему же нѣтъ? Мужчина ничѣмъ не рискуетъ—развѣ только именемъ, а оно теперь считается предразсудкомъ, зато онъ много выигрываетъ, у него миръ и порядокъ въ домѣ, а что для него всего важнѣе, у него есть домъ—убѣжище, гдѣ онъ отдыхаетъ послѣ своихъ трудныхъ и утомительныхъ похожденій...

— Потому что, видите ли каждому мужчинѣ, художникъ ли онъ, общественный дѣятель или спекулянтъ на биржѣ, необходимо иногда уклониться въ сторону — безъ этого невозможно. А представьте себѣ, ка-

кой смѣшной является женщина, которая сходитъ съ ума отъ ревности, не можетъ примириться съ порядкомъ вещей, терзается, отравляетъ себѣ жизнь, иногда даже доходитъ до такого безумія, что бѣгаетъ съ револьверомъ за невѣрнымъ мужемъ—ха, ха, ха... можете вы представить себѣ что-нибудь смѣшнѣе этого?

Ага! Черкасскій начиналъ оріентироваться, тутъ что-то надломилось—такъ можетъ говорить въ женщинѣ только ненависть. Онъ невольно улыбнулся.

Она сразу это замѣтила.

— Вамъ смѣшно, вамъ, навѣрное, кажется, что моими устами говоритъ горечь и обманутая любовь. Вы ошибаетесь. Я, какъ жена дѣлового человѣка, во всемъ поступлю разумно и на основаніи извѣстныхъ правилъ—потому что вы должны знать, что на всемъ свѣтѣ только у дѣловыхъ людей существуютъ еще неизмѣнныя правила, неизмѣнныя рѣшенія и непоколебимыя основы жизни.

— Да, очевидно,—Черкасскій говорилъ разсѣянно. Что ему за дѣло до реформированнаго брака. Чортъ съ ними, если онъ имъ нравится. Онъ дрожалъ отъ желанья узнать что-нибудь про Ганку, былъ даже увѣренъ, что что-нибудь узнаетъ про нее, теперь онъ въ этомъ уже не сомнѣвался....

Весь ея разговоръ, фамильярный и безцеремонный ни съ того, ни съ сего, точно она была съ нимъ Богъ вѣсть въ какихъ близкихъ отношеніяхъ, не могъ быть безцѣльнымъ.

— Вы еще не признаете раціональности реформированнаго брака? Вѣдь выгоды его ясны, какъ на ладони. Подумайте—вѣдь и женщина человѣкъ. Вышла за-

мужъ глупой дѣвчонкой, можетъ быть, отъ нея хотѣли отдѣлаться, а, можетъ быть, ей самой хотѣлось поскорѣе бѣжать изъ нелюбимаго дома—вы не повѣрите, но изъ ста дѣвушекъ девяносто не знаетъ, что такое бракъ! Но вотъ дѣло сдѣлано—дверка захлопнулась. Она дѣлается вещью, рабой, собакой—хорошо еще, если она долго охраняетъ и бережетъ свой домашній очагъ, но сохрани Богъ, если въ ней пробудится человѣкъ, если она захочетъ пойти дорогой, которую ей укажетъ сердце...

— Сейчасъ же развернется цѣлый адъ: страшное преступленіе, отвратительные скандалы, разводы, травля—Богъ знаетъ, что... и... и...—Она цинично засмѣялась... — Tant de bruit pour une omelette!

Она вдругъ встала.

— Можетъ быть, мы пройдемся, — сказала она, — тутъ невыносимо жарко.

— Съ удовольствіемъ.

— Вы знаете городъ?

— Нѣтъ, но шоферъ, вѣроятно, знаетъ.

— Правда.

Она вышла, не оборачиваясь.

Черкасскій съ минуту колебался.

Задура подбѣжалъ къ нему.

— До свиданья, надѣюсь, что мы видимся не въ послѣдній разъ.

— Я еще побуду здѣсь.

На улицѣ его ждала пани Задура.

— Куда же? — спросилъ онъ.

— Ужъ я васъ проведу.

Они долго шли молча.

Черкасскій едва могъ овладѣть собой. Въ его умѣ, въ его душѣ мелькалъ лишь одинъ вопросъ: «Не знаете ли вы, гдѣ Ганка?» но какой стыдъ удерживалъ его. Онъ совсѣмъ не зналъ, что это была за женщина,—ему не хотѣлось обнажать своего сердца передъ первой встрѣчной. А все-таки шелъ за ней, потому что не сомнѣвался, что отъ нея узнаетъ кое-что.

— Какъ жизнь отвратительна и безплодна, — вдругъ сквозь зубы пробормотала она.

Черкасскій взглянулъ на нее; голосъ ея звучалъ какъ-то иначе, съ лица исчезла насмѣшливая улыбка, вокругъ рта появились морщинки скуки, пресыщенья и утомленія.

— Конечно, такой реформированный бракъ долженъ дѣлать душу безплодной... — Черкасскій самъ не замѣтилъ, какъ произнесъ эти слова.

Она вдругъ разсмѣялась странно непріятнымъ и рѣзкимъ смѣхомъ.

— Такъ вы серьезно повѣрили всему, что я говорила?

— Я не такъ наивенъ, чтобы повѣрить тому, что вы высказали съ такой демонстративной смѣлостью, къ тому же и никогда не придираюсь къ словамъ,—меня всегда только интересуетъ скрытая сторона чувства, которая выдѣляетъ изъ себя ту или другую волну словъ.

— Вы очень искренни.

— Потому что вы сами стараетесь быть искренной, только вы уже слишкомъ яркими словами пытались выразить то, что въ васъ происходитъ.

— Ого! съ вами не легко справиться. А какія же

скрытыя стороны моей души вы открыли? — спросила она съ улыбкой, которая должна была быть пропичной, но оказалась смущенной.

— Васъ изводитъ скука, можетъ быть, пресыщеніе, а во всякомъ случаѣ вами овладѣла горечь.

Она ничего не отвѣтила, только нервно ускорила шаги.

«Можетъ быть, я угадалъ, а можетъ быть, и нѣтъ, во всякомъ случаѣ молчанье ея доказываетъ, что она желаетъ быть понятой такъ, а не иначе», думалъ почти обрадованный Черкасскій. Это признаки удовлетворенія... ха, ха, скоро можно будетъ поговорить съ ней про Ганку. Черезъ минуту она сброситъ маску и будетъ такой, какой онъ желаетъ ее видѣть. Онъ хорошо зналъ этихъ женщинъ, которыя стараются быть интересными въ присутствіи знаменитаго художника, изслѣдуютъ его слѣбыя стороны, ищутъ лазеекъ, которыми можно вкрасться въ его душу, и всегда увѣрены, что онъ одинъ разгадалъ ихъ, проникнулъ, одинъ сумѣлъ понять ихъ.

Это создаетъ извѣстное сродство душъ — ха, ха — ну, и мостъ готовъ — знаемъ мы это, знаемъ, но въ этомъ случаѣ маневръ этотъ былъ ему на руку.

— Въ одномъ только я ошибся. Я говорилъ о пресыщеніи — теперь я чувствую, что былъ на ложномъ пути. Не пресыщеніе, а тяжелое разочарованіе. Вы вступили въ жизнь, Богъ знаетъ, съ какими горячими надеждами, а она васъ окончательно обманула, и вы теперь стараетесь спастись цинизмомъ.

— А если и такъ? — вскинула она голову.

— Такого рода путь спасенія совершенно фальши-

вый. Жизнь такъ неизмѣримо богата, что не нужно цѣпляться за самыя безплодныя средства.

– За минуту передъ тѣмъ вы сказали: какъ жизнь отвратительна и безплодна!

— Это пустота, пустота, которой мы не хотимъ и не стараемся запомнить.

— Какъ вы странно говорите со мной.

— Это васъ удивляетъ? Меня интересуетъ всякая человѣческая душа, я благодаренъ каждому человѣку, который позволяетъ мнѣ уловить новую черту въ сложной психикѣ человѣческой души, и свою благодарность выражаю откровенностью.

— А какую новую черту вы уловили во мнѣ?

— Я уловилъ подъ другой оболочкой подтвержденіе того, что люди, которые презираютъ и проклинаютъ жизнь, совсѣмъ ея не знаютъ и глубоко жаждутъ ея. Люди, испытавшіе тяжелое разочарованіе, склонны къ обобщенію, распространяютъ свою горечь на все и вся и съ болѣзненной тоской простираютъ руки за тѣмъ, что можетъ дать имъ успокоеніе. Правда?

«Какъ я поразительно уменъ, съ насмѣшкой подумалъ онъ самъ про себя, почему же я не сумѣлъ такъ же мудро заглянуть въ душу Ганки?»

— Пусть такъ, если вамъ такъ кажется. Вы художникъ, слѣдовательно вамъ необходимы такія тонкія и проницательныя конструкціи для вашихъ твореній.

— Это не конструкція, — прервалъ Черкасскій,—въ каждой душѣ разыгрываются такіе странные контрасты. Я зналъ человѣка, который почти не произносилъ другихъ словъ, кромѣ скверныхъ и непристойныхъ, просто наслаждался отвратительнымъ цинизмомъ; а между

тѣмъ, душа его была необыкновенно стыдлива и, представьте, — вполнѣ дѣвственна.

— Что вы этимъ хотите сказать?

— То, что за бравадой, съ которой вы провозглашали свое мнѣніе о бракѣ, даже въ цинизмѣ, съ какимъ вы говорили о самыхъ больныхъ сторонахъ души женщины, а также и мужчины, кроется напуганная, безпомощная израненная душа.

Наступило тяжелое молчаніе.

Черкасскій былъ доволенъ направленіемъ, которое далъ разговору. Теперь онъ могъ безъ страха спросить ее про Ганку, безъ страха, что она могла бы коснуться ея циничными, грязными пальцами.

— Не зайти ли намъ въ какой-нибудь винный погребокъ? Я вижу, что вы очень устали.

— Съ удовольствіемъ... Я такъ долго и почти исключительно имѣла дѣло съ вашими произведеніями, что теперь иду съ вами, точно съ хорошимъ знакомымъ. Къ тому же я сговорилась съ своимъ братомъ — мы должны встрѣтиться съ нимъ въ маленькомъ ресторанѣ недалеко отсюда.

— Такъ у васъ есть братъ?

— Да, съ нимъ-то я и должна встрѣтиться.

Черкасскому показалось, что она сказала это съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ, но навѣрное, это ему только такъ почудилось подъ вліяніемъ нетерпѣливаго и нервнаго возбужденія въ ожиданіи разговора о Ганкѣ.

Онъ вдругъ опомнился. Во всей этой мукѣ душа его сдѣлалась такой чувствительной, воображеніе такъ болѣзненно разыгралось — недавно была минута, ко-

гда онъ былъ увѣренъ, что Ганка должна быть гдѣ-то здѣсь по близости, недалеко, въ этомъ самомъ городѣ, а теперь онъ ночью шатается съ какой-то чужой, даже непріятной ему женщиной, въ той увѣренности, что она—именно она, должна что-то знать про Ганку—скоро онъ всякаго прохожаго будетъ спрашивать, не видалъ ли онъ Ганки...

«Дѣло мое плохо», подумалъ онъ и почувствовалъ какое-то угнетеніе и страхъ.

Въ эту минуту они вошли въ маленькій, нарядный, почти еще пустой винный погребокъ и сѣли въ отдаленномъ уголкѣ.

Черкасскій приказалъ подать вина.

— Вы выпьете?

— Съ удовольствіемъ. Когда-то, когда я уже носила длинное платье и въ первый разъ дорвалась до вашихъ произведеній, самой страстной моей мечтой было напиться вмѣстѣ съ вами...

— Почему же напиться? — спросилъ удивленный Черкасскій.

— Потому что тогда, такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, казалось, я рѣшилась бы заговорить съ вами, раскрыть передъ вами всю свою душу — я цѣлыми ночами не спала и все обдумывала, какъ все вамъ выскажу. Теперь я уже забыла, но знаю, что хотѣла сказать много, много...

— Жаль, что я тогда не встрѣтился съ вами.

— Почему?

— Въ такихъ случаяхъ женская душа необыкновенно интересна. Разъ я получилъ письмо отъ одной девятнадцатилѣтней барышни, — она сама написала,

сколько ей лѣтъ,—которое меня на минуту растрогало. Она писала мнѣ, что не знаетъ, что съ собой начать, что утратила вѣру въ себя, все ей опротивѣло, она взводила на себя самыя чудовищныя вещи, умоляла, чтобъ я подалъ ей какой-нибудь совѣтъ, указалъ ей путь, на которомъ бы она могла найти самое себя, писала, что стоитъ надъ пропастью, которая ее пугаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ притягиваетъ... Все это было написано довольно хаотично, иногда производило впечатлѣніе истеричныхъ чувствъ, но во всемъ этомъ чувствовался искренній крикъ надламывающейся души...

— Вы отвѣтили на это письмо?

— Нѣтъ!

— Почему же?

— Я никогда не переписываюсь «poste-restante» и не обращаюсь къ анонимамъ, а къ тому же я скоро позабылъ объ этомъ письмѣ и вспомнилъ его только сейчасъ.

— Жаль, жаль, что вы не отвѣтили. — Пани Задура упорно смотрѣла въ свою рюмку.

— Почему?

— Мнѣ кажется, что вы сумѣли бы отвѣтить ей такъ, что она нашла бы самое себя, вернула бы себѣ вѣру въ себя... Навѣрное, вы казались ей какимъ-то чудодѣйственнымъ божествомъ, если она съ такой довѣрчивостью и покорностью протягивала къ вамъ руки.

— Да?—Черкасскій такъ былъ поглощенъ мыслью, какъ начать разговоръ о Ганкѣ, что не совсѣмъ разслышалъ, что она говорила.

Она замѣтила его разсѣянность и почти съ ненавистью взглянула на него.

— И вы не подумали о томъ, какое причиняете ей зло, не отвѣтивъ на ея письмо?

— Зло? — спросилъ онъ съ удивленіемъ. — Какое зло?

— Да, зло, зло, — страстно повторяла она, — вы такой тонкій человѣкъ и не понимаете этого?

— Увѣряю васъ, что нѣтъ!

— Такъ я вамъ объясню, я знаю душу женщины въ этомъ возрастѣ. Наступаетъ моментъ перелома. Въ тяжеломъ страданьѣ, хватаясь, какъ утопающій за соломинку, она рѣшилась пойти къ вамъ, какъ къ духовнику—девятнадцатилѣтней дѣвочкѣ человѣкъ, которому она собирается высказать свою душу, всегда кажется духовникомъ. Но смѣлость этой мысли испугала ее... ей, навѣрное, показалось, что она сгоритъ со стыда...

— Но почему же она обращалась именно ко мнѣ?

— Ну, очевидно, она читала ваши произведенія, а отъ нихъ вѣетъ страданьемъ и такой болѣзненной жалостью къ человѣческому горю, что бѣдняжка подумала — онъ одинъ пойметъ меня, онъ одинъ не осудитъ, но поможетъ...

— Но въ чемъ же я могъ помочь ей? — съ нетерпѣніемъ спросилъ Черкасскій.

— Ба! если бъ она сама это знала... Но тутъ дѣло не въ томъ, знаетъ ли она объ этомъ, или не знаетъ, тутъ дѣйствуетъ простая, слѣпая вѣра, совсѣмъ такая, съ какой простая женщина приноситъ къ алтарю своего полуживого ребенка и вѣритъ, что тотъ или другой святой исцѣлитъ его.

— Ну, и? — спросилъ Черкасскій, нервничая, что не можетъ добиться слова и что разговоръ о Ганкѣ безконечно откладывается.

— При этомъ она, вѣроятно, гдѣ-нибудь видѣла васъ — а вѣдь вы знаете—вы возбуждаете довѣріе, и отъ васъ исходитъ какая-то сила...

— Благодарю васъ...

Она почти сурово взглянула на него.

— Однако, она не осмѣлилась подойти къ вамъ: напишу ему, подумала она... Всю ночь, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, она писала и рвала, да... писала и рвала... а на разсвѣтѣ, вся пылая, оглядываясь на всѣ стороны, точно совершала преступленіе, опустила письмо въ ящикъ.

Черкасскій чувствовалъ съ облегченіемъ, что разсказъ приближается къ концу, потому что этотъ сентиментальный анализъ не особенно трогалъ его.

— Ну, и что же дальше?

— Вдумайтесь въ тяжелую муку души дѣвушки, которая въ глупыхъ мечтахъ искала въ этомъ человѣкѣ именно послѣдней опоры. Вообразите себѣ мученье ожиданья — день за днемъ — въ продолженіе цѣлаго мѣсяца. Напрасно, какъ безумная, летала она на почту — ее встрѣчалъ все одинъ и тотъ же насмѣшливый стереотипный отвѣтъ чиновника, который ужъ зналъ ее: для васъ нѣтъ ничего — и день за днемъ душа ея все больше разрушалась. А какой стыдъ обнажить свою душу передъ человѣкомъ, который, вѣроятно, бросилъ ея письмо въ корзину или въ кофейнѣ показывалъ его знакомымъ.

Черкасскому становилось все непріятнѣе, какая-то

боль поднялась въ немъ — что-то болѣзненно мелькало въ его мозгу — но что?

— Теперь, — продолжала пани Задура, странно сжавъ губы, — теперь все въ ней обрушилось. Онъ — этотъ божій пророкъ, какимъ она себѣ его представляла, обманулъ ее, поэтому, будь что будетъ! Я только слегка набросала вамъ, что дѣлалось въ душѣ дѣвушки, что окончательно заставило ее броситься въ ту пропасть, которая, какъ она писала вамъ, пугала и притягивала ее...

— Броситься? — невольно переспросилъ Черкасскій.

— Очертя голову.

Черкаскій старался отдѣлаться отъ непріятнаго впечатлѣнія.

— А, можетъ быть, той барышнѣ просто захотѣлось пережить какое-нибудь приключеніе съ знаменитымъ и пользовавшимся дурной славой человѣкомъ? — попробовалъ онъ пошутить.

— Нѣтъ, о, нѣтъ! торжественно ручаюсь вамъ за это.

Пани Задура смотрѣла на него сверкающими глазами, на щекахъ ея выступили ярко-красныя пятна.

— Почему вы это такъ достовѣрно знаете? — съ безпокойствомъ спросилъ Черкасскій.

— Потому что это письмо писала я!

— Вы?

— Я!

Черкасскій вдругъ почувствовалъ сильное раздраженіе. «Значитъ теперь, оттого, что я не отвѣчалъ на ея какое-то экзальтированное письмо пансіонерки, которое она написала, когда неудовлетворенное половое

влеченіе вызвало въ ней сильное психическое волненіе. она готова дѣлать мнѣ упреки и свалить на меня всю вину, за то, что и теперь не знаетъ, что съ собой дѣлать».

— Да, да, — холодно сказалъ онъ, скрывая насмѣшку, чтобы не оскорбить ее и не вооружить противъ себя, — вещи, наиболѣе чреватыя послѣдствіями, почти всегда имѣютъ самую мелкую, глупую, прямо непонятную причину.

Она смотрѣла на него тѣмъ самымъ упорнымъ взглядомъ, который уже давно раздражалъ его и казался ему назойливымъ. Онъ готовъ былъ вылить на нее цѣлый потокъ непріятныхъ и язвительныхъ словъ, но сдержался. Вѣдь онъ могъ все испортить, а между тѣмъ только отъ нея одной, только отъ нея,—онъ въ этомъ больше ни минуты не сомнѣвался,—могъ онъ узнать что-нибудь о Ганкѣ.

Дыханье у него замерло. Теперь, теперь наконецъ можно начать.

— Такъ вы тогда знали меня? — Въ глазахъ у него потемнѣло, напряженіе ожиданья сдѣлалось до того невыносимымъ, что ему хотѣлось вскочить и выбѣжать на улицу.

Онъ разомъ выпилъ цѣлую рюмку.

— Я уже говорила, что видала васъ у Глинскихъ.

— Правда, правда, вы мнѣ говорили объ этомъ...— Сердце стучало у него прямо въ горлѣ, онъ не могъ выговорить ни слова. — Значитъ, вы были знакомы съ пани Глинской? — проговорилъ онъ наконецъ.

Она отвѣчала не сразу. Но ему казалось, что она

до самаго дна его сердца проникла своими сверкающими глазами.

— Да, я знала ее, — медленно сказала она наконецъ,— насколько могла ее знать, особенно въ то время... Да, въ то время — вы хорошо это знаете — когда я была вполнѣ поглощена совсѣмъ другимъ... Къ тому же пани Глинская была всегда очень скрытна, не хотѣла дѣлиться, особенно же съ совсѣмъ для нея чуждой дѣвчонкой, какой была я.

Она подперла лицо обѣими руками и не спускала глазъ съ Черкасскаго.

— И что? И что же? — лихорадочно спрашивалъ Черкасскій, начинавшій терять самообладаніе.

— Я была свидѣтельницей всего, что произошло— то-есть, я не видала, а только все предчувствовала, какъ въ ясновидѣніи. У женщинъ, даже у молодыхъ дѣвушекъ, въ извѣстную пору жизни бываютъ такія минуты ясновидѣнія.

Теперь Черкасскій потонулъ въ воспоминаніяхъ того времени, когда познакомился съ Ганкой и едва обмѣнялся съ ней парой словъ. Но уже и тогда глаза ихъ встрѣчались все чаще и чаще, а черезъ нихъ соединялись и сливались другъ съ другомъ ихъ души и сердца. Глаза Ганки! Безсознательно и безъ сопротивленія покорился онъ таинственному очарованію этихъ глубокихъ прозрачныхъ глазъ, въ которыхъ отражалось малѣйшее движеніе ея чистой души. Имъ не нужно было словъ — глаза ея говорили языкомъ глубокихъ озеръ, когда они разгораются радостной вѣстью о солнцѣ, которое еще не вставало — языкомъ земли, окутанной бѣлыми, клубящимися туманами — стебелька цвѣтка,

который своимъ вѣнчикомъ пробивается сквозь темную, густую травку, развертываетъ свою чашечку и впиваетъ въ себя небесную росу. О! тѣ мгновенія дрожащаго, неуловимаго упоенія, подобныя дрожанію тысячъ блестящихъ искръ на стеклянной поверхности озеръ, когда надъ ними проносится вечеромъ ласкающая волна легкаго вѣтерка, мгновенья таинственныхъ чаръ и восторговъ, когда на темномъ вечернемъ небѣ привѣтствуютъ другъ друга двѣ восходящія звѣзды и своими лучами соединяются въ струны вѣчной арфы, которая льетъ на землю брилліантовый потокъ неземныхъ пѣсенъ о глубинѣ ночи, которая поглотила въ себѣ ясный день. Губы его задрожали, лицо болѣзненно подергивалось.

Наступило долгое молчаніе.

— Панъ Черкасскій?

— Что? — Ему показалось, что кто-то грубо разбудилъ его.

— Теперь мы можемъ поговорить вполнѣ откровенно.

Онъ взглянулъ на нее вопросительно, но непріятный вопросъ точно застрялъ въ его горлѣ.

— Видите ли, я достаточно умна, чтобы ни на минуту не обманывать себя, что вы не сидѣли бы здѣсь со мной, если бы не были убѣждены, что я должна знать кое-что о пани Ганкѣ.

Онъ не отвѣчалъ и только жадно смотрѣлъ на нее, точно хотѣлъ вырвать изъ ея устъ каждое слово.

По лицу ея на одно мгновенье промелькнула улыбка — страдальческая или насмѣшливая — онъ уже не сумѣлъ этого различить.

— Вы ловкій человѣкъ—копье, которымъ вы недавно цѣлились въ мое сердце, я теперь обращаю противъ васъ — у васъ подъ рукой тысяча и одна маска, но для страданья, которое теперь кровавыми ранами бороздитъ ваше сердце, вы еще маски не нашли...

Черкасскій поднялъ на нее свои холодные и въ ту минуту страшно усталые глаза.

— Мы хотѣли быть искренними другъ съ другомъ, а теперь въ желаете мстить мнѣ за то, что я случайно коснулась какой-то раны въ вашемъ сердцѣ.

— Оставимъ теперь всѣ эти хитрости...—Онъ на минуту умолкъ, сердце его билось, руки безпокойно подергивались. — Дѣйствительно, я желалъ узнать отъ васъ кое-что о пани Ганнѣ, я предчувствовалъ, что вы что-то знаете...

Передъ глазами его мелькали какіе-то странные огоньки.

— Вы все знаете? — вдругъ спросилъ онъ съ какимъ-то странно строгимъ выраженіемъ, не терпящимъ никакихъ увертокъ или опроверженій.

— Знаю — все до послѣдней катастрофы.

— Откуда вы все это знаете? — спросилъ или, скорѣе, прошипѣлъ онъ.

— Вы могли бы спросить повѣжливѣе, если отвѣтъ такъ важенъ для васъ.

Взглядъ его встрѣтился съ ледянымъ взглядомъ пани Задуры.

— Простите меня, но мнѣ казалось, что вы отлично знаете, что должно происходить во мнѣ, — съ трудомъ проговорилъ онъ.

Болѣзненный стыдъ сжалъ его душу, но онъ рѣшил-

ся во что бы то ни стало, хотя бы даже униженіемъ передъ этой женщиной, которая такъ раздражала его, добиться отъ нея какихъ-нибудь свѣдѣній.

Пани Задура пила понемногу, но не переставая.

Черкасскій доливалъ ей вино въ пустую уже рюмку, рука его дрожала, онъ пролилъ вино на скатерть.

Она улыбнулась.

— Откуда я все это знаю? — Она проницательно смотрѣла на Черкасскаго, — изъ первыхъ рукъ — изъ самаго лучшаго источника.

Въ эту минуту Черкасскій не сознавалъ, что съ нимъ происходило, онъ ощущалъ только въ своемъ мозгу какое-то непріятное покалыванье, руки его то сжимались, то разжимались — вся душа его, все его существо вылилось въ одномъ умоляющемъ вопросительномъ взглядѣ:

— Отъ кого?

— Отъ моего брата!

— Брата?!

— Ну, да, я сестра Зарембы.

— Сестра Зарембы? Какого Зарембы?

— Того самаго, котораго вы знаете, именно того, съ которымъ вы вмѣстѣ искали пани Ганку, который заболѣлъ дорогой, а потомъ неожиданно явился сюда ко мнѣ.

Черкасскій не сознавалъ вполнѣ, что она говорила, онъ только ясно чувствовалъ, что полъ подъ нимъ опускается, электрическій свѣтъ дрожитъ, точно колеблемый вѣтромъ, губы его тряслись, а по лицу безпрестранно пробѣгала дрожь.

— Что съ вами? — со страхомъ спросила она.

— Ничего, ничего, у меня на минуту отъ усталости закружилась голова... — Онъ всталъ, качаясь, и началъ искать спичекъ на сосѣднемъ столѣ, — не нашелъ ихъ, подошелъ къ буфету, опомнился и пришелъ въ себя.

Онъ вернулся, уже овладѣвъ собой.

— Странное стеченіе обстоятельствъ.

— Вы искали спичекъ, а онѣ стоятъ передъ вами, — сказала она все съ той же улыбкой.

— Отчего вы такъ странно улыбаетесь, когда говорите со мной?

Черкасскій съ трудомъ справился съ раздраженіемъ.

Она подвинулась къ нему и, серьезно смотря ему въ глаза, сказала таинственно и почти шепотомъ:

— У меня, дѣйствительно, была минута злого торжества, злого удовлетворенія при видѣ вашего страданія — я уже больше не смѣюсь — я, повѣрьте мнѣ, глубоко сочувствую вамъ.

— Мнѣ совсѣмъ этого не нужно, — почти вспыливъ, отвѣчалъ онъ.

— Я слишкомъ хорошо знаю, что вамъ никого и ничего не нужно — было время, когда вы были мнѣ нужны — вы не виноваты, что... ну, это все равно, мнѣ въ эту минуту стыдно, я даже не знаю, чего мнѣ стыдно — ага! теперь я знаю — я честно признаюсь вамъ: я со страстной злобой желала дождаться той минуты, когда увижу, какъ вы страдаете. Когда-то вы не слыхали и не хотѣли слышать крика моего сердца, и я съ злой и упорной страстностью глупой пансіонерки, которая извивалась отъ боли и стыда и... и... ха, ха, оскорбленнаго достоинства почти женщины, желала,

чтобы вы искупили какимъ-нибудь тяжелымъ страданіемъ то оскорбленіе, — я такъ тогда это называла, — которое вы мнѣ нанесли...

Черкасскій уже вполнѣ овладѣлъ собой.

— Ну, теперь вы должны быть вполнѣ довольны, — я далъ вамъ полное удовлетвореніе... я болѣе, чѣмъ разъ, далъ вамъ возможность увидѣть, что со мной дѣлается...

— Напротивъ, я чувствую теперь неудовольствіе и отвращеніе къ самой себѣ... — Она вдругъ оборвала, глубокое утомленіе охватило ее, она отодвинулась отъ Черкасскаго и проговорила, какъ бы про себя:

— Жалкое удовлетвореніе—видѣть, какъ страдаетъ другой человѣкъ, это только болѣзненное воспоминаніе того, что самъ перестрадалъ.— Поэтому успокойтесь, — мой братъ, Заремба, здѣсь.

Черкасскій хотѣлъ спросить, почему онъ долженъ успокоиться, но съ глубокимъ стыдомъ подавилъ этотъ вопросъ. Развѣ онъ еще два часа тому назадъ не былъ увѣренъ, что Заремба и Ганка вмѣстѣ.

Это уже было не подозрѣніе, онъ былъ въ этомъ увѣренъ! Стыдъ сжигалъ его кровь, ему хотѣлось, чтобы кто-нибудь ударилъ его ногой, а онъ покорно перенесъ бы это, потому что чувствовалъ, что заслуживалъ еще худшаго за то, что смѣлъ безчестить душу Ганки.

Онъ безпомощно смотрѣлъ передъ собой, теперь онъ охотно далъ бы себѣ пощечину и въ то же время чувствовалъ, какъ съ сердца его свалилась какая-то отвратительная тяжесть,—кошмаръ, душившій его и

днемъ и ночью, разсѣялся — онъ глубоко и свободно вздохнулъ: значитъ, Ганка была одна!

Ему казалось, что онъ выбрался изъ грязной лужи и выкупался въ чистомъ источникѣ.

Она одна!

И съ дикимъ эгоизмомъ самца онъ даже не подумалъ, что значитъ — одна! — Избытокъ счастья, которое доставило ему освобожденіе отъ адской муки при мысли, что она могла быть съ Зарембой, такъ заполнилъ его душу, что онъ ни о чемъ больше не могъ думать.

Вдругъ передъ нимъ возникло видѣніе, какъ онъ везъ ее по трескавшемуся льду, подъ которымъ зіяла бездна бушевавшихъ безжалостныхъ волнъ, среди морознаго вихря — когда это было? Когда?

Онъ искалъ ее въ каменной пустынѣ у подножія мрачныхъ вершинъ, которыя острыми хребтами поднимались къ небу — и слышалъ голосъ Зарембы:

«Глинскій не позволилъ ей видѣть ребенка — иначе я не нашелъ бы ее на дорогѣ ночью, среди мрака и подъ дождемъ...»

Пани Задура пристально смотрѣла на него злыми холодными глазами, но онъ уже не чувствовалъ ея глазъ.

Зашелестѣли робкія, испуганныя крылья души, изгнанной изъ рая, несчастныя, блуждающія, усталыя крылышки.

Ганка съ босыми ножками, въ разорванной рубашечкѣ, подъ дождемъ, среди мрака и грязи идетъ черезъ ручьи, по морю камней и скалъ, съ восковой свѣчей въ рукѣ, бьетъ себя маленькими кулачками въ грудь и съ отчаяніемъ взываетъ: Спаси меня, Господи!

Съ адской быстротой мчались передъ нимъ видѣнія: гдѣ-то на вокзалѣ она обвила руками его шею и съ безконечно грустными глазами говорила ему, что скоро вернется,— телеграмма Зарембы, что она исчезла гдѣ-то въ горахъ,— безпомощное, безумное исканье по всѣмъ Татрамъ. — Когда онъ все это пережилъ?

Онъ опомнился и взглянулъ на пани Задуру: ужъ онъ не пытался скрывать то, что съ нимъ происходило.

— А онъ — вашъ братъ — тоже не знаетъ, гдѣ она теперь находится?

— Откуда же ему знать, если вы не знаете?

Пани Задура сказала это съ такимъ искреннимъ удивленіемъ, что онъ ни на минуту не усомнился въ его истинѣ.

Черкасскій опомнился.

— Правда! — Онъ былъ смущенъ и пристыженъ. — Какъ же могъ знать объ этомъ вашъ братъ.

— Впрочемъ, братъ мой каждую минуту долженъ притти сюда...

Черкасскій задрожалъ—черезъ минуту онъ увидитъ его!

— Мы сговорились съ нимъ и съ Кульчицкимъ, что встрѣтимся здѣсь... а между тѣмъ на Кульчицкаго что-то нашло, ха, ха, ха — тотъ сфинксъ или та Химера, ну, все равно, достаточно того, что онъ очень не культурно выскочилъ изъ кофейни...

Она смѣялась сухимъ принужденнымъ смѣхомъ.

— Разъ, впрочемъ, вы оказали мнѣ помощь: если бы не вы, я должна была бы теперь одна ожидать здѣсь брата, а признаюсь, это было бы мнѣ въ высшей сте-

пени непріятно — такъ поздно, одной, въ пустомъ погребкѣ.

Черкасскій уже не слыхалъ, что говорила пани Задура — онъ слышалъ только безостановочный, глухой гулъ подземнаго источника, пробирающагося по скалистымъ изломамъ, далекій плачъ Ганки, которая плакала, моля объ освобожденіи, за семью горами и семью озерами...

Какъ сквозь сонъ почувствовалъ онъ, что кто-то вошелъ.

Онъ оглянулся.

Передъ ихъ столомъ стоялъ Заремба.

VI.

На лицѣ Зарембы на минуту отразилось удивленіе и промелькнула точно тѣнь непріятнаго чувства. Но только на минуту, онъ сейчасъ же вполнѣ овладѣлъ собой, подошелъ къ столу и поздоровался съ Черкасскимъ.

— Странно, что мы встрѣтились здѣсь.

— Ты, навѣрное, не предчувствовалъ, что встрѣтишь меня здѣсь съ панемъ Черкасскимъ,—заговорила пани Задура. — Кульчицкій бѣжалъ изъ кофейни, поэтому панъ Черкасскій проводилъ меня сюда.

— Я только что встрѣтилъ Кульчицкаго на улицѣ.

— Это еще что? Онъ говорилъ, что идетъ въ свое ателье, чтобъ убить сфинкса... — неестественно засмѣялась пани Задура.

— Онъ показался мнѣ взволнованнымъ, говорилъ,

что у него новые замыслы, что онъ хочетъ пробѣжаться и черезъ полчаса будетъ здѣсь.

— А что же ты такъ поздно пришелъ?

— Я спалъ.

— Это лучшій способъ борьбы со временемъ,—возразила пани Задура.

Разговоръ не клеился.

Черкасскій смотрѣлъ на Зарембу.

Вѣроятно, болѣзнь такъ истощила его. Лицо было худо, съ землистымъ оттѣнкомъ, въ густыхъ блестящихъ черныхъ волосахъ вились серебряныя нити, глаза ввалились и блестѣли какимъ-то усталымъ мертвеннымъ блескомъ, а сжатыя губы кривились принужденной, болѣзненной улыбкой.

— Это твое вино? — обратился онъ къ пани Задурѣ.

— Пожалуйста, прошу васъ, — Черкасскій приказалъ подать рюмку и налилъ ему вина.

Онъ невольно сдѣлалъ это съ такимъ чувствомъ, точно ухаживалъ за больнымъ.

Заремба поспѣшно схватился за рюмку.

Руки его дрожали.

«Какъ тогда, совершенно какъ тогда, когда мы напрасно искали Ганку по всѣмъ Татрамъ», подумалъ Черкасскій.

И снова въ душѣ его начался разладъ. Радость освобожденія, которую онъ почувствовалъ передъ появленіемъ Зарембы, услыхавъ, что Ганка одна, начала омрачаться — что-то снова заперло тяжелыя ставни въ окнахъ его души — осталась лишь маленькая щелочка,

сквозь которую едва пробивался свѣтъ въ мрачную глубину.

— Я слышалъ, что вы были тяжело больны? — безсознательно спросилъ Черкасскій.

— Да, я былъ боленъ.

Губы его снова передернулись какой-то гримасой вмѣсто улыбки — въ ней было что-то старческое, преждевременно увядшее. Но по мѣрѣ того, какъ онъ смотрѣлъ на Черкасскаго, улыбка каменѣла на его лицѣ.

Были минуты, когда они не могли оторвать другъ отъ друга глазъ. Черкасскій пересталъ логично мыслить— ему казалось, что на его голову изъ невидимой воронки капля за каплей стекало расплавленное олово черезъ правильные промежутки—въ душѣ его все рушилось. Двѣ мысли снова сплелись другъ съ другомъ— Ганка — Заремба.

Холодный потъ выступилъ на его лбу, дрожь пробѣгала по тѣлу.

Теперь онъ уже не сомнѣвался — этотъ человѣкъ долженъ былъ знать и зналъ, отчего Ганка исчезла,— какая-то чудовищная тайна выпила всю кровь изъ его лица и придала его глазамъ этотъ мертвенный блескъ...

Заремба снова налилъ себѣ вина... Рука его дрожала, точно онъ видѣлъ передъ собой призракъ вѣчнаго ненасытнаго страданья.

И Черкасскій, точно отдаленное эхо, снова услышалъ слова Заремба, какъ въ то туманное утро, когда, получивъ отъ него телеграмму объ исчезновеніи Ганки въ горахъ, прилетѣлъ на маленькую станцію подъ Татрами,— того Заремба, который послѣ долгихъ и

напрасныхъ поисковъ вернулся туда съ пятью горцами:

— «Пани Ганку, которую я нѣсколько разъ видалъ раньше...»—такъ онъ зналъ ее, когда, гдѣ онъ видалъ ее? — «я встрѣтилъ на дорогѣ поздно вечеромъ, въ то время, какъ она возвращалась изъ дома Глинскаго, куда ходила повидаться съ ребенкомъ»—ага! было ли это случайно? чего онъ шатался въ тьмѣ и по грязи?— «Она не знала куда итти. Онъ отвезъ ее въ пансіонъ, въ которомъ остановился, самъ на ночь перешелъ въ какую-то хижину, приказалъ даже прислугѣ спать въ слѣдующей комнатѣ, а рано утромъ пани исчезла, вылѣзла въ окно... чтобы никого не разбудить...»

Что-то снова сверлило, сверлило въ его душѣ, что съ трудомъ добиралось до самаго дна, откуда наконецъ должна была брызнуть струя истины.

Онъ безпокойно оглядѣлся вокругъ.

Глаза пани Задуры перебѣгали отъ него къ брату съ внимательнымъ и хитрымъ напряженіемъ паука, который хочетъ соединить своей сѣтью два противоположныхъ столба.

Онъ почти съ ненавистью взглянулъ на нее.

Она разсмѣялась.

— Не могу сказать, чтобы въ вашемъ обществѣ было весело...

— Сейчасъ придетъ Кульчицкій, тогда будетъ веселѣе, — Заремба медленно процѣдилъ эти слова не то съ злобой, не то съ ироніей, а можетъ быть, и совершенно безсознательно.

Въ немъ происходила тяжелая борьба.

Онъ самъ хотѣлъ искать Черкасскаго—уже цѣлый

мѣсяцъ не думалъ онъ ни о чемъ, какъ только о той минутѣ, когда останется съ нимъ съ глаза на глазъ и все ему скажетъ.

Все!

Онъ самъ не могъ ясно представить себѣ, какъ все это случилось, но зналъ, что совершилъ отвратительное преступленіе, что-то, отъ чего волосы становились у него дыбомъ, отъ ужаса и омерзенія передъ самимъ собой — о! если бъ онъ могъ теперь заглянуть въ душу Черкасскаго и увидѣть, что въ ней происходитъ!

Онъ не смѣлъ даже поднять головы — слишкомъ ясно видѣлъ онъ лихорадочно горѣвшіе глаза Черкасскаго, нервныя движенія его пальцевъ, которыя то судорожно сжимались въ кулаки, то растопыривались, какъ когти коршуна, видѣлъ его сжатыя губы, на которыхъ читалъ все одинъ и тотъ же отчаянный вопросъ: «ты знаешь, что сталось съ Ганкой, ты одинъ знаешь, почему она бѣжала отъ меня и всего свѣта».

И онъ зналъ — онъ одинъ. И онъ все скажетъ ему! Сброситъ съ себя ненавистную тяжесть, которая давитъ его душу, лишь бы только Ганки не коснулась хотя бы капля той грязи, въ которую онъ окунулся — въ ту ночь — въ ту ночь...

Ганка, измученная, чистая и святая душа которой довѣрилась ему, какъ брату, повѣрила ему, когда онъ лгалъ ей, что такъ заботится о ней, потому что она напоминаетъ ему его сестру—она—Ганка, его сестру — пани Задуру!.. Онъ съ отвращеніемъ засмѣялся. Но она вѣрила, вѣрила всему, что онъ говорилъ ей, и была благодарна за безкорыстную доброту,— а онъ... Онъ

скрипнулъ зубами. — Безуміе, настоящее дьявольское безуміе овладѣло имъ.

Пусть будетъ, что будетъ—пусть Черкасскій убьетъ его, какъ собаку, но онъ скажетъ, все скажетъ ему. Въ душѣ его не должна оставаться и тѣнь подозрѣнія относительно Ганки, даже тѣнь подозрѣнія не должна упасть на святую душу Ганки.

Онъ рѣшился. Какое-то каменное спокойствіе залегло въ его сердцѣ.

Только не теперь — когда они останутся одни.

— Что же Кульчицкій не идетъ? — съ нетерпѣніемъ говорилъ онъ. — Ужъ скоро часъ.

Нѣсколько новыхъ гостей оживили погребокъ.

— Теперь только здѣсь начнется жизнь. — Пани Задура оглядѣлась вокругъ, — сейчасъ будетъ музыка.

Дѣйствительно, нѣсколько цыганъ взошли на маленькую эстраду со скрипками, контрабасами и цымбалами.

И въ ту же минуту, какъ мощная буря, зазвучалъ торжественный маршъ Ракочи.

«Да, да! Черкасскій почти застоналъ отъ боли. Какъ тогда—о! какимъ далекимъ, чуднымъ сномъ было это время! Онъ встрѣтилъ по дорогѣ шайку цыганъ и притащилъ ихъ домой, чтобъ они цѣлыми часами играли для Ганки... Она такъ страстно любила эту дикую, бѣшеную музыку, которая льется, какъ потокъ звучнаго металла, бьетъ блестящей струей, пѣнится, бурлитъ, выливается изъ береговъ, а затѣмъ вдругъ затихаетъ, разливаясь невыразимой печалью, гаснетъ и замираетъ въ таинственномъ шумѣ высокихъ травъ и сухихъ степныхъ ковылей....

«Онъ видѣлъ ее, какъ она сидѣла, превратившись въ слухъ, сложивъ на колѣняхъ маленькія ручки, и глаза ея смотрѣли куда-то далеко — далеко... О чемъ она тогда думала? За чѣмъ и за кѣмъ слѣдили ея глаза? Не заглядывали ли они уже тогда въ это кровавое будущее? Въ эту бездну тоски по... по ребенкѣ или, можетъ быть»...

Скрипка неистовствовала подъ бѣшеными пальцами цыгана, какъ сухія травы въ порывахъ степного вѣтра стонали цымбалы, а басъ гремѣлъ эхомъ побѣдоноснаго боя, рѣзалъ слухъ хрипѣніемъ умирающихъ воиновъ.

Черкасскій вздохнулъ.

Эта музыка врѣзалась въ пѣнящіяся волны его мысли, точно острая ладья, разбивала ихъ въ дребезги и выбрасывала пѣной на берегъ.

Въ погребокъ входило все больше и больше людей.

Скрипки плакали и стонали, лились тихіе, долгіе, серебряные звуки, точно бѣлыя нити бабьяго лѣта, смуглая рука цыгана добывала изъ цымбаловъ звуки, похожіе на пыль, летящую поздней осенью съ осыпающагося молочая, а по струнамъ контрабаса скользилъ смычокъ, точно плугъ, который медленно тащится по пару, чтобы затѣмъ врѣзаться въ новую пашню.

— Кульчицкій, вѣрно, не придетъ. — Заремба взглянулъ на сестру.

— Это значитъ, что тебѣ хочется отдѣлаться отъ меня?

— Нѣтъ, не то, — но тебя нужно проводить домой. Ужъ поздно.

Она посмотрѣла на часы.

— Дѣйствительно, ужъ поздно — проводите меня до автомобиля или до пролетки. — Она безпокойно смотрѣла на брата, — а вы еще останетесь здѣсь?

— Какъ панъ Черкасскій хочетъ.

— Я бы предпочелъ пройтись съ вами.

— Я провожу васъ до отеля. Вы, вѣрно, тоже очень устали съ дороги.

Заремба говорилъ все это машинально, мысли его были гдѣ-то далеко.

Пани Задура смотрѣла на него съ возрастающимъ безпокойствомъ. Такимъ она его еще не видала.

— А можетъ быть, ты проводишь меня домой и переночуешь у насъ. Панъ Черкасскій доѣдетъ до отеля въ автомобилѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — я только что всталъ, мнѣ необходимо пройтись — развѣ только панъ Черкасскій...

Черкасскій ничего такъ не желалъ, какъ прогулятьсся съ полчаса — онъ не могъ заснуть по ночамъ, а утомившись немного, отлично заснетъ.

Онъ подошелъ къ кельнершѣ, чтобы расплатиться.

— Милошъ?

— Что?

— Что съ тобой?

— Ничего, увѣряю тебя, ничего.

— У тебя нехорошее лицо.

— Тебѣ такъ кажется.

Черкасскій расплачивался.

— Ты, дѣйствительно, видѣлъ Кульчицкаго?

— Видѣлъ.

— И что же?

— Онъ былъ страшно возмущенъ.

Пани Задура задумалась.

— Когда я буду садиться въ пролетку или въ автомобиль, дай адресъ Кульчицкаго.

Онъ посмотрѣлъ на нее — затѣмъ съ неудовольствіемъ пожалъ плечами.

— Къ чему? Къ чему ты мучаешь и его и себя? Развѣ тебѣ еще не достаточно?

— Развѣ я когда-нибудь спрашивала тебя, для чего ты такъ безчеловѣчно мучаешь себя, а теперь вмѣстѣ съ нимъ, — она указала на Черкасскаго, — хочешь итти... и... и... бередить свои раны?

Заремба все время упорно смотрѣлъ на сестру.

— Но чего ты хочешь отъ Кульчицкаго? Оставь его въ покоѣ — если бы ты еще его любила — а такъ...

Черкасскій удивительно долго расплачивался съ кельнершей. Теперь онъ приказалъ еще налить себѣ виски...

— Вы выпьете со мной?

— Нѣтъ, благодарю.

Пани Задура проницательно посмотрѣла на Зарембу.

— Послушай, Милошъ, если я теперь ѣду къ Кульчицкому, то для того, чтобы разъ навсегда съ этимъ покончить.

— Съ чѣмъ?

— Я пачкаю себя, — шепнула она ему на ухо, — а ему возмущаю душу — довольно этого — довольно...

Но Заремба думалъ совсѣмъ о другомъ — онъ стоялъ на какомъ-то страшномъ порогѣ, за которымъ его ожидало что-то ужасное.

— Какъ хочешь...

— Что ты сегодня такой странный?

— Тебѣ такъ кажется.

— Извините меня, — Черкасскій говорилъ особенно любезно, — кельнерша не могла дать мнѣ сдачи.

Они вышли.

Передъ погребкомъ стояли нѣсколько пролетокъ. Въ одну изъ нихъ Заремба посадилъ сестру и далъ адресъ Кульчицкаго.

Пани Задура молча подала руку Черкасскому—онъ тоже молчалъ.

Пролетка тронулась.

Черкасскій и Заремба съ минуту постояли на тротуарѣ.

— Куда же теперь? — спросилъ Черкасскій.

— Мы можемъ прогуляться, хотите?

— Съ удовольствіемъ.

Они долго шли молча.

— Панъ Черкасскій, — Заремба первый прервалъ молчаніе — точно кто-то бросилъ камень въ глубокій колодецъ.

— Что?

— Мы, кажется, думаемъ теперь объ одномъ и томъ же.

— Если о Ганкѣ...

— Да — о пани Ганкѣ..

Между ними было что-то, что мѣшало имъ говорить.

Они снова шли молча.

Прошло много времени.

Они свернули въ паркъ.

Сквозь толстыя вѣтви деревьевъ пробивался бѣ-

лый свѣтъ тѣхъ невидимыхъ лунъ, развѣшанныхъ вокругъ громадной площади, къ которой они направлялись.

— Куда мы идемъ? — спросилъ Черкасскій.

— Тутъ недалеко — я знаю здѣсь поблизости одинъ кабачокъ, который открытъ всю ночь...

— Но къ чему же опять въ кабачокъ?

— Мнѣ еще о многомъ, многомъ нужно поговорить съ вами.

Голосъ Зарембы звучалъ какъ-то глухо.

— Впрочемъ, эта нора, къ которой мы направляемся, заинтересуетъ васъ, — Заремба старался быть развязнымъ и веселымъ, — туда слетаются только ночныя птицы, да и то послѣдняго сорта — это спеціальность столицы надъ Изарой, о которой рѣдко кто знаетъ. Входъ туда такъ незамѣтенъ, что тотъ, кто его не знаетъ, совсѣмъ не замѣтитъ его; надъ нимъ же должна была бы быть надпись крупными буквами: «идите ко мнѣ всѣ обремененные, всѣ съ нечистой совѣстью, желающіе освободиться отъ своихъ грѣховъ».

Заремба говорилъ быстро, точно въ лихорадкѣ

— Нигдѣ человѣкъ не сознаетъ такъ глубоко и ясно, что дѣлается въ его душѣ, какъ тамъ... и нигдѣ онъ не былъ бы способенъ такъ добросовѣстно сосчитаться съ самимъ собой... Я почти каждый день бываю тамъ... И ничего не можетъ быть интереснѣе, какъ эти счета съ самимъ собой, а иногда и съ другими.

— Разъ я видѣлъ тамъ молодого человѣка, который вывернулъ свои карманы и положилъ передъ собой револьверъ — никто не помѣшалъ ему — предупредительный хозяинъ только посовѣтовалъ ему, чтобъ онъ

не напугалъ его гостей и удалился въ боковой кабинетъ...

— Но это глупости. Въ другой разъ я видѣлъ, дѣйствительно, трагичную сцену. Изъ отрывковъ разговора я понялъ, что на моихъ глазахъ происходитъ гибель жизни двухъ людей. Это хуже смерти. Противъ меня сидѣла какая-то пара и молчала. Вы, можетъ быть, знаете это молчанье, тяжелое, какъ камень, чудомъ висящій надъ пропастью, въ то время какъ человѣкъ, затаивъ дыханіе, ждетъ, скоро ли онъ свалится. Онъ то и дѣло взглядывалъ на нее, или скорѣе пронзалъ ее безумнымъ, острымъ, какъ шило, взглядомъ. Наконецъ, онъ заговорилъ и страстно, упорно повторялъ все одну и ту же фразу; она смотрѣла на него, точно онъ велъ ее на казнь. Съ минуту она еще помолчала.

«Такъ ты хочешь? хочешь?» глаза ея сверкали.

«— Говори».

— И она заговорила, сначала тихо и несвязно, а затѣмъ все скорѣе, съ возрастающей страстностью. По лицу его было видно, что онъ весь притаился, лицо его блѣднѣло, зеленѣло, какъ этотъ свѣтъ между деревьями, но она уже ни на что не обращала вниманія.

«— Замолчи!» — прохрипѣлъ онъ.

— Но это приказаніе только еще подстрекнуло ее. Она говорила глазами, руками, каждымъ движеніемъ тѣла, по временамъ лицо ея вспыхивало, а затѣмъ снова блѣднѣло, какъ полотно...

«— Замолчи!» — кричали его глаза.

— Она произнесла еще нѣсколько словъ, съ трудомъ переводя дыханіе.

«— Онъ?!» — прошепѣлъ онъ

«— Да, онъ!»

— Въ ту же минуту на нее обрушился тяжелый желѣзный кулакъ — разъ, другой, третій, — женщина сжалась въ клубокъ, свалилась со стула подъ столъ, — а онъ продолжалъ свое мщеніе. Я не могъ дольше смотрѣть на это и вышелъ.

— Она, вѣроятно, въ чемъ-то призналась ему, разсказала то, чего онъ не зналъ — къ чему — къ чему она это сдѣлала? спрашивалъ я себя... но теперь я понимаю, что она должна была это сдѣлать, если бъ даже ей пришлось умереть изъ-за этого. Она навѣрное знала, что ее ожидаетъ, но желаніе освободиться отъ тяготившей ее тайной вины было сильнѣе страха смерти.

Заремба говорилъ все это съ лихорадочнымъ возбужденіемъ.

— Неужели вы думаете, что какой-нибудь преступникъ признается въ своемъ преступленіи вслѣдствіе раскаянія или сожалѣнія? Гдѣ тамъ! Онъ только жаждетъ освободиться отъ когтей молчанія. Но все это еще ничто передъ пыткой, которую испытываетъ человѣкъ, когда своимъ молчаніемъ оскверняетъ высшую святыню своей души и подвергаетъ ее тому, что та рука, которая хотѣла бы благословить ее, поднимется на нее и забросаетъ ее грязью.

Они остановились у фонаря возлѣ узкой, темной лѣсенки, которая спускалась въ пивную, пользовавшуюся самой дурной славой.

Они взглянули другъ на друга, или скорѣе стара-

лись проникнуть до самой глубины души, гдѣ кроются похороненныя тайны.

— Помните тогда, когда я заболѣлъ во время поисковъ пани Ганки? Вся моя болѣзнь состояла въ томъ, что я молчалъ, что не смѣлъ еще все сказать,— вотъ уже цѣлый мѣсяцъ, какъ я живу въ такомъ напряженіи всѣхъ моихъ нервовъ, что все во мнѣ рвется, какъ перегнившія тряпки. Теперь я спасу то, что мнѣ свято больше всего на свѣтѣ. Я скажу вамъ все.

Черкасскій почувствовалъ, что почва уходила изъ-подъ его ногъ — онъ такъ закачался, что долженъ былъ опереться о стѣну.

Заремба подошелъ къ нему.

— Пойдемте, пойдемте — наконецъ я освобожусь.— Онъ тихо улыбался, — если у васъ нѣтъ съ собой револьвера, чтобъ убить меня, я дамъ вамъ свой, я постоянно ношу его при себѣ... И когда мы сойдемъ внизъ, я напишу записку, что самъ по своей волѣ и желанію покидаю эту юдоль плача...

Черкасскій опомнился. Онъ не понималъ, что съ нимъ вдругъ сдѣлалось. Съ испугомъ оглядѣлся онъ вокругъ. Онъ имѣлъ дѣло съ сумасшедшимъ.

Заремба очевидно сошелъ съ ума или былъ пьянъ...

Но нѣтъ — глаза его были вполнѣ сознательны и все такъ же блестѣли страннымъ холоднымъ и матовымъ блескомъ.

— Возьмите револьверъ — прошу васъ — только не здѣсь...

— Оставьте меня въ покоѣ...—Черкасскій совсѣмъ пришелъ въ себя и хотѣлъ уйти.

Заремба загородилъ ему дорогу.

— О, нѣтъ! не уходите теперь — сейчасъ, сейчасъ вы узнаете все про пани Ганку...

— Про Ганку?—Черкасскій остановился, какъ вкопанный. Безсознательно протеръ онъ свои глаза.

— Пойдемте, тамъ, въ той пещерѣ, гдѣ собираются отбросы всей столицы, я все скажу вамъ...

Они сошли внизъ по узкимъ, отлогимъ ступенямъ.

Сѣли въ углу большой комнаты, или скорѣе пивной съ низкимъ сводчатымъ потолкомъ. Вокругъ стѣнъ на лавкахъ сидѣло уже много посѣтителей. Черкасскому казалось, что онъ зашелъ въ какія-то катакомбы, а все, что видѣлъ вокругъ себя, всѣ эти личности казались ему какими-то видѣньями, которыя онъ такъ же легко могъ бы увидѣть сидящими или лежащими въ одной изъ кіевскихъ лавръ.

Было шумно, но не замѣтно было, что говорили люди — казалось, что все пространство вокругъ нихъ говорило, кричало, смѣялось и ссорилось.

Прежде, чѣмъ онъ успѣлъ оглядѣться, передъ нимъ уже оказался графинчикъ водки и двѣ рюмки. Онъ взглянулъ на Зарембу.

Въ немъ произошла странная перемѣна.

Глаза его сдѣлались свѣтлыми, почти бѣгали и странно блестѣли холоднымъ, матовымъ блескомъ, лобъ прорѣзали глубокія морщины, на блѣдномъ лицѣ застыла тупая улыбка.

Онъ наливалъ рюмки и, казалось, собирался съ силами.

— Теперь я все скажу вамъ... — Заремба быстро дышалъ, какъ человѣкъ, который видитъ передъ собой эшафотъ.

Внезапная слабость овладѣла Черкасскимъ. Онъ закрылъ глаза и снова съ ужасомъ раскрылъ ихъ, ему казалось, что онъ летитъ внизъ головой въ какую-то бездонную пропасть.

Онъ разомъ выпилъ рюмку и поперхнулся.—Ну говорите, говорите!

Заремба очнулся.

— Я любилъ пани Ганку гораздо раньше, чѣмъ вы познакомились съ ней, любилъ ее безъ памяти, когда она уже всей душой отдалась вамъ, не терялъ ее изъ вида и тогда, когда вы въ самыя тяжелыя минуты оставили ее одну. Ея блѣдное лицо и потемнѣвшіе отъ страданія глаза освѣщало тогда сіяніе, которое мы видимъ на картинахъ, изображающихъ скорбящихъ мадоннъ... Тогда я весь утопалъ въ этой безнадежной любви...

Онъ на минуту умолкъ.

— Я видѣлъ ее, когда вы вернулись за ней, видѣлъ, какъ она боролась съ вами и съ собой, какъ, наконецъ, покинула домъ Глинскаго. Я видѣлъ васъ, когда вы утопали въ счастьѣ и любви, я таскался за вами изъ города въ городъ... проводилъ безсонныя ночи и терзался своими мученіями... Когда она уѣхала, чтобъ увидаться съ ребенкомъ, я погнался за ней... не знаю зачѣмъ, я ни о чемъ не думалъ, клянусь вамъ, что я ни о чемъ не думалъ, къ тому же она совсѣмъ не знала меня. Я думалъ только о томъ, чтобы быть поближе къ ней, охранять ее, чтобы съ ней не случилось ничего дурного, потому что съ ясновидѣніемъ любви я чувствовалъ, что съ ней случится что-то дур-

ное... Еще на вокзалѣ я думалъ, что вы поѣдете съ ней, я бы тогда вернулся, но она поѣхала одна...

– Дальше, дальше! — Глаза Черкасскаго налились кровью, руки дрожали.

Заремба задумался.

Черкасскій рѣзко схватилъ его за руку.

— Дальше! — прошипѣлъ онъ.

Заремба безсознательно посмотрѣлъ на него, точно его кто-то пробудилъ отъ далекихъ воспоминаній.

– Я, какъ въ ясновидѣніи, предчувствовалъ, что случится съ пани Ганкой... и не ошибся. Наканунѣ я нанялъ помѣщеніе,— во всемъ мѣстечкѣ не было другого,— и туда въ ту ночь привезъ ее измученную, въ полубезсознательномъ состояніи...

Черкасскій схватился за голову. Онъ начиналъ что-то понимать; какой-то лучъ свѣта начиналъ проникать сквозь глубокій мракъ его страданья... ему хотѣлось что-то потушить, задушить насильно зарождавшійся свѣтъ... напрасно! Свѣтъ расширялся до безконечности, достигъ величины кроваво-красной луны во время полнолунія, выросъ до громаднаго круга солнца, выплывшаго изъ-за горизонта!

— И тогда, — Заремба весь скорчился, —о! еще разъ пережить все это, еще разъ, какъ во снѣ, увидать весь этотъ ужасъ... хотя бы потомъ на меня свалилось проклятіе всего міра... не торопите меня, сейчасъ вы можете покончить со мной всѣ счеты. Голова ея откинулась назадъ, волосы распустились, я видѣлъ ея лицо точно сквозь какое-то сіяніе, просвѣтленное непонятнымъ восторгомъ, глаза, горѣвшіе дивнымъ блескомъ, слегка отуманились, а уста звали... васъ!

— Довольно! — крикнулъ Черкасскій, и весь затрясся.

— Нѣтъ, это еще не все...—Заремба вынулъ изъ кармана жилета маленькую баночку...—Смотрите, я нашелъ это на другой день въ комнатѣ, гдѣ пани Ганка лишилась чувствъ. Этотъ красноватый порошокъ—опій. Дьявольскій ядъ, который лишаетъ силъ и вызываетъ чудныя видѣнія во время самыхъ сильныхъ страданій. Я испробовалъ его, чтобъ узнать, что съ ней происходило въ то время, и не разъ спрашивалъ себя, кто могъ ей его доставить?

Черкасскій все больше каменѣлъ, все въ немъ точно сжималось и постепенно замирало.

— Дьявольскій ядъ, — точно въ забытьѣ произнесъ про себя Заремба, — васъ, васъ она тогда видѣла передъ собой, глаза ея искали васъ, изстрадавшаяся душа въ тоскѣ взывала къ вамъ...

Заремба поблѣднѣлъ еще сильнѣе, лицо его сдѣлалось почти сѣрымъ, глаза ввалились, губы дрожали, слова застрѣвали въ горлѣ.

— Она была совершенно обезсилена, безсознательна, оглушена... я потерялъ голову...

Онъ протянулъ револьверъ и подсунулъ его Черкасскому...

— Берите, теперь возьмите... я цѣловалъ ей ноги и руки; она совсѣмъ лишилась сознанія, я чувствовалъ на своихъ волосахъ ея ослабѣвшую руку, слышалъ тихій шопотъ: Ясекъ! кровь залила мнѣ мозгъ, огонь разлился по моимъ жиламъ...

Черкасскій тяжело поднялся со стула, но самъ не сознавалъ, что встаетъ...

— Я не сознавалъ самого себя... дьяволъ опуталъ меня... я совершилъ позорное преступленіе надъ беззащитной, лишившейся чувствъ женщиной...— Онъ хотѣлъ прибавить еще что-то, но не докончилъ.

Черкасскій выпрямился; онъ былъ страшенъ, глаза его ничего не видѣли, голова пылала; онъ схватилъ Зарембу за плечи, приподнялъ его кверху и изо всѣхъ силъ бросилъ объ полъ.

VII.

Теперь той тропинкой внизъ. А та невыносима и грязна.

Теперь она пойдетъ той заросшей, тяжелой тропинкой, которую когда-то протопталъ охотникъ, подкарауливавшій тетеревей.

Ганка взглянула на небо.

Оно было спокойно и гладко и поразительно глубоко: бездна небеснаго пространства! Гдѣ-то на востокѣ выплыло грязноватое темное облако, но небесный свѣтъ тотчасъ умылъ его, разорвалъ на маленькіе клочки, подобные струямъ дыма фабричныхъ трубъ, разливающихся сѣрыми лентами по небу...

Она вошла въ чащу широкихъ папоротниковъ, въ густую траву, достигавшую ей до пояса; поперекъ почти уже невидимой тропинки вырастали толстые корни, точно скрученные страшнымъ усиліемъ; поминутно натыкалась она на сгнившіе пни и ковры перегнившихъ листьевъ, спотыкаясь на острые камни; вдругъ она чуть не скатилась внизъ по обломкамъ камней, кото-

рые катились изъ-подъ-ея ногъ, едва успѣла она схватиться за вѣтку, иначе упала бы навзничь.

Наконецъ она очутилась въ чемъ-то наподобіе темной узкой бесѣдки: съ обѣихъ сторонъ сплетались вѣтви, врастали другъ въ друга и образовали непроницаемую крышу надъ темнымъ портикомъ.

Ганка попробовала раздвинуть вѣтки надъ своей головой, хотѣла пробраться сквозь нихъ, но у нея не хватило силъ; она нагнулась и проскользнула въ чащу, то медленно спускаясь, то вдругъ бросаясь впередъ, хватаясь за торчавшія вѣтви, за которыя держалась всей тяжестью тѣла, чтобъ упереться ногами о выступавшіе ниже корни, образующіе пороги поперекъ тропинки.

Наконецъ она выбралась на маленькую поляну.

Посреди ея она увидѣла странную постройку.

Четыре толстыхъ и высокихъ кола образовали родъ башни; наверху ея, на платформѣ, къ которой вела лѣстница, стоялъ охотникъ, углубившійся въ напряженное ожиданіе.

«Я спугну ему дичь, подумала Ганка, онъ разсердится»,—и она быстро свернула въ сторону.

Она подошла къ узкому болоту. Ей хотѣлось обойти его, но съ той и съ другой стороны гнили вывороченныя съ корнемъ деревья; она попробовала пройти по нимъ, но они были такъ скользки, что она могла каждую минуту поскользнуться и упасть въ болото.

Поэтому она пошла прямо и какъ можно скорѣе.

Тонкими лентами сочились вокругъ нея ручейки, такъ густо заросшіе травой и всякой зеленью, что только тихое журчанье выдавало ихъ присутствіе. Всю-

ду вокругъ гнили вѣтви, сломленныя бурей, пни срубленныхъ деревьевъ. Наконецъ, послѣ утомительнаго путешествія она дошла до узкой перекладины, брошенной уже черезъ болѣе широкій ручей.

Ей хотѣлось пить. Лицо ея пылало.

Она опустилась на колѣни, нагнулась и жадно пила холодную ключевую воду.

А теперь она пойдетъ уже совсѣмъ опредѣленной и почти удобной тропинкой въ гору.

Она больше не спѣшила. Останавливалась на каждомъ шагу, глубоко дышала, пила чистый, прохладный горный воздухъ поздней осени. Сквозь балдахинъ широко вѣтвистыхъ буковъ и ясеней, сквозь темную зелень сосенъ и елей синѣли куски чистаго неба, а внизу блестѣли, какъ сталь, тонкія полосы зигзагами изрѣзаннаго озера.

Выше она слышала колокольчики пасущагося стада на горномъ пастбищѣ; колокольчикъ раздавался то тутъ, то тамъ; цѣлый потокъ большихъ и маленькихъ колокольчиковъ разливался въ воздухѣ, казалось, что всѣ скалы и весь воздухъ вокругъ нея звенѣли и убаюкивали счастьемъ ея сердце.

И сквозь всѣ эти звуки пробивалось тихое, глубокое журчанье ручейка, который сбѣгалъ съ горы, пробивалъ себѣ дорогу сквозь лабиринтъ камней, ниспадалъ маленькимъ водопадомъ, соединялся въ котловинѣ съ лентами стекавшихъ со всѣхъ сторонъ другихъ ручейковъ, разрастался, текъ уже болѣе широкимъ русломъ, собирая въ себя все, что таяло тамъ, наверху, что било изъ тысячи источниковъ и сочилось изъ невидимыхъ трещинъ. Онъ гостепріимно при-

нималъ въ свое ложе неутомимыя капельки, которыя медленно, цѣлыми вѣками прокладывали себѣ узкую дорогу сквозь твердые камни и, наконецъ, выбравшись наружу, уже гордыми, вольными струями, сокрушавшими камень, въ яркомъ сіяніи солнца, съ шумнымъ наслажденіемъ сливали свои воды въ общее русло.

Она шла берегомъ ручейка, который съ каждымъ шагомъ все росъ и росъ, становился все быстрѣе и бурливѣе.

Огромные камни, торчавшіе съ боковъ, старались преградить ему дорогу: оторвавшіяся каменныя глыбы, сброшенныя поперекъ его русла безсильно вздымающимися въ небо скалами, старались задержать его бѣгъ, но онъ насмѣшливо смѣялся, бѣлой пѣной обдавалъ камни, съ бѣшеной быстротой несся черезъ эту широкую преграду и съ яростью мчался черезъ нагроможденные еще ниже камни...

Ганка остановилась на заворотѣ, откуда былъ виденъ весь бѣгъ потока, и съ жаднымъ наслажденіемъ смотрѣла на эту отчаянную борьбу камня съ водой. Вотъ, двѣ громадныя глыбы стали, точно на часахъ съ той и другой стороны, главами онѣ оперлись другъ объ друга, почти слились вмѣстѣ, а черезъ небольшое, тѣсное пространство между ихъ прижатой одна къ другой грудью прорвался и мчался въ глубокую пропасть побѣдоносный, ничѣмъ неудержимый потокъ. Внизу, поперекъ русла, легла громадная скала, напрасно жертвуя собой; она дала еще болѣе сильный разбѣгъ вырвавшемуся изъ узкой расщелины потоку. Онъ разбился у ея ногъ, разлетѣлся пѣной, отступилъ назадъ, еще съ большей силой перескочилъ черезъ гро-

мадную глыбу и помчался, помчался дальше съ дикимъ шумомъ, гуломъ и побѣдоноснымъ крикомъ. Надо было сдѣлать еще одно послѣднее усиліе: какъ стѣна, стали поперекъ его русла три громадныхъ, сросшихся между собою каменныхъ обломка въ глубинѣ скалистаго ущелья. Цѣлыми вѣками разбивались о нихъ бѣшеныя воды, цѣлыми вѣками штурмовали онѣ днемъ и ночью это послѣднее укрѣпленіе, наконецъ, имъ удалось пробить огромное окно, чрезъ которое онѣ съ страшной силой низверглись въ пропасть.

И месть ихъ за сопротивленіе была ужасна.

Глубокими рытвинами избороздили онѣ землю, сорвали съ горъ цѣлые лѣса, размыли и увлекли съ собою скалы внизъ, въ таинственное, хитрое лоно матери-озера.

Ганка стояла наверху, тамъ, гдѣ начинался водопадъ, и смотрѣла внизъ, гдѣ, окруженные со всѣхъ сторонъ высокими вершинами, покоилось въ глубокой котловинѣ, какъ гладкое стекло, широко разлившееся альпійское озеро.

Она была точно загипнотизирована гуломъ, шумомъ, громомъ водопадовъ.

Смотрѣла на пѣнящіяся бурныя воды, какъ онѣ мчались, какъ разбивались на мелкія серебристыя брызги и затѣмъ широкимъ потокомъ вливались въ озеро.

Глубокій восторгъ расширялъ ея грудь. Ей хотѣлось протянуть руки, кричать въ радостномъ восхищеніи, плакать отъ избытка благодарности за такую красоту жизни.

Она переживала мгновенье гордаго, побѣдоноснаго порыва. Пѣнистый потокъ ея юныхъ силъ сорвалъ пре-

грады и плотины страданья и отчаянья, мученій и разочарованій,—и теперь чистымъ ключевымъ потокомъ лился въ будущность ничѣмъ уже не возмутимый.

Она сѣла и долго смотрѣла, пока мысли ея не помутились отъ страшнаго шума мощнаго водопада, а глаза не заболѣли отъ искрившейся брилліантовой пыли, которую разбрасывала вокругъ пѣнившаяся, разъяренная вода.

Она вошла въ лѣсъ и вьющейся сѣрой тропинкой спустилась въ глубокую темную долину. Съ одной стороны поднимались громадныя, совершенно отвѣсныя скалы, съ другой — рядъ поросшихъ темнымъ лѣсомъ горъ. Тутъ, вѣроятно, когда-то было дно моря, которое врѣзалось въ сушу,—подумала она, — теперь же на этомъ мѣстѣ простирался чудный лугъ съ густой, достигавшей до самаго пояса, травой, надъ которой еще выше поднимались стебли дикихъ цвѣтовъ и громадные листья папоротниковъ.

Утомившись, она присѣла. Глаза ея блуждали по обнаженнымъ, почти достигавшимъ неба скаламъ и по темному, какъ бы замерзшему лѣсу..

Тихая грусть прокралась въ ея душу.

Она подумала о томъ, что скоро должна будетъ уѣхать отсюда... вернуться... но куда вернуться?

Сердце ея стучало, точно молотъ.

Куда? куда?

«Скирмунтъ посовѣтуетъ, Скирмунтъ укажетъ», успокаивала она себя, а сердце ея разгоралось чувствомъ безграничной благодарности къ этому человѣку, который своей великой, трогательной добротой

и святой силой своей души помогъ ей возродиться къ новой жизни.

Черезъ каждые два дня спускался онъ съ вершины, гдѣ у него была мастерская, будилъ въ ней силы, которыхъ она въ себѣ не сознавала; постепенно, деликатно закалялъ ея волю, съ терпѣливымъ спокойствіемъ перевязывалъ и залѣчивалъ ея раны... а чтобъ она не чувствовала себя чужой въ чужой странѣ, привезъ ей изъ Татръ старую Обидову.

Никогда еще не ощущала она такого покоя въ своей душѣ. Она знала, что ее ожидали еще многія тяжелыя минуты, что рано или поздно ей придется подумать о томъ, что было, но уже не боялась видѣній прошлаго; все это казалось ей такимъ далекимъ, точно милліоны лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ...

И къ чему думать объ этомъ теперь, къ чему возмущать въ себѣ покой, который дарованъ ей Богомъ?

Она встала и пошла дальше.

По едва замѣтной тропиночкѣ дошла она до глубокой узкой расщелины. По краямъ причудливо изрытыхъ стѣнъ вилась то вверхъ, то внизъ тропинка, а маленькій ручеекъ, который она едва разсмотрѣла, шумѣлъ гдѣ-то въ глубинѣ. Гигантскія голыя стѣны все больше и больше суживались, иногда онѣ образовывали наверху настоящіе своды, такъ что свѣтъ лишь скупо проникалъ въ небольшія щели, иногда ей приходилось итти среди глубокаго сырого мрака, точно по туннелю; тамъ и сямъ тропинка становилась такой узкой, что она, прижавшись къ стѣнѣ, могла подвигаться впередъ, только едва ступая.

Она заглянула внизъ, испугалась и невольно схва-

тилась за острый выступъ скалы. Въ страшной глубинѣ, въ причудливо изрытыхъ ложбинахъ бѣсновался потокъ и обрызгивалъ бѣлой пѣной черную громадную стѣну, по которой стекали вода и плѣсень, а въ нѣсколькихъ мѣстахъ изъ круглыхъ отверстій, точно изъ оконъ, сдѣланныхъ рукою человѣка, съ бѣшеной силой лились цѣлые потоки воды.

Съ минуту стояла она среди глубокаго мрака этой адской пасти, такъ какъ сверху висѣлъ надъ узкой расщелиной громадный камень, точно какое-то чудовищное вѣко, которое исключало всякій свѣтъ и каждую минуту грозило сорваться внизъ.

Она задрожала отъ страха, что эта висѣвшая надъ ней скала вотъ-вотъ оборвется и размозжитъ ее, что она попадетъ подъ колеса какой-то дьявольской мельницы... она не смѣла двинуться съ мѣста; голова начинала кружиться... еще минута — и она готова была слетѣть внизъ...

Глаза ея закрылись, ноги дрожали; она долго не могла сдѣлать ни шага впередъ.

Наконецъ, она овладѣла собой и рѣшилась итти дальше.

Тропинка расширилась; она пошла вверхъ, къ свѣту.

Ей казалось, что она достигла гавани... стѣны все больше раздвигались... и, наконецъ, ослѣпленная неожиданной волной свѣта, она закрыла глаза и остановилась у выхода изъ этой адской ловушки.

Передъ ней разстилалось широкое пастбище, залитое золотистымъ свѣтомъ заходящаго солнца поздней осени.

Свѣтъ лился на лугъ и поилъ каждую травку и ка-

ждый цвѣтокъ, лился на горы и пробирался въ темные, окружавшіе пастбища лѣса, брилліантовой струей разлился по потоку и ворвался въ ея душу широкой волной невыразимаго восторга, проникалъ въ ея самые темные уголки и украсилъ ее весенними цвѣтами.

Она жадно впивала въ себя это великое благословеніе свѣта, чувство освобожденія и искупленія расширяло ея грудь, сердце билось ритмомъ непонятной, безконечной пѣсни, которая мечтала въ неволѣ каменныхъ скалъ, въ бурныхъ потокахъ побѣдоносными кликами гремѣла, колыхалась на волнахъ высокихъ травъ и цвѣтовъ и разстилалась надъ всей вселенной въ океанѣ воздуха, пронизаннаго солнцемъ.

Она прислушивалась съ благоговѣйнымъ упоеніемъ. Вся душа ея наполнилась торжественнымъ вдохновеннымъ экстазомъ и, вознесшись къ небесамъ, не сознавая времени, освобожденная, она вся слилась съ природой.

Безсознательно протянула она руки.

Это было одно изъ тѣхъ мгновеній полнаго забвенія заботъ и пропсковъ земли и жизни; мгновенье духовнаго восторга, поднятія въ заоблачныя выси, когда природа на минуту раскрываетъ избраннымъ свои тайны.

Ей казалось, что она слышитъ шумъ движенія земли, переливанье соковъ, стремившихся вверхъ по стволамъ вѣковыхъ деревьевъ, чувствовала трудъ и усиліе капельки, которая подрывала скалы, вмѣстѣ съ мушкой поднималась вверхъ... о! какъ высоко!.. по стебельку травки, радовалась быстрому, ловкому бѣгу ящерицы и радостнымъ взоромъ слѣдила за бѣлкой, которая

прыгала съ дерева на дерево... проникала въ тайники жизни въ самыхъ ея сильныхъ и мелкихъ проявленіяхъ. И всюду видѣла она неизмѣнно одно и то же—и въ той голой исполинской скалѣ, и въ крошечной песчинкѣ; въ той громадной соснѣ и крошечной былинкѣ, въ самомъ ничтожномъ растеньицѣ и въ себѣ самой, и то же самое въ горячемъ потокѣ солнечнаго свѣта, что и въ тонкомъ лучѣ звѣзды, удаленной на милліарды миль.

Все было ею, а она была всѣмъ.

Какое необъяснимое благодѣяніе, что она могла понять и обнять все это!

Опомнившись, она подошла къ шалашу и освѣжилась холоднымъ молокомъ; ей казалось, что она никогда еще не пила такого вкуснаго молока... ни на минуту не нарушился покой ея души; она чувствовала себя легко и свободно и странно; послѣ такой длинной и часто очень трудной прогулки не ощущала никакой усталости.

Она могла бы итти такъ безконечно, но взглянула на небо и увидала, что солнце сейчасъ зайдетъ.

Оно бросало все болѣе длинныя и темныя тѣни; на залитый солнцемъ лугъ длинными клиньями ложились тѣни елей, росшихъ по окраинамъ луга и причудливыхъ скалъ, оторвавшихся отъ какихъ-то вершинъ и скатившихся сюда.

Быстро пробѣжала она черезъ лугъ. Обошла коровъ, лѣниво лежавшихъ поперекъ тропинки и не думавшихъ тронуться съ мѣста; перепрыгнула черезъ ручеекъ, черезъ который не было моста, и по щиколотку попала въ воду въ высокой травѣ на берегу.

Затѣмъ тропинка кончилась, и она пошла наперерѣзъ, между высокимъ бурьяномъ, спотыкалась о неподвижные, покрытые травою камни, пока не дошла, наконецъ, до небольшого заворота и съ нѣжнымъ восторгомъ заглянула внизъ.

У ногъ ея лежало озеро, точно застывшее въ глубокомъ благоговѣніи, тихое, широко разлившееся, темное, какъ беззвѣздное небо.

Она сѣла, сложила руки на колѣняхъ, а душа ея молилась молитвой, для которой не было словъ; ей казалось, что вся ея душа слилась въ одномъ торжественномъ гимнѣ со всей природой.

Она смотрѣла, смотрѣла, и душа ея не могла насытиться.

Со всѣхъ сторонъ, круто отъ самаго берега поднимались почти до самаго неба громадныя вершины, цѣпи горъ, изогнутыхъ причудливыми формами, а пониже еще другія горы, перераставшія первые ряды или сгибавшіяся передъ ними и внизу бѣлѣвшія, точно облупленныя стѣны.

Солнце, уже близкое къ закату, слегка окрашивало ихъ рубиновымъ свѣтомъ, который постепенно принималъ все болѣе и болѣе теплые оттѣнки, пока, наконецъ, всѣ эти вершины и скалы не запылали, точно облитыя заревомъ невидимаго пожара...

Она смотрѣла, уже не стараясь давать себѣ отчета въ томъ, что видѣла, только все глубже дышала; непонятная боль кольнула ея сердце; она закрыла лицо руками.

Но только на минуту.

Она смотрѣла впередъ, но уже глазами, которые не

видятъ. Горы темнѣли, пурпуровая полоса свѣта заходящаго солнца надъ стеклянной, темной поверхностью озера все суживалась. Внизу она увидала какую-то деревушку; надо было поспѣшить, чтобы дойти туда, пока еще не стемнѣло.

«Домой ужъ поздно, — подумала она; — теперь она навѣрное бы заблудилась... тамъ она переночуетъ... въ той деревнѣ... ага! теперь она поняла... тамъ должна быть маленькая гостиница... конечно... вѣдь тамъ главный пунктъ экскурсій на ближайшія альпійскія вершины».

Она встала и увидала какое-то препятствіе. Ага! дорога внизъ тамъ!

Она повернула въ сторону.

Черезъ минуту она уже шла каменистой и болѣе широкой дорогой и спѣшила по направленію къ деревнѣ.

Темнота все усиливалась. Она начала безпокоиться. Ей казалось, что она минутъ черезъ двадцать уже будетъ въ деревнѣ, а между тѣмъ шла, шла безъ конца. Небо надъ ней было еще ясно; выступали первыя звѣзды, но она очутилась въ ущельѣ, въ которомъ ее окружала уже полная темнота. Поднялся вѣтеръ; деревья мрачно шумѣли, на вершинахъ ихъ перелетали испуганныя ночныя птицы, и она каждую минуту спотыкалась о громадные корни, которые, какъ окаменѣвшія ящерицы, лежали поперекъ дороги.

Можетъ быть она заблудилась; непріятная дрожь пробѣжала по ея тѣлу.

Но нѣтъ... она ясно видѣла передъ собой дорогу,

только ее все больше пугалъ грозный, мрачный разговоръ лѣса, и дорога становилась все тяжелѣе.

Наконецъ, она вздохнула свободнѣе.

Лѣсъ порѣдѣлъ; осенняя ночь спустилась быстро, но небо было все въ звѣздахъ, а бѣловатый свѣтъ предвѣщалъ восходъ луны.

Наконецъ она увидѣла среди темной травы точно бѣлую ленту; внизу, уже недалеко, мелькали огоньки; она шла теперь спокойнѣе.

Озеро очутилось у ея ногъ. На склонахъ темныхъ горъ начали выступать бѣлыя стѣны скалъ, а по гладкой поверхности чернаго озера разливалось серебристое сіяніе: оно скользило бѣлыми, дрожащими пальцами, лаская легкія волны; лилось потокомъ свѣта, который дрожалъ на темномъ водномъ пространствѣ, разбѣгался во всѣ стороны тонкими струйками и окаймлялъ всякую, самую маленькую волну бриллiантовымъ блескомъ...

Она остановилась, всей душой поглощая въ себя это чудо свѣта, затѣмъ быстро побѣжала дальше.

Теперь она уже шла прямой дорогой надъ берегомъ озера, обсаженной серебристыми ольхами, прямо къ маленькому отелю.

— Есть свободная комната?

— Есть.

— Съ балкономъ на озеро?

— Да, только она дороже

— Все равно... прошу оставить ее за мной.

— Сейчасъ будетъ готова. Можетъ быть вы желаете кушать?

— Да.

Ганка прошла на большую веранду и сѣла въ уголкѣ, вдали отъ электрической лампы, спускавшейся съ потолка и ослѣплявшей ей глаза. Она перегнулась черезъ балюстраду, чтобы лучше видѣть озеро. Теперь только почувствовала она усталость послѣ цѣлодневнаго хожденія по горамъ.

Ахъ! какъ хорошо теперь отдохнуть. Только бы ей скорѣе дали чего-нибудь выпить; у нея была такая жажда, а потомъ она усядется на балконѣ... какое будетъ наслажденіе смотрѣть на это озеро, блестящее, какъ серебряный щитъ, утопать въ этомъ бѣломъ сіяніи. Она просидитъ такъ до разсвѣта.

Вдругъ она невольно обернулась.

За своей спиной она услыхала нѣсколько словъ, произнесенныхъ по-польски.

«Нѣтъ, это невозможно, ей только такъ показалось».

Сердце ея сильно забилось.

Она не только слышала польскія слова, но съ неудовольствіемъ почувствовала, что кто-то пристально всматривается въ нее.

Она вся задрожала; ею овладѣло такое раздраженіе, что она всѣми силами боролась съ собой, чтобы тотчасъ же не вскочить и не убѣжать отсюда.

Наконецъ, явилась кельнерша.

— Все готово... что прикажете подать кушать?—Она подала ей карточку.

— Подайте мнѣ закусить въ мою комнату...—Она хотѣла выйти незамѣченной, но должна была вернуться за мѣшечкомъ, который повѣсила на ручкѣ кресла, и въ ту же минуту встрѣтилась съ пристальнымъ взглядомъ какого-то мужчины.

Это длилось одну секунду.

Она вздохнула свободнѣе.

Нигдѣ не встрѣчала она его раньше... совершенно незнакомый человѣкъ... но гдѣ только не встрѣтишь соотечественниковъ... даже тутъ, въ этомъ уголкѣ Альпъ...

«А на ворѣ шапка горитъ», — подумала она съ тихой улыбкой.

Кельнерша проводила ее наверхъ...

Она оглядѣлась вокругъ; комната была маленькая, но хорошенькая и чистая.

Приказавъ принести себѣ чего-нибудь поѣсть, она сѣла на диванъ.

Какъ хорошо здѣсь отдохнуть... какъ только кельнерша принесетъ ужинъ, она потушитъ свѣтъ и сядетъ на балконѣ.

Черезъ минуту ей принесли ужинъ; кельнерша пожелала ей покойной ночи и вышла.

Ганка вынесла кресло на балконъ и потушила свѣчу... теперь никто ужъ ей не помѣшаетъ.

Она сѣла, оперлась на балюстраду деревяннаго удобнаго балкона и смотрѣла на широко разлившееся сіяніе луны, которое отражалось въ водѣ большими, длинными столбами, сливалось въ одну громадную колонну или разлеталось на милліарды частицъ.

Ночь была теплая, такая хорошая, тихая и глубокая.

По временамъ до нея долетали отрывки разговора; ей казалось, что она слышитъ отдѣльныя польскія слова, и въ ней еще дрожалъ страхъ, что кто-нибудь изъ поляковъ узналъ ее и донесетъ Черкасскому, что она укрылась здѣсь.

Но это воображеніе; никто ея здѣсь не зналъ, и не всѣ же соотечественники должны непремѣнно знать ее и Черкасскаго.

Черкасскій! Ясекъ!

Не было и минуты, чтобъ образъ его не останавливался передъ ея глазами; она постоянно думала о немъ, но образъ его никогда не былъ яснымъ; его всегда отуманивала какая-то набѣгавшая волна. Мѣсяцъ тому назадъ каждая мысль о немъ была для нея жгучей болью, тяжелой тоской, сегодня же она ощущала ее, какъ глухой стукъ въ толстую стѣну и тихую печаль, печаль по той жизни, которая рвалась въ небо пламенемъ святыхъ восторговъ, а теперь умирала, отравленная ядомъ сомнѣній и горечи... по тому мгновенью, когда она, стоя съ нимъ на головокружительной высотѣ, царила надъ жизнью и дѣйствительностью, и вдругъ очутилась на краю пропасти одна, лишенная прекраснѣйшихъ мечтаній, брошенная на произволъ чуждыхъ элементовъ, готовыхъ сбросить ее на дно пропасти, на произволъ тупого отчаянія, отъ котораго порвались всѣ связки ея души.

Какъ это было давно... цѣлая вѣчность прошла съ тѣхъ поръ!.. Потомъ онъ вернулся къ ней тоскуя, окружилъ ее еще болѣе горячей любовью, но тогда все въ душѣ ея надломилось, и отъ этого разрушенія душа ея до сихъ поръ не могла подняться... этого яда она до сихъ поръ не могла выбросить изъ себя...

И теперь она ясно понимала, почему въ ту отчаянную минуту, которую пережила два мѣсяца тому назадъ, она не искала опоры у него, а захотѣла бѣжать, бѣжать, какъ можно дальше.

Воспоминаніе этой единственной, теперь уже такъ далекой минуты нечеловѣческаго страданія какъ острый клинъ врѣзалось въ ея душу и заставило ее бѣжать отъ него, чтобы стряхнуть съ себя все это ярмо.

Въ душѣ ея Черкасскій пролеталъ теперь какъ тѣнь и ни на минуту не могъ прильнуть къ ней.

— У тебя не хватило царственной силы и отваги, — тихо засмѣялась она, — чтобъ не отступить передъ призраками самыхъ грозныхъ ужасовъ и наполнить мою душу силой правды и ничѣмъ непоколебимой вѣрой.

Она встала и расправила плечи; никогда еще она не чувствовала себя такой свободной.

Освобождена, освобождена!

До сихъ поръ она существовала только относительно чего-то или кого-то.

Теперь она, наконецъ, живетъ для себя самой и для того, что въ ней есть божественнаго.

Для самой себя! Она съ силой повторяла эти слова и упивалась ими.

Теперь она могла плакать, когда хотѣла, и знала, что никого этимъ не обезпокоитъ, а когда задумывалась, никто не спрашивалъ, о чемъ и зачѣмъ задумалась, никто не старался, точно удочкой, выловить взглядомъ со дна ея души тѣ мысли, которыя она таила для себя одной.

До сихъ поръ она жила точно въ подземной тюрьмѣ, окруженной острыми краями скалъ. Куда она ни обращалась, ей приходилось натыкаться и ушибаться объ острые торчащіе камни; въ какую бы сторону ни посмотрѣла, ее пугали мрачныя, злыя тѣни воспоминаній; мысль ея всюду испуганно ударялась о холодную,

голую стѣну, покрытую скользкой ядовитой плѣсенью, и возвращалась къ ней загрязненная и отравленная ядомъ злобныхъ испареній.

Наконецъ, она вышла на свободу, наконецъ, дышала чистымъ, бальзамичнымъ воздухомъ.

Грѣхъ? Что такое грѣхъ?

«Царство Божіе внутри васъ; Я и Отецъ Мой — одно!»

Теперь только поняла она слова Христа и взыванья мудрецовъ Упанишадъ:

«О, дѣти несказаннаго блаженства, выслушайте меня: я нашелъ вѣчную истину и нашелъ путь: познайте самихъ себя, и это познаніе просвѣтитъ васъ и дастъ вамъ силу пройти черезъ море смерти и грѣха».

«Tat, tvam asi!» читала она на заголовкѣ каждой книги, которую давалъ ей Скирмунтъ. «Это—ты». Да! Ты! предвѣчный духъ, безконечный, всевѣдущій духъ, свободный отъ грѣха и страданья, духъ, который не можетъ осквернить никакой грѣхъ, не можетъ уничтожить никакое страданье.

И пройдя среди мрака проступковъ и грѣховъ... да! даже черезъ преступленіе, которымъ думали осквернить ее, она вышла чистой и незапятнанной.

«Познайте истину, и истина спасетъ васъ»,—говорилъ Христосъ, а старшій братъ его Будда говорилъ: «На свѣтѣ нѣтъ другого спасителя, кромѣ истины. Вѣрьте истинѣ, хотя вы и не въ состояніи обнять ея величины».

И гдѣ же та истина? Гдѣ спасеніе?

Только въ собственной душѣ.

Она нашла себя въ сліяніи со всей природой — Бо-

гомъ. — Омылась въ пречистомъ источникѣ познанья, и поняла, что душа ея зачата въ Богѣ и не можетъ осквернриться, можетъ только блуждать во мракѣ долгаго исканія самой себя, въ морѣ смерти и страданья.

Она протянула руки, точно хотѣла вздохнуть и забрать въ себя цѣлые снопы радостнаго блаженства луннаго свѣта.

Нашла истину! Не внѣ себя, не въ глупыхъ, дѣтскихъ правилахъ: это тебѣ позволено, а это нѣтъ! но въ самой себѣ.

«Моей истиной было—не грязнить душу ложью, хотя бы это и считалось обязанностью. Истиной моей была любовь потому, что я не хотѣла обманывать своей души, но меня поглотило море смерти и страданья, и я попала въ новое ярмо. Я сдѣлалась рабой своей страсти, душа моя замутилась, когда ее взволновалъ потокъ чужихъ ужасовъ, упрековъ и сомнѣній, и я, снова забывъ свое божественное назначеніе, утонула въ омутѣ грѣха и проступка».

Наконецъ... наконецъ...

Спасена!

Она освободилась собственными силами.

Если ее когда-то угнетало бремя всѣхъ простительныхъ грѣховъ и такихъ, которымъ нѣтъ отпущенія— если сгибалась подъ тяжестью мысли, что когда-то заставляла страдать другихъ, — теперь она удивлялась, какъ могла считать себя причиной этихъ страданій: вѣдь она только блуждала, ища вѣчной истины, старалась найти самою себя. Познаніе неприкосновенной божественности своей души спасло ее.

Если прежде боль и горечь переполняли ея сердце

оттого, что кто-то подкладывалъ лучинки подъ мученическій костеръ, на которомъ она должна была горѣть,— теперь она уже вспомнила о немъ безъ обиды, потому что онъ только способствовалъ ея скорѣйшему избавленію.

Онъ былъ для нея настоящимъ огненнымъ вихремъ, который въ одну ночь сжигаетъ землю, которую долгіе годы корчевали въ кровавомъ потѣ лица, и дѣлаетъ ее способной къ воспріятію всякаго божьяго зерна.

«Душа моя, душа моя, — горячо молилась она, — радуйся и веселись и благословляй минуту, въ которую ты возродилась.

Будьте благословенны, мученья и страданья, чрезъ которыя ты должна была пройти, чтобы выбраться на залитую солнцемъ поляну «дѣтей несказаннаго, вѣчнаго блаженства».

Благословенъ мракъ, въ которомъ приходится блуждать ощупью, ушибаться и калѣчить себя, чтобы можно было наконецъ увидѣть ясный день своей души.

Привѣтствую тебя, утренняя заря, при которой въ душу мою низошло царство небесное, а отецъ мой и я слились воедино».

Столбъ свѣта на озерѣ началъ суживаться, небо заволокло облаками, звѣзды гасли, мѣсяцъ скрылся за чернымъ валомъ тучъ — только туманное сіяніе еще свѣтилось на темномъ озерѣ.

Она вдругъ вздрогнула.

Заремба!

«Нѣтъ — нѣтъ! Смѣйся и веселись, душа моя, потому что ты спасена.

«Душа человѣка неистребима, ее нельзя ни пора-

зить мечомъ, ни сжечь огнемъ, ни высушить вихремъ, ни затопить водой».

И дальше еще:

«Если убійца думалъ, что кого-то убилъ, а убиваемый воображаетъ, что его, дѣйствительно, можно убить, значитъ, ни тотъ, ни другой не знаютъ, что душу убить нельзя и она не можетъ быть убита».

И она уже не боялась сумерекъ, которыя поглотили сіяніе серебристаго свѣта, но благословляла ихъ, потому что знала, что скрытый за ними свѣтъ скоро разгорится божественнымъ сіяніемъ.

VIII.

Онъ не могъ понять, что случилось.

Уже столько дней и столько ночей промучился онъ мыслями, которыхъ не смѣлъ додумать до конца, разгонялъ послѣднимъ усиліемъ настойчиво навязывавшіяся ему видѣнія отвратительнаго предательскаго насилія, которое Заремба совершилъ надъ Ганкой, вскакивалъ, чтобы бѣжать искать Зарембу, убить его, растоптать ногами и надругаться надъ нимъ.

Въ такія минуты въ глазахъ у него темнѣло, ноги подкашивались, а кулаки сжимались съ такой силой, что ногти впивались въ ладони.

Отвратительное видѣніе не давало ему минуты покоя. Имъ овладѣлъ какой-то страдальческій бредъ. Какъ безумный защищался онъ отъ ядовитыхъ гадинъ, которыя нападали на него и кусали со всѣхъ сторонъ—но никакъ не могъ сладить съ ними...

Его окончательно извело это дикое . . своей ярости и безнадежности мученье.

Свершилось, и ничто уже не можетъ этого измѣнить.

Ничто!

Онъ точно штурмовалъ громадную гранитную скалу, точно собирался зажечь воду, а огнемъ погасить жаръ горячки, которая сжигала его.

Но онъ уже сознавалъ, что хотя бы свелъ небо на землю, хотя бы сдвинулъ землю со всѣхъ ея основъ—этого онъ уже измѣнить не могъ.

Никогда.

Онъ тяжело опустился на стулъ и уже не чувствовалъ подъ собою ногъ отъ постоянной ходьбы по комнатѣ.

«Что же теперь? Что теперь?»—повторялъ онъ, качая головой.

И именно Ганкѣ, его святой, чистой Ганкѣ нанесено такое оскорбленіе.

«Отмстить за нее!» не переставая кричалъ ему внутренній голосъ.

И онъ невольно протягивалъ руки, чтобъ еще разъ повалить Зарембу къ своимъ ногамъ.

Слишкомъ мало—слишкомъ мало! Убить его, какъ собаку на большой дорогѣ... Зачѣмъ онъ не сдѣлалъ этого тогда?

«Ха, ха, ха—какой онъ ловкій и хитрый: возьми револьверъ! И онъ, дѣйствительно, подсунулъ его ему, «убей меня!» кричалъ онъ. А между тѣмъ отлично зналъ, что онъ не возьметъ его револьвера».

Онъ вскочилъ.

Схватился обѣими руками за волосы и стоялъ такъ. охваченный какой-то безумной мыслью...

Наконецъ онъ очнулся.

Если бы только можно было все это ясно и вѣрно представить себѣ.

Но нѣтъ—въ немъ только одинъ спутанный хаосъ мыслей, одно безумное страданье, которое безконечно терзало его душу.

Передъ глазами его стояла Ганка—такая, какой онъ ее еще никогда не видалъ—окаменѣвшая отъ страданья, съ широко раскрытыми потемнѣвшими глазами, съ тяжело опущенными руками—Ганка, въ смертельной мукѣ силящаяся разгадать страшную загадку — что случилось?

Онъ видѣлъ, какъ что-то охватило ее—не какая-то мысль, но что-то такое — что бы это могло быть?..

Опустившись на кресло, онъ безпомощно думалъ.

«Что бы это могло быть, что такъ внезапно охватило ее и заставило бѣжать, очертя голову, не раздумывая, все впередъ, черезъ горы и потоки — и куда?»

Онъ весь дрожалъ....

Онъ видѣлъ, какъ она, дѣлая послѣднее усиліе, бѣжала въ дикомъ отчаяніи, чтобъ только уйти, скрыться, зарыться въ землю передъ ужаснымъ преступленіемъ, которое совершили надъ ней

Онъ заскрежеталъ зубами.

Имъ снова овладѣла безумная мысль—почему онъ не убилъ тогда на мѣстѣ того злодѣя?

Но почему она бѣжала отъ меня?

Почему не ко мнѣ льнуло ея смертельно раненое сердце?

Онъ задумывался глубоко—все глубже и глубже,—но чѣмъ больше онъ думалъ, тѣмъ больше мутились и затемнялись его мысли....

«Тише, тише», шепталъ онъ про себя... и съ все большимъ трудомъ углублялся въ выжженную почву своей души...

Въ его мозгу въ то же время пробѣгали два ряда мыслей, сталкивались другъ съ другомъ, разбѣгались въ противоположныя стороны и снова встрѣчались.

Ганка ни въ чемъ не виновата — о! какъ отвратительно, что онъ, хотя на секунду, могъ допустить, что Ганка могла быть виновной въ этомъ случаѣ...

Все подъ ней рушилось, все вокругъ завалилось—куда ей было итти, къ кому протянуть руки?

«Ко мнѣ?»

Онъ почти не сознавалъ, какъ вышелъ изъ дома, блуждалъ по пустымъ улицамъ и очутился въ паркѣ.

«Ко мнѣ?»—повторялъ онъ, какъ маньякъ

«Вѣру въ меня она утратила, погасла вѣчная лампада въ храмѣ ея любви—храмъ остался, но темный, потому что лампада погасла—лампада вѣры погасла»...

Теперь онъ лишился ея!

Онъ весь точно одеревенѣлъ.

Остановившись, онъ оглядѣлся вокругъ, но не видалъ ничего, кромѣ сплошной массы темныхъ деревьевъ и далекихъ огоньковъ, освѣщающихъ дорожку.

«Но я тебя найду,—сверкнуло у него въ душѣ,—найду, хотя бы мнѣ пришлось обойти весь міръ,—тебя я найду,—я снова разожгу огонь вѣры въ твоемъ сердцѣ, затяну между тобой и мной такую петлю, что

насъ не оторветъ другъ отъ друга никакое, даже самое чудовищное преступленіе».

А, можетъ быть, онъ самъ виноватъ во всемъ этомъ?

Пускай бы на него свалился цѣлый адъ преступленій, пускай бы обрушились на него всѣ міры... Мысли его снова оборвались.

«Только бы найти ее, только бы услышать ея дѣвическій голосокъ и держать ея маленькія ручки въ своихъ сильныхъ рукахъ»...

Онъ совсѣмъ пересталъ думать о себѣ, забылъ, что существуетъ: одна Ганка стояла передъ его глазами— гдѣ она?

И онъ не могъ представить себѣ ее одну, одну безъ всякой помощи и попеченія, обезумѣвшую отъ страданія...

Онъ сѣлъ на скамейку.

«Это уже выше силъ», прошепталъ онъ про себя.

И снова вскочилъ.

«Я найду ее!» громко и съ упрямой настойчивостью произнесъ онъ.

«Но гдѣ же ты будешь искать ее?» хихикало сомнѣніе.

Въ своемъ гордомъ упорствѣ онъ даже не останавливался надъ этимъ, онъ зналъ только, что долженъ найти ее.

«И скажу ей...

«Лучше бы ты подождалъ, что она тебѣ скажетъ— захочетъ ли она еще говорить съ тобой, если бѣжала отъ тебя...

«И скажу ей, что... что...

«Что же?

«Скажу ей только, что люблю ее.

«Да! только одно это слово! И скажу его съ такой силой, моя душа такъ выльется въ одномъ этомъ словѣ, что она повѣритъ и пойдетъ со мной.

«И еще скажу ей: знаю, что надъ тобой совершено преступленіе, позволь мнѣ цѣловать твои ноги, потому что ты еще святѣе для меня оттого, что такъ страдала. Позволь мнѣ коснуться губами твоей руки, потому что своимъ мученичествомъ ты искупила и меня.

«Да, меня! Потому что все, что доводитъ меня теперь до безумія—ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что вынесла ты.

«Все это я скажу ей—или нѣтъ! ничего не скажу—только смиренно склонюсь къ ея рукѣ и скажу только—Ганка!

А потомъ скажу—иди со мной и вѣрь мнѣ!»

Все это онъ думалъ съ глубокой увѣренностью, но увѣренность эта, еще за минуту передъ тѣмъ придававшая ему силы, начала таять, какъ свѣжій снѣгъ на солнцѣ,—и, какъ водоворотъ, закружились въ немъ все сильнѣе и сильнѣе страхъ... ужасъ... стыдъ!

Онъ хотѣлъ оболгать самого себя.

Ему хотѣлось стать передъ ней, какъ-будто ничего не случилось, и сказать ей—пойдемъ за мной! Дешевыми словами хотѣлъ онъ перекинуть мостъ черезъ пропасть, которая отдѣляла ее отъ него.

Можетъ быть, онъ совершилъ еще большее преступленіе, чѣмъ Заремба, когда... когда... онъ не смѣлъ признаться самому себѣ, что недавно еще набросилъ отвратительное подозрѣніе на Ганку, что въ безумныхъ

видѣніяхъ могъ видѣть ее, хотя бы на секунду, съ наслажденіемъ склоняющейся въ объятія Зарембы.

Боль стыда сдѣлалась такой сильной, что онъ всѣми силами старался думать о чемъ-нибудь другомъ.

«Не лучше ли было бы, подумалъ онъ, приказать думать и страдать камнямъ, и несчастному человѣческому мозгу дать отдыхъ и покой».

Но онъ ничѣмъ не могъ дать другого направленія мыслямъ, которыя тяжело катили свои волны подземными руслами.

Онъ слышалъ ихъ шумъ и гулъ, чувствовалъ ихъ все возраставшій, ничѣмъ неудержимый напоръ.

Теперь онъ понялъ, что станетъ глазъ на глазъ съ самымъ смертельнымъ своимъ врагомъ,—съ самимъ собой, и еще большій ужасъ и неувѣренность обезсиливали его мозгъ.

Онъ застоналъ подъ вліяніемъ страшной муки.

Да, у него былъ страшный врагъ въ немъ самомъ—что онъ связывалъ, тотъ развязывалъ—что онъ соединялъ въ одно цѣлое, тотъ сатана рвалъ на куски—то, что онъ строилъ съ благоговѣйной любовью и святой вѣрой, тотъ, врагъ его разрушалъ и обращалъ въ развалины.

А когда сѣялъ чистое плодоносное зерно, всходили плевелы, когда насаждалъ волю, родилось преступленіе. И когда наконецъ послѣ тяжелой жизни безграничной тоски и безустанныхъ, никогда не удовлетворенныхъ желаній полюбилъ такой любовью, что ему казалось, что онъ сгоритъ въ ея огнѣ, онъ породилъ самую тяжелую муку, самый страшный разладъ, какой только можетъ вмѣстить душа женщины.

Ему хотѣлось на минуту задуматься надъ своей несчастной судьбой, а можетъ быть и расчувствоваться надъ собой, но ему стало стыдно своей слабости.

Теперь онъ больше не боялся.

Спокойно и осторожно встрѣтится онъ съ самимъ собой.

Послѣдніе фонари погасли, весь паркъ погрузился въ полный мракъ, до него не достигалъ никакой шумъ — онъ присѣлъ на лавочкѣ — и закрылъ лицо руками.

Онъ забылъ все, что случилось. Только обрывки воспоминаній проносились въ его головѣ: онъ видѣлъ Зарембу, лежавшаго навзничь на полу, съ ввалившимися глазами, ему страстно хотѣлось топтать его ногами, раздавить его—но эти ввалившіяся, какъ у трупа, глаза протрезвили его, онъ очнулся и самъ не зналъ, какъ дошелъ до дома.

Впрочемъ, это мало интересовало его, больнѣе всего ощущалъ онъ стыдъ, что когда-то въ его мозгу имя Ганки могло соединиться съ Зарембой.

У него было такое ощущеніе, точно онъ совершилъ святотатство.

Всѣми силами старался онъ представить себѣ, какъ это случилось.

Въ головѣ его проносились обрывки словъ Зарембы — онъ мучительно пытался связать ихъ въ нѣчто цѣлое, во что-то, изъ чего бы онъ могъ вывести фактичную послѣдовательность событій.

«Фактичную послѣдовательность событій — пусть будетъ такъ—пускай помучается надъ этимъ, какъ отупѣвшій законовѣдъ, съ высохшимъ мозгомъ педанта,

надъ бумагами, лишь бы могъ ясно и точно все представить себѣ.

«Ганка не могла повидаться съ ребенкомъ, ей это было запрещено — Глинскій не позволилъ»...

Онъ стиснулъ зубы.

«Ганка поставлена внѣ человѣческаго закона, осуждена на самое кровавое наказаніе за...

«За что?

«Ахъ! за что, за что? Спроси самого себя!

«Ты забылъ, какой чарующій рай нарисовалъ ты передъ ея глазами, какимъ страстнымъ и пылкимъ было твое краснорѣчіе, когда ты отрывалъ ее отъ мужа и ребенка — забылъ, какими сѣтями опуталъ ея душу, какимъ яркимъ блескомъ любовнаго восторга ослѣпилъ ея глаза, когда она еще старалась притти въ себя отъ головокруженія?

«И что же ты ей далъ?

«Кто же виноватъ въ томъ, что»... Онъ боялся докончить — все болѣе болѣзненный стыдъ терзалъ его душу.

Онъ прервалъ себя и снова началъ развивать ходъ событій.

«Ганка осталась одна, гдѣ-то на пустой дорогѣ среди ночного мрака, дождя и грязи, а Заремба, — что говорилъ Заремба?

«Привезъ ее, ошеломленную страданіемъ, въ жилище, которое передъ тѣмъ нанялъ.

«Что же еще говорилъ Заремба?

«Что любилъ ее гораздо раньше, чѣмъ онъ познакомился съ ней, что таскался за ней, хотя она совсѣмъ его не знала»...

Онъ тяжело дышалъ, точно взбирался на высокую

каменистую вершину, а камни качались подъ его ногами, а когда онъ хотѣлъ схватиться за нихъ, ускользали изъ-подъ его рукъ.

«А потомъ Заремба говорилъ еще, что она приняла опію и впала въ состояніе—въ состояніе, какъ бы это выразить? въ сумеречное состояніе... О! да, въ сумеречное состояніе, въ которомъ ночь сливается съ ужасающимъ днемъ—день ужъ клонится къ концу, ужъ дышитъ остаткомъ силъ, а глубокая, чудовищная ночь охватила и поглотила его. Еще разъ вспыхиваетъ огонекъ на засыпающемъ утомленномъ небѣ, — а затѣмъ наступаетъ мракъ, черный и душный...

«Да! и тогда Заремба»...

Зубы его стучали, и ему казалось, что сердце перестало биться.

Кулаки его сжались, весь онъ напрягся какой-то нечеловѣческой силой и снова увидалъ, какъ чье-то раздавленное, отвратительное преступное тѣло грохнулось къ его ногамъ.

Онъ видѣлъ какое-то темное озеро, на которомъ мелькали брилліантовыя искорки, отдѣлялись отъ темной поверхности воды, превращались въ тонкія булавки и больно кололи его прямо въ глаза.

Широко раскрывъ ихъ, онъ увидалъ въ блестящемъ брилліантовомъ сіяніи Ганку, печальную и грозную въ величіи мученичества.

Въ глазахъ ея было величественное презрѣніе, и царственнымъ жестомъ она точно низвергала свой собственный тронъ.

Теперь онъ наконецъ понялъ.

Все стало ясно.

Ганка не бѣжала отъ него. Ганка не отчаивалась. Ганка съ отвращеніемъ и презрѣніемъ отвернулась отъ всего, что связывало ее съ этой скверной, полной фальши, лжи, предательства и мерзости жизнью.

Онъ взглянулъ на нее. Ему хотѣлось бы поймать хотя одинъ мимолетный взглядъ ея чистыхъ, теперь такъ печальныхъ глазъ, одинъ только взглядъ, не похожій на тотъ, которымъ она теперь смотрѣла на весь міръ,—но онъ прошизалъ его сердце, можетъ быть, и безъ презрѣнія и отвращенія, но ранилъ его еще сильнѣе, потому что былъ полонъ глубокой печалью и тоской разочарованія.

Храмъ любви остался, но въ немъ погасъ вѣчный свѣтъ вѣры...

Онъ рѣшился, наконецъ, на сверхчеловѣческую отвагу:

«Кто погасилъ его?

«Я!»

Онъ совсѣмъ сгорбился.

Снова онъ струсилъ и всѣми силами пытался удержать свои мысли, направить ихъ на другіе пути, бѣжать отъ тяжкой правды, которую долженъ былъ бросить себѣ въ лицо, отъ думъ о самомъ себѣ, о пустотѣ, которая царила въ немъ съ исчезновенія Ганки, о ничтожествѣ всей своей жизни, но сила воли заставила его побороть эту слабость и покончить всѣ расчеты съ самимъ собою.

Онъ стыдился ея и съ великимъ упорствомъ продолжалъ разрывать раны своего сердца.

«Она вѣрила тебѣ! Безъ мѣры и памяти была она твоей, когда въ душѣ ея не было еще и тѣни сомнѣ-

нія, когда въ любовь ея еще не прокрадывались ни страхъ, ни сомнѣніе!

«Точно погруженный въ сонъ лунатикъ, шла она узкой тропинкой по самому краю бездонной пропасти, свободная и счастливая, не зная ни преступленія, ни грѣха, потому что ихъ въ ней не было, она не видала преградъ, такъ какъ ея царственная любовь была способна все покорить, на головокружительной вышинѣ танцовала она безумный танецъ любви и смерти, весь міръ для нея былъ окутанъ серебристой мглой, въ которой плавали и небо, и земля, и все на свѣтѣ.

«Она утопала въ волнахъ волшебныхъ сновидѣній, купалась въ разливѣ какого-то вѣчнаго единенія, о которомъ онъ постоянно говорилъ ей пламенными словами, и тѣмъ ужаснѣе было пробужденіе!

«Онъ самъ раскрылъ ей глаза на глубину пропастей, которыхъ она не видала, потому что взглядъ ея блуждалъ по небеснымъ высотамъ. Самъ указалъ ей бездну, которая зіяла у ея ногъ, полная испареній зависти, злой, отвратительной подлости и жестокости, и которая пугала его самого.

«Тогда, когда уничтожающая молнія глазъ Глинскаго страхомъ и ужасомъ наполнила его душу, — открыла передъ нимъ всю тяжесть мести, проклятій, злорѣчія, нависшихъ надъ его головой, — тогда, когда онъ струсилъ и бѣжалъ, — бѣжалъ и на цѣлые мѣсяцы оставилъ Ганку одну, на произволъ всякихъ ужасовъ, которые вдругъ нахлынули на нее, — тогда онъ грубо разбудилъ ее отъ того сна счастья, — нѣтъ, не счастья, потому что все это было, точно не отъ міра сего, — развѣялись свѣтлыя мечты, свалились заоблач-

ные замки, въ которыхъ она вмѣстѣ съ нимъ царствовала надъ жизнью и дѣйствительностью.

«Она оказалась одинокой, лишенной своихъ прекраснѣйшихъ мечтаній, брошенной на произволъ враждебныхъ элементовъ, на произволъ отчаянія, отъ котораго порвались всѣ нити въ ея душѣ.

«Тогда-то, тогда все въ ней надломилось, и душа ея уже не могла подняться послѣ такого паденія.

«А когда, гонимый безумной тоской, онъ снова вернулся къ ней и снова захватилъ ее жаромъ своей любви, было уже поздно...

«Остался храмъ, но вѣчная лампада вѣры въ немъ погасла».

«Я погасилъ ее, я!» съ отчаяніемъ простоналъ онъ.

Въ безсильной мукѣ боролся онъ самъ съ собой.

А въ душѣ чувствовалъ, какъ жегъ его ея взглядъ, полный печали и упрека за обманутыя стремленія и неисполнившіяся надежды; но это было ничто въ сравненіи съ страданіемъ, что онъ обманулъ ея вѣру въ его мощь и силу.

Теперь онъ понималъ, почему въ минуты самаго тяжелаго разлада она пожелала остаться одной, именно теперь — одной! У нея не было вѣры въ него, она предпочла одна бороться съ собой, скорѣе сгорѣть въ тяжелой мукѣ, чѣмъ искать помощи у него.

Онъ все теперь понялъ и съ яростью набросился на самого себя.

И онъ еще удивлялся и обидѣлся за то, что она написала ему, чтобы онъ не искалъ ея!

Съ ужасающей ясностью понялъ онъ, что не ну-

женъ ей въ самыя тяжелыя минуты, а, можетъ быть, ей даже казалось, что онъ будетъ ей только помѣхой въ работѣ внутренняго освобожденія; и при этой мысли имъ овладѣли такое сомнѣніе, стыдъ и отчаяніе, что все въ немъ задрожало; онъ, качаясь, ходилъ по дорожкѣ, садился, снова вскакивалъ; ему казалось, что онъ что-то ищетъ, что непремѣнно долженъ найти, что забылъ о какомъ-то важномъ дѣлѣ, которое обязательно долженъ вспомнить; громко говорилъ самъ съ собой, не сознавая этого, и наконецъ ясно услышалъ, какъ произнесъ:

— А я все-таки найду тебя!

«Не одну лампаду, я зажгу въ твоемъ храмѣ цѣлое солнце, заглушу твои сомнѣнія, вырву ядовитое жало твоего недовѣрія и безвѣрія, наполню тебя силой такой горячей, пламенной вѣры, что кромѣ меня ты ничего не увидишь и не пожелаешь.

«Найду тебя и верну тебѣ вѣру!»

Онъ почувствовалъ себя сильнымъ и мощнымъ, все тѣло его напрягалось отъ ощущенія незнакомой силы, какую придаетъ предсмертный ужасъ или отчаянная тоска—весь онъ превратился въ одно страшное усиліе воли, чтобы вырвать ядъ изъ ея души, который самъ влилъ въ нее, перелить въ ея жилы горячее пламя своей побѣдоносной любви...

Теперь онъ больше не сомнѣвался, что сможетъ это сдѣлать,—онъ задушилъ страхъ и тревогу, свернулъ шею колебаніямъ и увертками, убилъ стыдъ минувшихъ проступковъ и шелъ къ будущему сильными и увѣренными шагами.

Только одного страданья онъ не могъ утишить.

Заремба!

Онъ даже задрожалъ

И въ этомъ страданьѣ жила какая-то страстная, неумолимая увѣренность въ чемъ-то, чего онъ самъ не зналъ, о чемъ не могъ даже ясно думать—какая-то далекая увѣренность, что судьба Зарембы рѣшится въ немъ.

Быстро прошелъ онъ черезъ паркъ на широкую, круглую площадь, надъ которой висѣли тѣ таинственныя луны электрическаго свѣта, неизвѣстно, какъ и гдѣ подвѣшанныя, и повернулъ въ маленькій, узкій переулокъ.

Тамъ былъ тотъ вертепъ, куда водилъ его Заремба—пріютъ страдающихъ и заблуждающихся.

Тамъ онъ, навѣрное, найдетъ его!

Съ минуту онъ подумалъ, что его тотчасъ же узнаютъ и выгонятъ за приключеніе съ Зарембой... Пусть попробуютъ, пусть осмѣлятся загородить ему теперь дорогу!

Ясно онъ еще не отдавалъ себѣ отчета, зачѣмъ хотѣлъ въ эту минуту встрѣтиться съ Зарембой, потому что хотя тайная увѣренность и говорила ему, что судьба Зарембы рѣшена, онъ все еще не сознавалъ, какъ это случится...

«Это рѣшитъ послѣдняя минута», подумалъ онъ, а именно—теперь, онъ зналъ зачѣмъ пришелъ сюда—именно этой минуты-то онъ и искалъ.

Гордо и вызывающе отворилъ онъ двери пивной и сталъ на порогѣ, точно желая вызвать на бой всѣхъ присутствовавшихъ.

Но никто не шевельнулся, почти не обратили вниманія на то, что кто-то вошелъ.

Онъ оглядѣлся вокругъ и сѣлъ въ углу.

И снова, какъ и двѣ недѣли тому назадъ, неизмѣнный кельнеръ поставилъ передъ нимъ графинчикъ водки и рюмку.

Зарембы не было, но рядомъ сидѣлъ Кульчицкій. Онъ лѣниво поднялся со стуломъ и подошелъ къ Черкасскому.

Черкасскій посмотрѣлъ на него ничего не видящими глазами и старался припомнить, гдѣ видѣлъ этого человѣка.

— А, а... это вы панъ Кульчицкій, а я думалъ, что это Заремба.

— Нѣтъ, нѣтъ, это только я, — Кульчицкій... кажется, мы пришли сюда съ одной и той же цѣлью—найти Зарембу...

Черкасскій потеръ лобъ.

— Но я совсѣмъ не искалъ Зарембы.

— Нѣтъ?

— Откуда ты это взялъ...—Онъ вдругъ припомнилъ, что былъ съ Кульчицкимъ на «ты»...

— Самъ не знаю, откуда... но мнѣ такъ показалось, когда ты осматривался вокругъ, что ищешь здѣсь Зарембу...

— Нѣтъ, ты ошибаешься... — Ему было противно, что онъ солгалъ, но душа его замкнулась, и онъ ни за что на свѣтѣ не согласился бы теперь раскрыть ее.

— Ты позволишь мнѣ подсѣсть къ тебѣ?

— Пожалуйста, мнѣ очень пріятно, что я встрѣтился съ тобой.

— И именно здѣсь... Надо тебѣ сказать, что эта

пивная называется «Verbrecher - Keller»—пивная преступниковъ...

— Знаю, знаю...

— И здѣсь постоянно, цѣлыя ночи просиживалъ Заремба, который исчезъ нѣсколько дней тому назадъ.

— Исчезъ?

— Да, и два дня тому назадъ исчезла его сестра.

— Пани Задура?

— Ага! Но откуда ты знаешь, что это его сестра?

— Потому что я разъ просидѣлъ здѣсь съ ними нѣсколько часовъ.

— Ты?

— Ну, да! Тогда, когда ты вылетѣлъ изъ кофейни, чтобъ уничтожить своего сфинкса...

— Ага!

Кульчицкій былъ видимо сильно возбужденъ—лихорадочный огонь пылалъ въ его глазахъ, не спрашивая Черкасскаго, онъ налилъ рюмку водки, выпилъ ее и взглянулъ на него.

— Вы не разсердитесь?

— Нѣтъ! — Черкасскій приказалъ подать другую рюмку. — Но что съ тобой? У тебя такой видъ, точно съ тобой случилось несчастье?..

— Со мной? Несчастье? Погоди—ага! того сфинкса я, дѣйствительно, уничтожилъ—и теперь, какъ только встрѣчу ее, убью и ее, убью. — Онъ стиснулъ зубы.

— За что?

Они смотрѣли другъ на друга. Кульчицкій ничего не отвѣтилъ, а Черкасскій больше не спрашивалъ, въ немъ засѣло одно только слово — убью...

Прошло долгое мгновенье.

— Такъ Заремба исчезъ? — осторожно спросилъ Черкасскій, но голосъ измѣнилъ ему.

— Такъ она мнѣ сказала, когда я въ послѣдній разъ видѣлъ ее.

Въ продолженіе всего разговора Черкасскій старался быть спокойнымъ, напрягалъ всѣ свои силы, чтобы овладѣть своимъ волненіемъ, но ему все труднѣе было сдерживать себя.

— А ты знаешь, гдѣ онъ теперь?

Кульчицкій поднялъ на него усталые глаза.

— Если бъ я зналъ, то не говорилъ бы, что онъ исчезъ, и не искалъ бы ихъ уже нѣсколько дней.

Черкасскій спохватился.

— Правда! Какой я разсѣянный...

Онъ неестественно улыбнулся.

— Да, это правда, когда кто-нибудь исчезнетъ, то неизвѣстно, куда онъ дѣвался, и трудно найти его.

Онъ почувствовалъ на себѣ взглядъ измученныхъ, несчастныхъ глазъ Кульчицкаго.

— А я говорю тебѣ, что убью ее, — повторилъ онъ уже слабѣе.

— Кого? что? зачѣмъ? — Дрожь пробѣжала по тѣлу Черкасскаго. — Тутъ, кажется, собираются одни сумасшедшіе...

— А между тѣмъ—между тѣмъ, я не могу жить безъ нея, — точно маньякъ повторялъ Кульчицкій

— Не можешь жить безъ нея? — спросилъ Черкасскій.

— Я тогда только и начну жить, когда ея не будетъ.

Вдругъ онъ точно протрезвился отъ пьяныхъ сновъ.

— Не слушай, что я говорю, я очень усталъ за

послѣдніе мѣсяцы, — какъ хорошо, что я встрѣтилъ тебя... Выпьемъ, тогда я все припомню... потому что, надо тебѣ сказать, что я уже два дня не сплю, а отъ этого можно свалиться съ ногъ...

Кульчицкій задумался.

— Ага! пани Задура—трудно найти болѣе развратной женщины—но оставимъ это—ну, ну! одну минуту мнѣ казалось, что она хочетъ поймать тебя, но, видно, очень ошиблась... Ты, кажется, не очень слушаешь, что я говорю?

Черкасскій, дѣйствительно, не слыхалъ послѣднихъ словъ Кульчицкаго, мысли его безъ устали кружились вокругъ Ганки, распростерли надъ ней крылья, охраняя ее, а мозгъ съ напряженіемъ пытался найти средство отыскать и уничтожить того, кто осмѣлился оскорбить ее.

Но его здѣсь не было.

Чего же онъ ждетъ? Слушать пьяныя слова Кульчицкаго, его признанія, что онъ намѣренъ сдѣлать съ какой-то Задурой.

Онъ всталъ.

Но Кульчицкій схватилъ его за руку. Онъ снова сѣлъ.

— Не уходи! Ты не пожалѣешь, что посидѣлъ немножко съ пьянымъ Кульчицкимъ...

Раздраженный мозгъ Черкасскаго чутьемъ угадалъ по порывистому движенію Кульчицкаго, что онъ, дѣйствительно, скажетъ ему сейчасъ нѣчто важное.

Кульчицкій непріятно разсмѣялся.

— Вѣдь ты не думаешь, что я искалъ тебя для того, чтобы выложить передъ тобой свою связь съ какой-то

женщиной... Нѣтъ, нѣтъ! Это не то, мнѣ стыдно теперь, что я вообще объ этомъ говорилъ, это такъ чудовищно глупо, что я удивляюсь твоему терпѣнію, что ты до конца выслушалъ мои безумныя бредни.— Онъ задумался.

Черкасскій терпѣливо ждалъ.

Онъ уже былъ знакомъ съ такимъ перерывомъ теченія мыслей, съ прислушиваньемъ къ внезапной волнѣ, которая перекатывается черезъ всѣ остальныя волны.

— А между тѣмъ! — Кульчицкій говорилъ про себя, сжалъ кулаки, снова опомнился и откинулъ волосы назадъ.

— Я пришелъ сюда, главнымъ образомъ, для тебя. У меня, дѣйствительно, есть важное извѣстіе для тебя...

Черкасскій дрожалъ отъ нетерпѣнія, но сдерживался.

— Что же? — спросилъ онъ, стараясь сохранить равнодушное выраженіе лица.

— Вы позволите мнѣ говорить откровенно?

Черкасскаго поразилъ этотъ неожиданный переходъ отъ «ты» на «вы», но ему некогда было думать объ этомъ.

— Говори все!

— Ну, вотъ видите, я не желаю вмѣшиваться въ чужія тайны, но вѣдь вы знаете, что то, что случилось съ вами, достаточно извѣстно... обстоятельства, при которыхъ исчезла пани Глинская, отказъ, который она получила, видѣться съ своимъ ребенкомъ—знаютъ всѣ... Что ты вдругъ такъ поблѣднѣлъ?

Черкасскій овладѣлъ собой.

— Что же дальше?

— Я отлично знаю, что пани Задура хотѣла изловить тебя, а ты только потому не отвернулся отъ нея, что предчувствовалъ, что она что-то знаетъ о пани Глинской...

— О моей женѣ! — вставилъ Черкасскій.

— Ну, такъ о твоей женѣ, о пани Ганкѣ,—вѣдь она сестра Зарембы.

Черкасскій смотрѣлъ на него, но не видалъ его.

— Ты ничѣмъ не выдалъ себя, но я все это угадалъ чутьемъ—я знаю, что ты думаешь только о ней и ищешь ее, ищешь...

Черкасскій, затаивъ дыханіе, ждалъ, что ему скажетъ Кульчицкій.

— Сейчасъ я тебѣ скажу: помнишь того увлекающагося молодого человѣка — Баранскаго — помнишь? онъ еще спорилъ съ пани Задурой о Вейнингерѣ...

— Дальше, дальше!

— Онъ совершилъ поѣздку въ баварскія Альпы и тамъ встрѣтилъ пани Глинскую — прости—твою жену, и тотчасъ же узналъ ее, потому что видѣлъ васъ гдѣ-то годъ тому назадъ—а онъ говоритъ, что кто разъ ее видѣлъ, тотъ никогда уже ея не забудетъ.

Черкасскій вскочилъ, ноги его дрожали, онъ снова опустился на стулъ и не могъ совладать съ своими руками, онѣ подергивались и тряслись, какъ въ бѣлой горячкѣ.

— Гдѣ, гдѣ онъ ее видѣлъ? — Онъ задыхался.

— Въ какомъ-то маленькомъ отелѣ надъ озеромъ... постой... сейчасъ... — Кульчицкій рылся въ карманахъ, наконецъ досталъ изъ кармана жилетки смятую бумажку. — Вотъ, возьми, я записалъ адресъ...

Черкасскій съ минуту сидѣлъ ошеломленный, ослѣпленный, передъ глазами его мелькали молніи, въ мозгу носился туманъ взволнованныхъ мыслей.

Почти безъ чувствъ осматривалъ онъ записку, старательно разглаживалъ ее, пытался даже прочесть, но буквы плясали передъ его глазами и сливались въ черное пятно.

Черезъ минуту Кульчицкій устремилъ на Черкасскаго уже совсѣмъ протрезвившійся взглядъ и насмѣшливо засмѣялся.

— А той казалось — ха, ха, ха,—что могло ей казаться? — Онъ говорилъ, какъ бы про себя, — что она сумѣетъ опутать его — Черкасскаго — ха, ха, ха...

Но Черкасскій не слыхалъ его словъ — ему удалось наконецъ прочитать адресъ того отеля надъ альпійскимъ озеромъ, и онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ.

— Она здѣсь? Близко? Это правда?

— Здѣсь, здѣсь, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Мюнхена... Баранскій никогда не ошибается, будь увѣренъ— и онъ не ошибался, когда увѣрялъ, что фамилія пани Задуры происходитъ отъ слова дурачить, ха, ха, ха!

Онъ взглянулъ на Черкасскаго и снова отрезвился.

— Ты не можешь себѣ представить, какъ трудно быть трезвымъ, когда бываешь пьянъ, а я принесъ тебѣ эту тяжелую жертву...

Черкасскій вскочилъ, не говоря ни слова, наклонился надъ Кульчицкимъ и горячо обнялъ его.

— Ты не знаешь, какъ я тебѣ благодаренъ,—задыхающимся шопотомъ произнесъ онъ.

— Теперь я найду ее, понимаешь? Найду ее,—повторилъ онъ.

Кульчицкій печально кивнулъ головой.

Теперь Черкасскій припомнилъ, зачѣмъ пришелъ сюда — онъ искалъ Зарембу...

Онъ презрительно улыбнулся.

Что ему теперь за дѣло до Зарембы?

Кто такой Заремба? Кто онъ? Его удивляло, что онъ искалъ человѣка, съ именемъ котораго не могъ ничего и никого соединить.

«Наконецъ онъ найдетъ ее!» ликовало въ его сердцѣ, радостная увѣренность и торжествующая улыбка освѣтили его лицо.

IX.

— Такъ васъ уже ничто больше не удерживаетъ здѣсь? — спросилъ Скирмунтъ заботливо и съ безпокойствомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! панъ Скирмунтъ, теперь мнѣ пора, теперь я ужъ достаточно сильна, чтобы жить среди людей и остаться самой собой.

— Ну, если вы чувствуете себя достаточно сильной...

— И... — Ганка колебалась... — что же я скажу вамъ... у меня на языкѣ горячія слова благодарности—признательности...

Скирмунтъ порывисто прервалъ ее.

— Только это прошу васъ оставить—очень прошу васъ объ томъ, если хотите, чтобы мы разстались мирно и въ полной гармоніи...

Они помолчали.

А въ Ганкѣ зарождалось волненіе и страхъ, что она снова вернется къ людямъ, что броситъ все, что здѣсь

дало ей покой и поселило миръ въ ея сердцѣ, но такъ должно было быть....

— А, можетъ быть, вы бы прожили здѣсь зиму? Не спѣшите такъ!.. — Онъ говорилъ спокойно, но постоянно останавливался, точно ему трудно было найти слова, точно ему тяжело было кончить. — Можетъ быть, вы боитесь, что могли бы сдѣлаться мнѣ въ тяжесть.. Вы очень ошибаетесь... Правда, я отвыкъ отъ людей... Но когда я тамъ сидѣлъ на верху и работалъ, знаете— я уже привыкъ къ мысли, что если... ну, да... что когда я устану отъ работы, то могу сойти внизъ поговорить съ вами — или, хотя бы посидѣть вдвоемъ... Я съ удивленіемъ видѣлъ, какъ быстро вы нашли самое себя... Иногда я боялся, что слишкомъ быстро. Но повидимому въ васъ, несмотря на кажущуюся слабость, живетъ большая сила...

Ганка смотрѣла на него съ страннымъ чувствомъ страха и печали, потому что не могла еще представить себѣ, что скоро покинетъ это затишье и Скирмунта... но она должна, должна — ей бы хотѣлось еще здѣсь остаться, но что-то силой толкало ее изъ этого пріюта, гдѣ она нашла покой и равновѣсіе души.

Онъ! онъ! звалъ ее, его голосъ слышала она въ завываніи бури, бушевавшей въ окрестныхъ лѣсахъ и потрясавшей столѣтними стволами, точно сухими тростинками. Его тоской волновалось и пѣнилось озеро, его напраснымъ отчаяніемъ вылъ горный вихрь, уже два дня причинявшій каждую ночь страшныя опустошенія.

Она знала, чувствовала, что онъ ищетъ ее... Но вернуться къ нему она еще не хотѣла — не могла — не

могла еще, а боялась дольше оставаться здѣсь. Волненіе, тоска, Богъ знаетъ, что еще — могла ли она это предвидѣть? — возмутили бы ея покой, котораго она добилась съ такимъ трудомъ.

Наступятъ длинныя ночи и еще болѣе длинные вечера, ненастье, вихри и осеннія бури... цѣлый потокъ мыслей, воспоминаній и тоски налетитъ на ея душу... нѣтъ, нѣтъ! теперь надо занять мозгъ какой-нибудь работой, направить его на путь правильнаго занятія, не позволять мыслямъ ползать по отвѣснымъ стѣнамъ надъ мрачными, бездонными пропастями.

Въ настоящую минуту ей казался идеаломъ строгій монастырскій уставъ, который распоряжается каждой минутой человѣка, строго ограничиваетъ ее и чѣмъ-нибудь наполняетъ, чтобъ онъ не могъ даже подумать о себѣ...

Скирмунтъ долго и внимательно смотрѣлъ на нее, точно читая ея мысли...

Онъ откинулъ со лба сѣдые волосы, взялъ ее за руку и спокойно сказалъ:

— Вы правы — теперь я васъ понялъ. — Теперь осень — потомъ наступитъ зима. — Когда все здѣсь затянутъ туманы, зальетъ дождь, когда застонутъ осенніе вихри, а потомъ снѣгъ все прикроетъ бѣлымъ покровомъ — нѣтъ, нѣтъ! этого не вынесетъ молодая душа, которая только что возродилась.

Снова наступило долгое молчаніе.

— А когда онъ придетъ сюда, что ему сказать? — вдругъ спросилъ Скирмунтъ.

— Онъ, онъ!? — Ганка съ изумленіемъ взглянула на него. Онъ никогда не касался этого щекотливаго

вопроса — она совсѣмъ забыла, что во всемъ призналась ему.

— Вы думаете, что онъ ищетъ меня?

Она прекрасно знала это, но сдѣлала этотъ вопросъ вслѣдствіе страннаго желанія, чтобы Скирмунтъ отвѣтилъ утвердительно.

Скирмунтъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— А что же вы думали? Что онъ сложа руки ждетъ, когда вы къ нему вернетесь? О, нѣтъ, нѣтъ. Изъ того, что вы мнѣ говорили и не говорили, я заключилъ, что онъ человѣкъ, который перевернетъ небо и землю, чтобы только отыскать васъ...

— Но не теперь, не теперь еще... — со страхомъ прошептала она.

Что-то съ силой толкало ее къ нему, но она страстно, всѣми силами отталкивала мысль, что могла бы теперь съ нимъ встрѣтиться.

Она знала — была увѣрена, что онъ ищетъ ее, но не теперь — не теперь еще...

— Если бъ онъ напалъ на мой слѣдъ... — задумчиво сказала она, — а это возможно — нѣсколько дней тому назадъ кто-то изъ моихъ соотечественниковъ, котораго я не знаю, узналъ меня, потому что упорно приглядывался ко мнѣ въ томъ отелѣ, куда я зашла тогда вечеромъ, — скажите — скажите ему, чтобъ онъ пересталъ искать меня — когда настанетъ время, я сама вернусь къ нему.

— Хорошо! — Онъ задумался. — Хотя, признаюсь, мнѣ трудно будетъ сказать это человѣку, который, Богъ знаетъ въ какихъ мученьяхъ, искалъ васъ и, наконецъ, думаетъ, что сейчасъ увидитъ васъ...

Ганка увидѣла его передъ собой, жалость и любовь терзали ея сердце — но она не чувствовала еще въ себѣ достаточно силъ, чтобы встрѣтиться съ нимъ съ глаза на глазъ.

Она умоляющими глазами взглянула на Скирмунта.

— У меня еще нѣтъ силъ — дорогой панъ Скирмунтъ, сдѣлайте такъ, какъ я васъ прошу.

— Хорошо... — Скирмунтъ пригладилъ свои гладкіе сѣдѣющіе волосы.

— А теперь. — Онъ тяжело вздохнулъ — ему все труднѣе было говорить, — если я, съ своей стороны, осмѣлюсь попросить васъ о чемъ-то, то только о томъ, чтобы вы...—Онъ нерѣшительно взглянулъ на нее.

— Что же? Что? — спросила Ганка.

— Чтобы вы, сами того не сознавая, не сдѣлали мнѣ большой непріятности — можетъ быть, совсѣмъ невольно — но вы, точно мимоза, никогда не знаешь, когда можешь обидѣть васъ.

— Что вы хотите сказать?

Скирмунтъ былъ совсѣмъ смущенъ.

— Ну, вотъ видите — мнѣ теперь стыдно, какъ глупому школьнику, что я смѣлъ подумать — но когда вы два дня тому назадъ прислали ко мнѣ наверхъ Обидову — съ тѣмъ письмомъ, въ которомъ пишете, что хотите со мной проститься и переговорить о нѣкоторыхъ дѣлахъ...

Онъ остановился и нахмурился.

— Такъ вотъ, я усиленно прошу васъ не дѣлать мнѣ никакихъ затрудненій въ томъ, въ чемъ я хочу помочь вамъ. До сихъ поръ вы были моимъ гостемъ, — онъ произнесъ это такъ рѣшительно, что Ганка ни однимъ

словомъ не осмѣлилась противорѣчить ему. — Вы не знаете жизни съ ея безчисленными мелочами, преградами, ежечасными непріятностями — и вы, навѣрное, также не подумали, что въ первый разъ будете среди людей одна — и къ тому же вы на первыхъ порахъ, по крайней мѣрѣ, не пожелаете, чтобы знали ваше настоящее имя. А такъ какъ необходимо имѣть какое-нибудь имя, когда вступаешь въ общество людей, я выхлопоталъ для васъ другую фамилію, признанную закономъ, и... дайте мнѣ докончить, прошу васъ—я чрезвычайно счастливъ, что могъ принять васъ у себя—разстаюсь съ вами съ большимъ огорченіемъ, потому что нашелъ въ васъ родственную мнѣ душу и навсегда сохраню въ памяти тѣ часы, которые провелъ съ вами.— Вотъ деньги, которыя вы мнѣ отдали, когда я васъ нашелъ, а это письмо, въ которомъ я поручаю васъ одной очень почтенной женщинѣ, которая сердечно приметъ васъ и сумѣетъ оцѣнить ваши труды. Теперь мы сойдемъ внизъ къ озеру, я перевезу васъ на вокзалъ... но... что съ вами?

Ганка вдругъ вскочила, чтобы скрыть свое волненіе, а въ душѣ ея все болѣе сильнымъ пламенемъ разгорались страхъ и тревога.

На минуту въ головѣ ея, какъ молнія, промелькнула мысль, что когда она отсюда уѣдетъ, она снова попадетъ въ еще сто разъ худшій адъ, чѣмъ тотъ, который такъ недавно пережила!

Скирмунтъ замѣтилъ перемѣну въ ея лицѣ.

— Мужайтесь, мужайтесь, пани Ганка! За минуту передъ тѣмъ мнѣ хотѣлось еще удержать васъ, но теперь вижу, что это было бы вамъ не полезно. Вы по-

пали бы въ рабство природы, а отъ каждаго рабства, какъ бы ни были милы его узы — слѣдуетъ бѣжать. Я уже не могъ бы жить теперь въ другомъ мѣстѣ, если бы даже, Богъ знаетъ, какъ этого желалъ, а это тоже рабство... Человѣкъ только тогда свободенъ и спасенъ, когда всѣмъ овладѣваетъ и умѣетъ во-время оторваться отъ того, что накладываетъ на него невидимыя узы — тогда это свобода.

Ганка съ благоговѣніемъ слушала слова Скирмунта.

— Вы понимаете меня?

— Понимаю.

— Покинуть и вернуться, но не позволять сковать себя цѣпями... хотя бы онѣ приняли самыя красивыя формы.

Скирмунтъ таинственно улыбнулся и посмотрѣлъ на небо.

— Теперь намъ пора — пока мы дойдемъ до озера, пройдетъ много времени — потомъ больше часа придется ѣхать въ лодкѣ, — онъ пристально посмотрѣлъ на нее — лицо ея передергивалось, глаза затуманились...

— Только мужайтесь, мужайтесь, пани Ганка! У васъ было достаточно силъ, чтобы оторваться отъ жизни, но повѣрьте мнѣ, вы выказываете гораздо больше силъ, желая вернуться къ ней...

Ганка смотрѣла вокругъ себя, ей хотѣлось проститься съ каждымъ уголкомъ, расцѣловать каждое дерево, еще разъ вдохнуть въ себя все то, чѣмъ она тутъ упивалась, что разлилось въ ней незнакомой ей еще мощью, но боялась, что могла бы струсить, могла бы схватить ласковыя руки Скирмунта и сказать ему, что останется здѣсь дольше.

— Теперь ужъ пора — правда? — шепнула она.

— Да, теперь собирайтесь.

Ганка быстро надѣла фетровую шляпу, вуаль, кофточку, бумаги, которыя вручилъ ей Скирмунтъ, положила въ сумку.

Она еще разъ взглянула вокругъ себя — на синевѣ небесъ вырисовывалась раздвоенная вершина, на которой была мастерская Скирмунта — тамъ налѣво шла крутая тропинка, по которой нѣсколько дней тому назадъ спускалась она къ шумящимъ потокамъ, къ побѣдоноснымъ водопадамъ — нѣтъ, нѣтъ! Она не хочетъ больше смотрѣть — теперь она уже рѣшилась.

— Мужайтесь! — Скирмунтъ старался скрыть глубокое волненіе и то и дѣло съ безпокойствомъ взглядывалъ на Ганку.

Но въ ея глазахъ, въ этихъ поразительно прекрасныхъ глазахъ, въ которыхъ всегда въ новыхъ, дивныхъ, иногда непонятныхъ, но вѣчно чистыхъ и благородныхъ проявленіяхъ отражалась ея душа, онъ уже видѣлъ спокойную, побѣдоносную, хотя и печальную силу.

Онъ успокоился.

— Пойдемте! — Она пошла впередъ.

Они шли молча и быстрыми шагами подходили къ озеру, которое кое-гдѣ блестѣло голубой поверхностью сквозь густую листву лѣса.

На половинѣ дороги Ганка остановилась.

— Мнѣ такъ безгранично тяжело... — тихо произнесла она...

— Вы слишкомъ сильны, чтобы возвращаться съ половины дороги... — Скирмунтъ съ трудомъ произнесъ эти слова.

Они стояли на полянѣ.

Внизу какъ на ладони было видно озеро, длинное и широкое, съ одной стороны въ немъ отражался древній монастырь съ двумя башнями на фонѣ зеленыхъ луговъ, съ другой—рядъ горъ, причудливо изрѣзанныя вершины, скалы и расщелины... Ганка всѣми силами душила въ себѣ слезы, ей жаль было, что она, можетъ быть, никогда уже не увидитъ всего этого — она жадно прислушивалась къ звуку колокольчиковъ стада, пасшагося на горномъ пастбищѣ.

— Скирмунтъ!

— Что? —Онъ удивился, что она просто назвала его по имени.

— Мнѣ тяжело!

— Теперь не время возвращаться — твердо сказалъ онъ.

Ганка встрепенулась и быстро пошла впередъ, а ему стало непріятно, что онъ, можетъ быть, обидѣлъ ее своей рѣзкостью.

— Простите меня — если бы дѣло шло обо мнѣ, я бы горячо желалъ, чтобы вы отсюда не уѣзжали, но дѣло касается васъ... и...

«Бася, Бася!» вдругъ возликовало ея сердце... Ей такъ хотѣлось думать, что она возвращается съ надеждой увидѣть ее, но не могла обманывать себя, — она боялась его — нѣтъ, нѣтъ! это былъ не страхъ, а скорѣе непріятное чувство передъ той минутой, когда она могла встрѣтиться съ нимъ — если она бѣжала отсюда, то отъ страха, чтобъ онъ не нашелъ ее здѣсь, и съ страстной надеждой, что ей, хотя издали, удастся увидѣть Басю.

И она удивлялась, что все это время не думала ясно о Басѣ, хотя она постоянно стояла передъ ея глазами, какъ тотъ свѣтъ на озерѣ, блестѣвшемъ между стволами елей, липъ и яворовъ и сквозь чащу всего лѣсного богатства.

«Есть вещи, о которыхъ не нужно думать, потому что безпрестанно видишь ихъ — онѣ всегда и вездѣ живутъ въ нашей душѣ», подумала она.

— Да, да, панъ Скирмунтъ — у меня была минута слабости, теперь я снова сильна.

На берегу у лодки сидѣла Обидова съ чемоданчикомъ въ рукахъ и безсмысленно смотрѣла на озеро.

— Заждались? — спросилъ Скирмунтъ.

— Да, цѣлый часъ, а, можетъ быть, и дольше.

— Ну, ну! — вотъ теперь, когда пани Ганка уѣдетъ, время покажется намъ долгимъ!

Обидова точно не понимала, что снова останется одна.

— Вотъ такъ наказаніе — опять одна останусь, а я ужъ думала...

Она замолчала и вздохнула.

— Будьте здоровы! — Ганка сердечно пожала ея морщинистую руку.

— Господь съ вами, —пробормотала Обидова, но въ голосѣ ея слышались обида и неудовольствіе...— Такъ вы больше не вернетесь?

— Нѣтъ, Обидова — не теперь, въ другой разъ — можетъ быть...

— Жаль — хоть съ кѣмъ-нибудь могла я поговорить человѣческимъ языкомъ...— жаловалась она, — а то между этими нѣмцами живешь, точно нѣмая — лучше

бы мнѣ... — Она замолчала, — вы точно тотъ огонекъ, — вспыхнулъ и погасъ — и нѣтъ его, — ну, Господь съ вами.

Она старческой рукой перекрестила Ганку.

Они сѣли въ лодку, Скирмунтъ взялся за весла, Ганка сѣла у руля.

Долго ѣхали они молча.

Ганка все еще прощалась взглядомъ съ этимъ любимымъ мѣстомъ, гдѣ нашла самое себя, но уже безъ сожалѣнія, съ тихой, глубокой благодарностью.

Теперь она ѣхала къ Басѣ, она знала это навѣрное, хотя путь будетъ далекъ и тяжелъ.

Пройдетъ годъ, можетъ быть, два, а, можетъ быть, и раньше она снова будетъ съ Басей.

Она чувствовала это съ глубокой увѣренностью.

Теперь она уже не боялась никакихъ преградъ, а знала, что ихъ будетъ безъ конца — но ничего уже не случится съ ней хуже того, что она пережила на этомъ мученическомъ пути — теперь въ ней было уже больше силъ, чтобы все это выдержать.

Воздухъ былъ тяжелый и душный, а озеро гладкое и спокойное, точно оно притаилось.

— Вы не боитесь бури? — спросилъ онъ.

Скирмунтъ безпокойно смотрѣлъ на небо.

— Нѣтъ, теперь я ничего больше не боюсь.

— Озеро подозрительно спокойно, воздухъ душенъ — съ самаго полдня ходятъ темныя тучи... Это предвѣщаетъ недоброе.

— Что же можетъ случиться? Развѣ только намокнемъ...

Ганка улыбнулась.

Она такъ была увѣрена, что съ ней ничего не случится, прежде чѣмъ она увидитъ Басю, что ни на минуту не испугалась.

Они снова замолкли, Скирмунтъ только сильнѣе и быстрѣе работалъ веслами по уже волнующейся поверхности воды...

Берегъ былъ уже далеко, когда вдругъ неожиданно поднялся вихрь.

— Ого! — сказалъ Скирмунтъ, — начинается раньше, чѣмъ я думалъ. Хуже всего эти неожиданныя бури поздней осенью...

Съ непонятной быстротой небо затянулось грязновато-желтыми валами тучъ, вѣтеръ съ каждой минутой усиливался, свистѣлъ, вылъ, мчался по озеру съ такой силой, что оно клокотало.

Скирмунтъ удвоилъ силы.

— Только не бойтесь...

Ганка смотрѣла на страшное волненіе воды, но не боялась.

Теперь ничего не могло съ ней случиться. Бася перенесла ее по крутому спуску, и Бася перевезетъ ее черезъ бурное озеро.

— Я ничего не боюсь, — спокойно улыбнулась она.

Въ эту минуту страшный порывъ вѣтра изо всѣхъ силъ налетѣлъ на лодку, она покачнулась, но Ганка сильно схватилась за ея края, иначе выпала бы изъ нея, и потемнѣвшими глазами смотрѣла на Скирмунта.

Стемнѣло. Тяжелыя, оловянныя тучи висѣли надъ самой поверхностью озера, а пѣна все выше поднимающихся волнъ сверкала зеленымъ фосфорическимъ блескомъ.

Волны поднимались такъ высоко, что весла почти не могли дѣйствовать.

То и дѣло мракъ прорѣзывали широкой лентой молніи, вокругъ грохоталъ громъ, казалось, что всѣ вершины горъ срывались и валились внизъ.

Все грознѣе вздымались волны кипящаго озера, разбивались о крѣпкій носъ лодки, подбрасывали ее кверху и съ бѣшенствомъ опускали внизъ, точно хотѣли стряхнуть съ себя эту непріятную пылинку.

Небо безпрестанно разверзалось огненной пастью, громъ гремѣлъ и семикратнымъ эхомъ раскатывался по горамъ.

Ганка одной рукой держалась за край лодки, а другой судорожно сжимала руль.

Вѣтеръ вылъ, волны шумѣли, разбиваясь о лодку—казалось, что ее били желѣзными цѣпями—тучи совсѣмъ низко висѣли темнымъ покрываломъ надъ берегомъ и поверхностью озера, и только странно зеленая полоса фосфорическаго цвѣта блестѣла на гребняхъ волнъ.

Небо поминутно пылало огнемъ, громъ проносился въ воздухѣ, точно палили изъ пушекъ, гдѣ-то вдали отъ нихъ ударъ упалъ въ озеро, вода закипѣла и фонтаномъ поднялась кверху.

Они не могли переговариваться, потому что адскій гулъ, шумъ и грохотъ заглушали всякій голосъ.

По тѣлу Ганки пробѣжала дрожь, но не отъ того страха, который лишаетъ силъ, а, напротивъ, такого, который будитъ скрытую энергію и заставляетъ ступить въ борьбу съ расходившейся стихіей.

И теперь, руководимая инстинктомъ, она сильно

дернула руль и направила лодку по вѣтру, который въ ту минуту налеталъ на нихъ съ боку и непремѣнно опрокинулъ бы лодку — она инстинктомъ почуяла теченіе вѣтра, который гналъ ихъ сзади, точно перышко, на хребетъ громадной волны, такъ что лодка однимъ взмахомъ оказалась на верху другой.

Скирмунтъ работалъ съ сверхчеловѣческой силой, весла взлетали кверху и снова опускались, точно крылья исполинской птицы, сбрасывали пѣну съ расшумѣвшихся волнъ, съ страшнымъ усиліемъ погружались въ нихъ, трещали подъ напоромъ воды и снова взлетали вверхъ... Но сила бури уже утихала.

Онъ вздохнулъ свободнѣе — тучи начали подниматься и рѣдѣть, вѣтеръ постепенно затихалъ, озеро успокаивалось, иногда еще налеталъ порывъ вѣтра, ударяли послѣднія волны, слышались послѣдніе раскаты грома — берегъ понемногу открывался.

Пошелъ проливной дождь.

Скирмунтъ бросилъ Ганкѣ свой плэдъ; она поймала его на воздухѣ и поспѣшно укрылась имъ, чтобы не промокнуть; ей предстоялъ еще длинный путь.

Они заѣхали въ маленькій заливчикъ. Надъ ними свисали громадныя скалы и образовали безопасный сводъ, подъ которымъ было совершенно тихо.

Если бы всѣ тучи прорвались теперь,— здѣсь они были въ безопасности,— ни одна капля не могла бы проникнуть сквозь этотъ скалистый куполъ...

— А что, если такая скала оборвется надъ нами? — пошутилъ Скирмунтъ, поблѣднѣвшій отъ усталости. Онъ тяжело дышалъ.

— Теперь со мной ужъ ничего не случится! — смѣя-

лась Ганка, но въ ея потемнѣвшихъ, влажныхъ глазахъ еще отражался страхъ; только теперь сообразила она, какой опасности они подвергались.

Они причалили къ скалѣ; Скирмунтъ долго и терпѣливо вычерпывалъ изъ лодки воду черпакомъ.

— Проясняется, — сказала Ганка.

Скирмунтъ всталъ и оглядѣлся вокругъ.

— А! посмотрите, радуга...

На минуту они забыли, что скоро должны разстаться, такъ имъ было хорошо и весело.

Дождь кончился; тучи раздѣлялись и разрывались на части, бѣжали, уносились вѣтромъ, сквозь широкія щели въ скалѣ лился свѣтъ, и синѣло небо.

— Теперь мы поѣдемъ берегомъ... черезъ полчаса будемъ у пристани.

Онъ посмотрѣлъ на часы.

— Еще четверть часа придется подождать поѣзда.

Они плыли берегомъ.

Сердце Ганки сжалось, но она стиснула зубы и не хотѣла думать теперь ни о чемъ непріятномъ.

А мысли насильно лѣзли ей въ голову, сплетались и бурлили, но она еще была въ силахъ властвовать надъ ними.

Ей хотѣлось многое сказать Скирмунту, но слова застревали у нея въ горлѣ, а къ тому же она боялась, что расчувствуется; ей хотѣлось пошутить съ нимъ, чтобы разогнать свои думы, но шутки не приходили ей въ голову.

Скирмунтъ понималъ, что происходило въ ея душѣ, и радовался, что она такъ закалила себя. Онъ

еще безпокоился за ея судьбу, но уже не боялся за ея душу.

— Изъ васъ вышла сильная женщина, — громко подумалъ онъ.

— Это дѣло вашихъ рукъ, — горячо сказала Ганка.

— Вы ошибаетесь, никто этого сдѣлать не можетъ; надо имѣть въ самомъ себѣ такую скрытую силу.

— Безъ васъ она не проявилась бы.

Скирмунтъ что-то пробормоталъ, и они снова замолкли.

Наконецъ, они причалили къ берегу; Скирмунтъ втащилъ на него лодку, и они тропинкой отправились черезъ лѣсъ, къ маленькой станціи альпійской желѣзной дороги.

Ганкѣ хотѣлось, чтобы дорога тянулась безконечно, хотѣлось бы задержать поѣздъ, чтобъ ей можно было остаться здѣсь еще одинъ день; она шла тихой, тяжелой походкой; ей съ каждымъ шагомъ становилось труднѣе.

«На что она идетъ? На какую муку? Навстрѣчу какимъ непріятностямъ спѣшитъ она?» съ дрожью спрашивало ея сердце...

Она чувствовала, что слабѣетъ, что уже начинаетъ сдаваться, но тотчасъ же передъ ея глазами стала Бася! Она глубоко вздохнула.

«Вотъ къ чему я иду! Иду къ Басѣ, которая протягиваетъ ко мнѣ ручонки!» прошептала она и снова почувствовала себя сильной. Ей хотѣлось еще разъ оглянуться назадъ, но она пересилила себя; хотѣлось еще поговорить со Скирмунтомъ о времени, прове-

денномъ въ его домѣ, но задушила это предательское желаніе...

Поѣздъ уже стоялъ на станціи.

Скирмунтъ купилъ билетъ и нашелъ ей купэ.

— Вы проѣдете часъ, потомъ пересядете на скорый поѣздъ, тогда вы ужъ быстро доѣдете до мѣста.

Ганка смотрѣла на него, но ничего не видала; слезы, которыя она съ трудомъ сдерживала, все туманили передъ ней.

— Ну, а теперь простимся. — Скирмунтъ всѣми силами сдерживалъ волненіе, но голосъ его дрожалъ. — Помните, если вамъ будетъ нехорошо, если бы вамъ что-нибудь занадобится, вы... вы знаете, къ кому обратиться... я отсюда не тронусь... вы это знаете.

Ганка смотрѣла на него сквозь туманъ слезъ; въ ней вдругъ поднялась волна великой благодарности; она схватила его руку и быстро прижала къ своимъ губамъ.

Скирмунтъ обнялъ ея головку и прижалъ къ своему сердцу.

Ганка громко зарыдала; весь ея глубокій плачъ вылился въ одномъ этомъ рыданьѣ.

Еще разъ посмотрѣли они другъ на друга; еще разъ пожали другъ другу руки, затѣмъ Скирмунтъ вышелъ изъ вагона; поѣздъ тронулся.

Еще минуту видѣлъ онъ, какъ она стояла у окна съ глазами, полными слезъ, тѣми глазами, которыхъ онъ никогда не забудетъ.

Поѣздъ уже давно скрылся за поворотомъ, а онъ все еще стоялъ и смотрѣлъ.

Дрожь пробѣжала по его тѣлу. Точно онъ лишил-

ся самаго дорогого ребенка. Навѣрное, онъ никогда больше не увидитъ ея.

Великая тяжесть налегла на его сердце; его пугало теперь уединеніе, къ которому онъ возвращался одинъ... Но вдругъ онъ встрепенулся.

— Такъ хорошо, хорошо! Я далъ жизни прекрасную, чистую душу... да, такъ хорошо, — шепталъ онъ и тяжелыми шагами пошелъ домой.

X.

Въ комнатѣ уже совсѣмъ стемнѣло. Только изъ дома на противоположной сторонѣ падалъ на полъ отблескъ свѣта.

Заремба лежалъ на диванѣ и упорно вглядывался въ эту узкую свѣтлую полоску.

Воспоминаніе о встрѣчѣ съ Черкасскимъ какъ ядовитый клещъ впилось въ его душу... онъ ничѣмъ не могъ вырвать его оттуда.

Онъ смутно припоминалъ, какъ Черкасскій бросилъ его о землю; онъ лишился сознанія и пришелъ въ себя, когда его привезли домой...

Зачѣмъ Черкасскій не убилъ его тогда? вѣдь онъ просилъ его объ этомъ, подавалъ ему револьверъ...

А вѣдь онъ долженъ былъ это сдѣлать — онъ такъ страстно желалъ этого, былъ бы спасенъ теперь, — а такъ?

Его побили какъ какого-нибудь парня въ корчмѣ, котораго поколотилъ болѣе сильный, чѣмъ онъ.

Первой его мыслью было бѣжать куда бы то ни бы-

ло, только подальше, зарыться гдѣ-нибудь вдали отъ людей, исчезнуть, какъ камень, упавшій въ глубокій колодецъ.

Двѣ недѣли блуждалъ онъ по разнымъ городамъ и деревнямъ Германіи, переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто и снова вернулся

Зачѣмъ вернулся?

Можетъ быть, въ надеждѣ, что Черкасскій наконецъ исполнитъ его просьбу, но не могъ дать себѣ въ этомъ яснаго отчета. Вообще онъ замѣтилъ, что съ той минуты, какъ исчезла Глинская, въ мозгу его что-то замутилось, часы бѣгали въ тяжелой глубокой задумчивости, а потомъ онъ не могъ припомнить, о чемъ думалъ все время.

Пока въ немъ жило желаніе, которое мучило его, онъ по крайней мѣрѣ былъ чѣмъ-то полонъ, но теперь, когда онъ ужъ это сдѣлалъ, передъ нимъ развернулась мрачная пустота, глубокая зіяющая пропасть...

Онъ не могъ простить Черкасскому, что тотъ не убилъ его, но, собственно говоря, это не измѣнило бы порядка вещей.

Вѣдь въ концѣ-концовъ, было совершенно безразлично, существуетъ ли онъ, или нѣтъ.

Впрочемъ, это еще не потеряно...

Онъ вдругъ вскочилъ и сѣлъ.

Узкая полоса свѣта на полу начала передвигаться то въ ту, то въ другую сторону, ложилась на постель, взбиралась на рояль...

Ага! очевидно лампу переносятъ въ другую комнату.

Черезъ минуту комната погрузилась въ глубокій мракъ.

Ему стало жаль той полосочки свѣта, съ которой онъ уже сжился, онъ подумалъ, что могъ бы встать и зажечь свою лампу, но у него не хватало на это ни силъ, ни воли.

Онъ безпокойно потеръ себѣ лобъ.

Тамъ что-то говорило, что-то шептало — онъ зналъ, что тамъ, въ глубинѣ, на него смотрятъ безпомощные, безсознательные глаза, съ какой-то болью, страхомъ, тревогой и ужасомъ... ахъ! если бъ можно было спрятаться, подъ землю провалиться отъ этихъ прекрасныхъ — но для него такихъ страшныхъ глазъ...

Онъ чувствовалъ, какъ маленькія, нѣжныя ручки, безпомощно опустившіяся на его волосы, хотѣли оттолкнуть его, но безсильно упали — слышалъ, какъ горячія губы прошептали имя, но не его имя, а затѣмъ испуганный крикъ, точно призывъ на помощь среди тяжелаго сна...

Его бросало то въ холодъ, то въ жаръ, сердце сжималось отъ наслажденія и страданья, и наконецъ что-то точно взвыло въ немъ...

Святотатство!

Она такъ довѣрчиво отнеслась къ нему, съ такой благодарностью за его доброту рѣшилась отдохнуть въ его домѣ...

А онъ! онъ!

Онъ вскочилъ и началъ быстро ходить по небольшой комнатѣ.

Онъ не могъ отдѣлаться отъ видѣнія той адской ночи, которая опутала его чувства призракомъ чуднаго рая...

Снова разгорѣлась въ немъ дикая страсть, огонь закипѣлъ въ его жилахъ.

Еще разъ пережить такое мгновенье, потомъ хотя цѣлую вѣчность умирать въ мученьяхъ ада... еще разъ почувствовать въ своихъ объятіяхъ ея маленькую гибкую фигуру...

И снова повалился на диванъ. — Вдругъ онъ весь затрясся, ему казалось, что онъ видитъ ее... дыханье его замерло, сердце билось, точно гдѣ-то позади него...

Это она, она!

Онъ снова видѣлъ маленькое, нѣжное личико, порозовѣвшее точно отблескомъ зарева, обрамленное золотистыми разсыпавшимися волосами и глаза, отуманенные, сіяющіе глаза, заглядывавшіе въ его душу.

А душа его была мрачна, и свѣтъ этихъ глазъ, раздиравшихъ ея тьму, причинялъ ему и страданіе и наслажденіе.

Такъ стояла она надъ нимъ — и все глубже погружала свѣтъ своихъ глазъ въ мрачную бездну его души.

На лицѣ ея медленно разлилась тихая, печальная улыбка, она покачала головой:

«— Это не ты! не ты!»

Болѣзненный бредъ на минуту исчезъ.

«— Нѣтъ, нѣтъ — это не я, — бормоталъ онъ, — это не я»...

Потомъ онъ ясно видѣлъ, какъ она останавливалась въ углу и обдавала его взглядомъ, который святой благостью несказанной доброты проникалъ въ самые тайники его души.

«— Это не я—ты для меня безгрѣшна—я ношу тебя въ своей душѣ, какъ величайшую святыню — я бу-

ду служить для тебя мостомъ, по которому ты спокойно и безопасно можешь перейти въ обѣтованную землю— я сорву для тебя звѣзды съ неба, радугой, вѣстницей мира тебя опоясу—и я...—Онъ вскочилъ.—Я ...я». — Въ мозгу его забурлило, онъ съ нечеловѣческимъ усиліемъ погрузился во мракъ и разогналъ его — свѣтъ внезапно озарилъ его —

«— Возвращу тебѣ Басю!»

Какъ-то тихая молнія разлилась по темной комнатѣ, горячая, благодарная, небесная улыбка.

Заремба очнулся. Торжество освобожденія мощно разлилось по всему его существу.

«— Верну ей ея Басю!»

Онъ безъ конца повторялъ эти слова и этимъ радостнымъ рѣшеніемъ будилъ свою душу, смертельно уставшую и готовую погрузиться въ тяжелый сонъ.

Ни на минуту не подумалъ онъ, гдѣ Ганка или гдѣ ея дочь — онъ зналъ только, что дастъ Ганкѣ возможность увидать Басю, что еще разъ заглянетъ въ ея глубокіе, печальные глаза, сіяющіе счастьемъ, увидитъ ея блѣдное лицо, залитое румянцемъ радости, и услышитъ ея голосъ, говорящій ему: «какой вы добрый». Онъ еще разъ прильнетъ губами — только одинъ разъ — къ ея маленькимъ, бѣлымъ ручкамъ, которыя говорили тайной рѣчью самыхъ скрытыхъ движеній ея души.

«Я добуду ей Басю!»

Эта мысль вливалась въ его душу, какъ въ погасшій кратеръ вулкана, и переполнила ее черезъ край.

Какъ онъ былъ счастливъ, что могъ теперь о чемъ-то думать!

Въ умѣ его спутался странный хаосъ вдругъ нахлынувшихъ мыслей и чувствъ, и только одно ясно выдѣлялось изъ мрачной бездны — надежда.

Онъ былъ пораженъ, почему именно это чувство такъ внезапно разгорѣлось въ его душѣ. Чего же онъ могъ еще ожидать, на что надѣяться? Ему хотѣлось громко разсмѣяться болѣзненно-насмѣшливымъ смѣхомъ, но не смѣлъ, точно боясь спугнуть свѣтлый лучъ, проникавшій во мракъ его больного мозга, — а лучъ этотъ былъ такъ нѣженъ и воздушенъ, что ему было страшно дышать, чтобы не затуманить его дыханіемъ.

Надежда! Надежда! Но какая и на что? Въ маленькія ручки ребенка вложитъ онъ все свое сердце, чтобъ онъ отнесъ его матери, и тогда она, можетъ быть, проститъ его... можетъ быть, отпуститъ его грѣхъ... можетъ быть, на минуту на немъ остановится исцѣляющій свѣтъ ея дорогихъ глазъ...

И маленькій бѣлый лучъ разрастался въ тихое сіяніе, которое безгранично ласковой и нѣжной рукой — ея рукой — ложилось на бурю, которая кипѣла въ немъ.

И сіяніе это проникало въ каждую щелочку, въ каждую пору его души, успокаивая ее, какъ цѣлительная молитва вечернихъ звѣздъ.

Онъ опустился въ широкое кресло, глубоко вздохнулъ и собралъ всѣ свои силы, чтобы этотъ слабый, неуловимый свѣтъ могъ съ большей силой разлиться въ немъ, набрать тепла и хотя немножко согрѣть его.

Но чѣмъ больше онъ старался и напрягалъ свое вниманіе, все въ немъ мутилось, гасло, глохло — страданье столькихъ безсонныхъ ночей оловомъ навали-

лось на его мозгъ и обезсилило его дѣятельность, — онъ постепенно погружался въ мрачныя области, гдѣ помимо его воли и участія витала его душа.

Ему казалось, что онъ стоитъ на какой-то высокой горѣ, въ туманѣ и тучахъ и ждетъ восхода солнца... Онъ оглядѣлся вокругъ, но ничего еще не видѣлъ, только вѣтеръ бушевалъ со всѣхъ сторонъ, такъ что онъ едва могъ сохранить равновѣсіе на узкой вершинѣ горы. Зубы его стучали, ему хотѣлось бѣжать, согрѣться, но онъ боялся, что на каждомъ шагу можетъ свалиться въ пропасть — а было бы ужасно летѣть куда-то внизъ среди тумана и мрака и не знать, куда летишь. Послѣднее казалось ему хуже всего— даже мѣста, на которомъ разможжишь себѣ голову. Теперь надо быть вдвойнѣ осторожнымъ. Вихрь проносился съ такимъ бѣшенствомъ, что онъ присѣлъ на землю, а когда ему стало страшно, что онъ смететъ его оттуда, онъ всѣмъ тѣломъ прильнулъ къ скалѣ.

Онъ протянулъ руки и хотѣлъ схватиться за что-нибудь, но напрасно — хотѣлъ упереться о что-нибудь ногами, но почувствовалъ совершенно гладкую скалу, а что еще хуже — чувствовалъ, что ноги его свисаютъ съ вершины, слѣдовательно, она должна быть очень узка.

Такъ онъ лежалъ и прислушивался. Глазами онъ впился въ непроницаемую стѣну мрака, но не ощущалъ ничего непріятнаго, ему было только очень холодно. Онъ такъ дрожалъ, что иногда ему казалось, что эти подергивающіеся члены не принадлежали ему самому, онъ уже не владѣлъ своими мускулами, глаза его, упорно боровшіеся съ мракомъ, горѣли ог-

немъ — но только одно мгновенье — понемногу онъ началъ коченѣть, пальцы его такъ замерзли, что онъ не могъ расправить ихъ, ноги, свисавшія съ вершины, тянули его точно пудовики, но ему это было все равно — вѣдь черезъ минуту должно было взойти солнце...

Что-то уже блеснуло среди мрака, гдѣ-то вдали начало разсвѣтать, но это произошло лишь въ его душѣ, потому что передъ глазами все еще разстилался страшный мракъ.

А между тѣмъ разсвѣтало... но такъ какъ онъ ничего не могъ разглядѣть, то сталъ прислушиваться.

Вихрь вылъ, бѣсновался въ пространствѣ съ такой силой, что, казалось, забралъ въ свои страшныя объятія все небо, и кружитъ имъ, какъ мельничнымъ жерновомъ, но онъ прислушивался не къ этому.

Гдѣ-то внизу обрывались скалы и съ страшнымъ грохотомъ скатывались въ пропасти камни, онъ слышалъ оглушающій гулъ водопадовъ — но онъ прислушивался не въ этому...

То, что играло въ его душѣ — одно это заполняло его душу.

Такой музыки онъ никогда еще не слыхалъ. И это собственно не была музыка, а что-то совсѣмъ другое; онъ точно самъ превратился въ какой-то живой инструментъ, изъ котораго кто-то извлекалъ звуки, каждый нервъ его пѣлъ, пѣла кровь, мысль его превращалась въ пѣніе, холодная дрожь, пробѣгавшая по его тѣлу, судороги окоченѣвшихъ ногъ, ощущеніе, что онъ виситъ надъ пропастью, все вокругъ него превратилось въ музыку — все въ немъ самомъ пре-

образилось въ одинъ великій гимнъ, который гремѣлъ рычаньемъ трубъ и громомъ бубновъ, свистѣлъ фаготами и флейтами и распѣвалъ на весь міръ скрипками, віолончелями и арфами...

Охъ, что за музыка, что за музыка!

И звуки ея возросли до такой силы, что ураганъ казался ему только шумомъ деревьевъ, громъ валившихся скалъ — сухимъ трескомъ мелкихъ камней.

А теперь этотъ гимнъ, которымъ онъ наполнилъ весь міръ, сыгранный чудовищнымъ оркестромъ, которымъ былъ онъ самъ, врѣзался огромнымъ клиномъ въ чудовищный мракъ, рвалъ воющими когтями тяжелые, черные покровы и въ бѣшеной борьбѣ прокладывалъ себѣ дорогу къ солнцу.

Что-то подхватило его и поставило на ноги.

Вокругъ еще раздавался шумъ гимна, которымъ онъ самъ былъ переполненъ, но онъ уже не слыхалъ его:

Разсвѣтало!

Теперь онъ весь превратился въ зрѣніе — и съ восторгомъ и надеждой ожидалъ зари и зарожденія жизни въ окружавшихъ его сумеркахъ.

Внизу дрожало громадное озеро, но съ высоты оно казалось блестящимъ чернымъ зіяющимъ сердцемъ.

По просвѣтлѣвшему небу мелькали огоньки, разгоралось далекое зарево.

«Разсвѣтъ, разсвѣтъ!» гремѣло въ его мозгу, сердце его рвалось изъ груди.

Но радость его была тревожна и безпокойна.

Онъ не могъ оторваться отъ того темнаго, блестящаго сердца — тамъ внизу.

Оно все яснѣе выплывало изъ густого мрака и все больше принимало форму сердца. Онъ уже не сомнѣвался, что въ немъ покоится въ глубокой печали, полное отчаянія и невыразимыхъ страданій человѣческое сердце.

Медленно поднималось побѣдоносное солнце великой любви изъ-за горизонта, а оно все еще лежало мрачное и больное.

Вдругъ кровавый свѣтъ острымъ мечомъ врѣзался въ темную глубь воды, кровь хлынула изъ раны и разлилась по всему озеру, красные потоки крови бушевали все сильнѣе. Онъ хотѣлъ вскочить, скатиться внизъ, самимъ собой закрыть рану, остановить собою кровь, онъ боролся, напрягалъ всѣ свои силы, чтобы разорвать невидимыя узы, которыя связывали его, но не могъ двинуться, а весь гимнъ его превратился въ его душѣ въ одинъ все наполнявшій крикъ:

«Негодяй!»

Какъ тяжелый обухъ свалился на него этотъ крикъ, въ глазахъ адскимъ огнемъ разгорѣлось пылающее солнце, вершина, на которой онъ стоялъ, начала дрожать, трещать и распадаться. Она раздвоилась до самаго основанія, и передъ нимъ разверзлась бездонная пропасть.

Онъ взглянулъ внизъ, гдѣ недавно темное озеро — больное сердце человѣка — обливалось кровью, — теперь оно дымилось бѣлымъ туманомъ, а въ немъ, точно страдальческую жалобу, точно вѣчный упрекъ

и кровавую тоску, которую нельзя искупить никакой жертвой, никакой пыткой — онъ увидѣлъ ее — Ганку!

Онъ звалъ ее глазами, чтобъ она на одно мгновенье обернулась къ нему, мчался за ней сердцемъ, чтобы поймать хотя бы тѣнь ея — но она уже исчезла — все развѣялось въ туманѣ...

Онъ посмотрѣлъ наверхъ — прямо надъ нимъ стоялъ кто-то — онъ самъ — да! вѣдь это былъ онъ самъ — одной ногой онъ сильно опирался о что-то, другой равномѣрно стучалъ объ обломокъ скалы, на которой повисъ. Онъ стучалъ, нетерпѣливо надавливалъ на него, а обломокъ обсыпался, подламывался,— еще минута — и онъ сорвется вмѣстѣ съ нимъ и свалится въ пропасть...

Онъ закрылъ глаза: тамъ надъ нимъ, на уже едва державшемся обломкѣ, происходила борьба, кто-то вступилъ въ тяжелую борьбу съ нимъ, съ тѣмъ другимъ имъ — но только на минуту, потому что онъ вдругъ услышалъ голосъ Черкасскаго:

«Онъ мой!.. месть принадлежитъ мнѣ».

Когда Заремба пришелъ въ себя и опомнился, онъ стоялъ посреди комнаты и дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Это мой разсвѣтъ, моя зоря и мои сумерки,—безумно пробормоталъ онъ и тяжело повалился на кровать.

XI.

«Уже мѣсяцъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь.

«У меня нѣтъ ни минуты свободной, потому что, хотя я и взяла на себя только обязанности чтицы и секретаря, но вслѣдствіе болѣзни хозяйки дома, которая заболѣла сильнымъ воспаленіемъ легкихъ, я замѣняю ее во всемъ.

«Все это я дѣлаю добровольно и охотно, такъ какъ пани Окша очень сердечно относится ко мнѣ, я даже нахожу себѣ работу тамъ, гдѣ она не особенно нужна, чтобы только цѣлый день былъ заполненъ работой.

«Сначала мнѣ было трудно свыкнуться съ этой, не входившей въ мои обязанности и непривычной мнѣ работой. Я почти была съ ней незнакома, руки у меня опускались, мнѣ хотѣлось плакать отъ усталости, но теперь дни испытанія уже миновали, я чувствую, какъ силы мои прибываютъ съ каждымъ днемъ, и радуюсь, что не только могу поддержать себя собственнымъ трудомъ и не нуждаюсь ни въ чьей помощи, но могу еще быть полезной и другимъ.

«Благословляю то мгновенье, когда я вырвалась отъ безплодной муки и той отчаянной безпомощности страданья, которое подтачивало и уничтожало мои силы.

«Сегодня я ходила далеко въ поле, тамъ копали картофель—и знаете что? Мнѣ хотѣлось схватиться за лопату и безъ устали копать, какъ простой работ-

ницѣ, чтобъ усталостью прогнать нехорошія думы, чтобъ отучать ихъ навѣщать меня... а потомъ притти домой, броситься на постель и заснуть, какъ камень—безъ всякихъ сновидѣній!

«И я все глубже понимаю мудрость вашего ученья, что подчиненіе страданію — означаетъ лѣнь, что человѣкъ можетъ сдѣлать съ собой все, что захочетъ, что въ душѣ своей онъ хранитъ такой громадный запасъ силъ, что можетъ побороть ими самое тяжелое страданье, а если онъ этого не дѣлаетъ, то только отъ небрежности, потому что ему не хочется искать въ себѣ скрытыхъ божественныхъ силъ, или отъ невѣжества и темноты, потому что онъ ихъ въ себѣ не чувствуетъ.

«А если онъ сознаетъ эти силы, но не пользуется ими, то не стоитъ любви и сочувствія. Вы открыли во мнѣ эту неизвѣстную мнѣ силу, пробудили къ жизни эту скрытую во мнѣ мощь, и я презирала бы себя, если бы теперь подчинилась страданью.

«И вы такъ чудно говорили мнѣ, что страданіе составляетъ безсознательный эгоизмъ, потому что человѣкъ выдѣляетъ свою душу изъ общаго бытія, отдѣляетъ ее отъ общей души міра, въ которомъ уравновѣшивается наслажденіе съ страданіемъ, а смерть и жизнь, добродѣтель и низость дополняютъ другъ друга. Ставитъ ее на алтарь своего смѣшного, ничтожнаго величія, потому что воображаетъ, что можетъ существовать одинъ, оторванный отъ божественной міровой души. Что человѣкъ, который наслаждается своимъ собственнымъ страданіемъ, бѣденъ и крадетъ у самого себя безмѣрныя сокровища, которыя даетъ ему

разнообразіе и богатство жизни. Онъ не можетъ уже пользоваться ими; ниоткуда не можетъ почерпнуть оживляющихъ соковъ, потому что самъ въ своемъ ослѣпленіи оторвалъ свою маленькую частичку отъ великаго цѣлаго и спряталъ ее за пазухой своего ничтожнаго «я», забывая о «ты»... не правда ли? Можетъ быть, я неясно и неумѣло выразила свои мысли, но теперь я чувствую, какимъ хитрымъ, предательскимъ и уничтожающимъ можетъ быть страданье.

«Когда мѣсяцъ тому назадъ я ходила по священнымъ лѣсамъ и лугамъ царственныхъ Альпъ, я видѣла деревья, которыя, казалось, росли на исполинскихъ скалахъ, потому что разрушали ихъ и превращали въ удобную для себя почву. Зернышко упало на твердую, еще каменистую почву, засѣло въ ней, пустило внизъ тонкія, какъ волоски, ниточки; онѣ проникали въ малѣйшую щель, росли, разбухали, удлинялись и обрастали вокругъ скалы... не знаю, какъ совершается этотъ процессъ химически, достаточно того, что скала разрушается, разсѣдается и обсыпается, задушенная и пожираемая чудовищными змѣями громадныхъ корней.

«Дрожь пробѣгаетъ по моему тѣлу, когда подумаю, что страданье могло бы сдѣлать то же самое съ моей душой.

«Но вы во-время подрѣзали руки этого отвратительнаго полипа страданья — и душа моя уцѣлѣла.

«И во всей моей тоскѣ по немъ меня особенно огорчаетъ, что онъ не сдѣлалъ этого, а наоборотъ, возвысилъ до апоѳеоза силу страданія; все его творчество составляетъ одинъ, упивающійся самимъ собою,

культъ всемогущаго Страданія. И я должна вамъ при
знаться, что каждый разъ, когда я съ горячей лю
бовью и тоской протягиваю къ нему руки, онѣ нѣмѣ
ютъ отъ страха, что подкарауливающій меня кош
маръ страданія соберется съ новыми силами и снов
вселится въ мою душу.

«А я должна вамъ признаться, я еще страдаю, —
страданіе притаилось въ моей душѣ и искушаетъ ее.
бываютъ минуты, когда мнѣ хочется въ бурную ноч
выбѣжать въ паркъ и выть отъ боли вмѣстѣ съ вих
ремъ, но я уже настолько сильна, что стыжусь это
го. Я пыталась смѣяться надъ тѣмъ, что пожираетъ
и точитъ меня, но это дешевое и половинчатое ору
жіе; оно только поджигаетъ этого злого звѣря, по
буждаетъ его къ новымъ, еще болѣе яростнымъ на
паденіямъ, а душу дѣлаетъ мелочной, злой и полно
ненависти. Поэтому, когда страданье сшибаетъ мен
съ ногъ, я снова становлюсь на ноги, благодаря бла
гословенію того Океана жизни, въ который наслажде
ніе, боль и страданіе—всѣ должны сливать свои струи
И тогда жизнь дѣлается для меня еще дороже и дра
гоцѣннѣе тѣмъ всестороннимъ и разнообразнымъ сво
имъ дополненіемъ.

«Только постоянное безпокойство еще царитъ в
мнѣ. Не могу овладѣть имъ. Во мнѣ есть что-то, чег
я не могу осилить самыми напряженными усиліями.

«Это, навѣрное, тѣ скрытыя желанія и мечты, ко
торыя труднѣе всего укротить. Любовь и тоска н
поддаются власти самаго уравновѣшеннаго и чутка
го мозга.

«А я люблю его и тоскую по немъ сильнѣе, чѣм

когда-нибудь, и знаю, что если бы написала ему только одно слово, онъ уже черезъ два дня былъ бы со мной, но что-то не позволяетъ мнѣ этого сдѣлать... теперь еще нѣтъ... я еще недостаточно сильна для этого.

«Иногда я убаюкиваю себя надеждой, что душа его пойдетъ однимъ путемъ съ моей душой; мы такъ съ нимъ сжились, что когда онъ задумывался надъ чѣмъ-нибудь, я заканчивала и развивала его мысль, и наоборотъ, когда я вскользь высказывала какую-нибудь мысль, онъ облекалъ ее въ форму, но теперь... боюсь, что пути наши расходятся.

«И это страшно тревожитъ меня.

«Я освобождаюсь, а онъ губитъ себя.

«Это худшія минуты, которыя мнѣ приходится переживать, и тогда мной овладѣваетъ тяжелое сомнѣніе, и я всей душой ожидаю и готовлюсь къ той минутѣ, когда встрѣчусь съ нимъ, но въ то же время она пугаетъ меня.

«Мнѣ кажется, что онъ потому такъ полюбилъ меня, что моя душа, какъ и его собственная, утопала въ страданьѣ и боль была въ ней нераздѣльна съ наслажденьемъ, а теперь, когда я сбрасываю съ себя это тяжелое бремя, я, можетъ быть, буду ему менѣе дорога и покажусь ему чужой. Онъ полюбилъ страданье, въ немъ соединилъ весь міръ, гнался и безконечно гонится за его призракомъ, въ немъ слышитъ онъ всемогущій голосъ и въ немъ видитъ законы Бытія.

«А я ужъ утратила слѣпую вѣру въ единую и неограниченную власть Страданья... не потому, что у меня нѣтъ силъ выносить его, хотя бы въ продолже-

ніе всей моей жизни, но потому, что, несмотря на то, что оно такъ заманчиво для моей души, оно кажется мнѣ только переходнымъ фазисомъ, и растягивать его до безконечности было бы мелочно и ограниченно.

«Была минута, когда я убѣгала отъ него по другой причинѣ, по крайней мѣрѣ, сознательно, но это лишь скользнуло по моему сердцу, какъ холодная отвратительная гадина, не оставивъ никакого слѣда... теперь одно только мѣшаетъ мнѣ вернуться къ нему:

«Страхъ, страхъ, чтобы не вернулся тотъ кошмаръ, тотъ полипъ страданья и горечи, который отравлялъ, уничтожалъ и разлагалъ мою душу. Я не спѣшу къ нему, потому что надѣюсь, что его душа освободится отъ него.

«Но ему будетъ труднѣе, потому что передо мной, кромѣ опоры, которую дала мнѣ ваша доброта и ваша мудрость, радостной вѣстницей сіяетъ надежда— моя Бася... а онъ... не смѣю и не хочу дальше думать.

«Часто мнѣ бываетъ очень грустно, панъ Скирмунтъ, и душа моя тяжело страдаетъ, но я пишу вамъ это, потому что привыкла все повѣрять вамъ и исповѣдоваться передъ вами во всѣхъ своихъ мысляхъ, поэтому, несмотря на усталость, мнѣ бы хотѣлось еще долго болтать съ вами.

«Но кончаю, потому что у меня мало времени, и я только боюсь, чтобы мои сумерки, — которыя хотя и спустились теперь густымъ мракомъ на мою душу, но завтра, я это знаю, загорятся торжествующимъ разсвѣтомъ, — не сдѣлались для него вѣстникомъ зіяющей мрачной бездной ночи.

Ганка».

Скирмунтъ отложилъ въ сторону письмо, которое получилось нѣсколько дней тому назадъ, но которое онъ ежедневно перечитывалъ все съ большимъ чувствомъ, и тяжелыми шагами началъ ходить по мастерской.

За послѣдніе дни все время шелъ снѣгъ; куда бы онъ ни взглянулъ, всюду вершины блестѣли среди спускавшагося мрака голубымъ сіяніемъ толстаго слоя снѣга, и на душу его также пала голубовато-бѣлая тѣнь.

Онъ думалъ о Ганкѣ, какъ встревоженный отецъ, который выслалъ въ свѣтъ свое самое дорогое дитя, а теперь постоянно боится за его судьбу.

Цѣлыми часами не могъ онъ приняться за работу, но это не угнетало его; ему во сто разъ пріятнѣе было ходить взадъ и впередъ по мастерской и думать о ней.

Развѣ образъ этой человѣческой души, которая закаляется въ тяжелой борьбѣ, пробивается сквозь сумерки къ разсвѣту, творитъ самое себя — не прекраснѣе всего, что онъ могъ бы вызвать изъ этого полотна даже въ минуты наибольшаго вдохновенія!

Вдругъ онъ остановился.

Кто-то постучался въ двери мастерской.

Кто бы это могъ быть?

Вѣдь вчера только горецъ принесъ ему все, что нужно.

Онъ подошелъ къ всегда запертымъ дверямъ и неохотно и съ неудовольствіемъ отперъ ихъ.

Въ дверяхъ стоялъ высокій, сильный мужчина и глубоко дышалъ.

— Простите, что я осмѣлился... я Черкасскій.

Лицо Скирмунта просвѣтлѣло.

— А! это вы! я давно поджидалъ васъ.

Они подали другъ другу руки.

— Войдите, пожалуйста...—Онъ зажегъ лампу.—Садитесь, отдохните, дорога теперь по снѣгу очень трудная.

Черкасскій поспѣшно и быстро окинулъ взглядомъ мастерскую, точно хотѣлъ проникнуть въ каждый ея уголокъ, а потомъ устремилъ усталый и вопросительный взоръ на Скирмунта.

— Вы ищете пани Ганку, — сказалъ Скирмунтъ,— будьте совершенно спокойны за нее.

— Ея здѣсь нѣтъ? — дрожащимъ голосомъ спросилъ Черкасскій.

— Давно уже, но успокойтесь, вы все узнаете; у меня для васъ самыя утѣшительныя вѣсти... вы только сядьте и отдохните.

Скирмунтъ помогъ ему снять весь покрытый снѣгомъ мокрый плащъ.

Черкасскій опустился въ глубокое кресло и отеръ потъ со лба.

Онъ смертельно усталъ...

— Тяжелая теперь дорога, правда?—спросилъ Скирмунтъ. — И здѣсь очень легко заблудиться; собственно, дорогу ко мнѣ хорошо знаетъ только одинъ горецъ, — говорилъ Скирмунтъ, внимательно вглядываясь въ Черкасскаго. Онъ проникалъ его насквозь, слѣдилъ и читалъ по его измученному лицу, на которомъ тяжелое страданье начертало свои руны.

— Хорошо, очень хорошо, что вы пришли, я бы

давно написалъ вамъ и успокоилъ васъ, если бы зналъ, гдѣ вы находитесь...

— Ганка долго была здѣсь? — Черкасскій напрасно старался овладѣть дрожью своего голоса.

— Съ того времени, какъ я нашелъ ее безъ чувствъ въ Татрахъ и привезъ сюда.

— Почему вы не дали знать мнѣ?

Скирмунтъ проницательно и почти строго посмотрѣлъ на него.

— Это упрекъ?

Черкасскій смутился. Лицо Скирмунта дышало такимъ умомъ, достоинствомъ и чистотой, что почти требовало покорности.

— Нѣтъ, Ганка мнѣ писала, чтобъ я не искалъ ее, но если бы вы знали, что я пережилъ за это время, вы не удивились бы моему вопросу.

Онъ произнесъ это просто, но Скирмунтъ почувствовалъ въ его голосѣ всю искренность того, что долженъ былъ вынести этотъ человѣкъ, всю мучительную боль неизвѣстности и безнадежнаго ожиданія.

— Я прекрасно понимаю, черезъ что вы прошли за это время, но подумали ли вы о томъ, что должна была вынести пани Ганка, если рѣшилась на такое отчаянное дѣло, чтобы спасти себя?

— Я все это обдумалъ, и если зимой цѣлыми недѣлями бродилъ въ горахъ, чтобъ найти ее, то потому, что понялъ и хотѣлъ помочь ей, — и вдругъ умолкъ, голосъ его оборвался.

Скирмунтъ сочувственно смотрѣлъ на него.

— Вы, пожалуйста, успокойтесь... вѣроятно вы уже знаете, кто я—изъ того, что вы явились сюда ко мнѣ

на гору, я заключаю, что вы говорили съ Обидовой въ моемъ домѣ, внизу; я поручилъ ей все разсказать вамъ, когда вы явитесь, и показать дорогу сюда. Слѣдовательно, не нужно никакихъ объясненій относительно пребыванія здѣсь пани Ганки, а остальное вы узнаете изъ ея письма, которое я получилъ нѣсколько дней тому назадъ... Отдохните прежде, вы очень изнурены, а потомъ я дамъ вамъ письмо. Можетъ быть, вы скушаете что-нибудь?

— Нѣтъ, очень вамъ благодаренъ...

— Такъ можетъ быть рюмку вина? — Скирмунтъ не ждалъ отвѣта, вышелъ въ сосѣднюю комнатку, принесъ бутылку вина и поставилъ двѣ рюмки.

Черкасскій подкрѣпился и обвелъ глазами мастерскую.

— Вы ищете у художника картинъ... напрасно... какъ только я что-нибудь напишу, такъ сейчасъ же отсылаю внизъ, а это, — онъ указалъ на мольбертъ и на полотно, на которомъ нѣсколькими мазками обозначалась картина, — это то, надъ чѣмъ я теперь работаю.

«Хорошо, что нѣтъ картинъ, — подумалъ Черкасскій, — все равно я не могъ бы теперь смотрѣть на нихъ». Только теперь чувствовалъ онъ тяжелую усталость и изнеможеніе. Всю дорогу его силы поддерживала надежда, что онъ найдетъ здѣсь Ганку, и тѣмъ, больнѣе было для него разочарованіе. Онъ самъ удивлялся, какъ очутился здѣсь, по узкимъ тропинкамъ, засыпаннымъ свѣжимъ снѣгомъ и шедшимъ надъ обрывами, водопадами и часто надъ пропастями: онъ шелъ, какъ лунатикъ.

— Я все это не совсѣмъ понимаю, — проговорилъ онъ какъ бы про себя въ глубокой задумчивости.

— Вы говорите про пани Ганку?

— Да. — Черкасскій былъ пораженъ. Развѣ онъ вообще могъ думать или говорить о чемъ-либо другомъ?

— О, я это отлично понимаю, — сказалъ Скирмунтъ послѣ короткаго молчанія, — можетъ быть потому, что я уже разъ навсегда распростился со свѣтомъ и съ людьми; мнѣ уже не для чего возвращаться къ нему... тамъ ужъ у меня никого нѣтъ, но пани Ганка вернется, потому что она васъ...

— Вернется?—спросилъ Черкасскій. Онъ вдругъ почувствовалъ себя слабымъ и безпомощнымъ и со страхомъ всматривался въ Скирмунта.

— Въ этомъ не сомнѣвайтесь. Душа ея требовала отдыха и освобожденія, а въ этой трудной работѣ больше всего мѣшаютъ тѣ, которые близки нашему сердцу.

— Освобожденіе отъ чего?

— Вы объ этомъ спрашиваете? А развѣ вы не желали много разъ освободиться отъ постоянной муки жизни, отъ всего того, что душитъ и давитъ человѣка? Развѣ вы не хотѣли бы стать выше жизни и вольнымъ, освобожденнымъ взглядомъ смотрѣть на ея трудъ, борьбу и муки, тамъ внизу?..

— Люди слабые, съ мелочнымъ и тупымъ умомъ, освобождаются смертью,— это вполнѣ обыкновенное средство, — и даже не средство, потому что служитъ лишь къ освобожденію тѣла, а душу губитъ. Сильные люди освобождаются тяжелой, долгой борьбой съ самими собой, но эта борьба не переноситъ свидѣтелей;

ей непріятенъ голосъ, хотя бы онъ исходилъ изъ сердца, переполненнаго любовью, несносно прикосновеніе даже любимой руки.

— Работа освобожденія ничѣмъ не отличается отъ работы творчества; ей нужно такое же вниманіе, спокойствіе и уединеніе. И она еще во сто разъ тяжелѣе, потому что тутъ приходится не писать книгу или картину, а творить и передѣлывать самого себя...

Черкасскій молчалъ, что-то глубоко проникало въ него, но его опустошенная душа не могла еще ясно сознавать, что творилось въ ея глубинѣ.

— И дѣло не идетъ о полномъ освобожденіи... для этого нужно быть Богомъ. Дѣло въ закаленіи своихъ силъ, для того, чтобы можно было властвовать надъ страданьемъ, чтобы не быть орѣховой скорлупкой, которую вѣтеръ перебрасываетъ по волнамъ, но крѣпко держаться въ лодкѣ и править ею во время самой сильной бури.

— И пани Ганка достигнетъ этого. Когда я везъ ее по озеру, въ тотъ день, когда она уѣзжала туда, гдѣ теперь находится...

— Гдѣ она? — глухимъ крикомъ вырвалось у Черкасскаго. Онъ вскочилъ.

— Этого я вамъ не скажу, потому что не имѣю права; если бы дѣло шло о слабой женщинѣ, про которую я думалъ бы, что ее сломитъ всякая буря, я бы давно уже сказалъ это вамъ, но здѣсь совсѣмъ другое. Пани Ганка можетъ выздоровѣть только въ уединеніи, и ее слѣдуетъ оставить тамъ, пока она сама не вернется къ вамъ... Выслушайте меня спокойно и не прерывайте... среди озера поднялась сильная буря. Я былъ по-

раженъ, какъ она правила лодкой. То, что морякъ пріобрѣтаетъ долгимъ опытомъ, она почуяла инстинктомъ. Волны и вихрь могли десять разъ перевернуть лодку, но она такъ умѣло правила ею, что мы благополучно добрались до берега. Такимъ же инстинктомъ она руководится въ жизни. Только не надо ей мѣшать, иначе лодка перекувыркнется.

Черкасскій слушалъ съ напряженіемъ.

Онъ еще не давалъ себѣ отчета въ томъ, что чувствовалъ, но человѣкъ этотъ казался ему умнымъ и достойнымъ глубокаго уваженія... а все, что онъ говорилъ, внушало ему спокойствіе и силу.

— Все, что я вамъ говорю, — продолжалъ Скирмунтъ, — можетъ показаться вамъ общимъ мѣстомъ, потому что это такъ просто и такъ часто повторялось, какъ заповѣди Божіи, и для насъ уже не имѣетъ значенія.

— Но вы, именно вы, который хотѣлъ вернуть каждому безсмысленно употребленному слову его первобытный смыслъ и значеніе, вернуть ему ту силу, которую придалъ ему первобытный человѣкъ, вы поймете, что заключается въ одномъ словѣ—освобожденіе.

— Вдумайтесь въ душу пани Ганки, въ цѣлый адъ мученій, который она должна была вынести, прежде чѣмъ, не взирая ни на что, такъ сильно пожелала того, что мы называемъ освобожденіемъ...

Въ эту минуту въ душѣ Черкасскаго, какъ ослѣпляющій метеоръ, промелькнула мученическая жизнь Ганки, съ того времени, какъ она узнала его и то, то послѣднее... то... то...

Онъ опустилъ голову на руки и смотрѣлъ передъ собой.

— Тогда вы поймете, почему пани Ганкѣ необходимо было покинуть васъ, на то время, въ которое ей удалось снова найти самое себя... я говорю—снова найти самое себя, потому что у нея душа, дивной красоты и силы, но временамъ была удручена, потому что на ея плечи свалилось слишкомъ много страданья и горечи и она, сама того не сознавая, могла погибнуть. Теперь въ уединеніи она воспрянетъ и найдетъ самое себя и тогда вернется къ вамъ, только ей не надо мѣшать...

— Я буду ждать, — глухо сказалъ Черкасскій, но страшная тяжесть свалилась на его душу.

Чѣмъ онъ наполнитъ свою жизнь, пока она не вернется къ нему?

Что онъ будетъ съ собой дѣлать? Все вокругъ него безъ нея было одной мрачной, глухой пустыней, чѣмъ-то ничтожнымъ и не имѣющимъ смысла. Онъ чувствовалъ себя въ тюремной камерѣ, изъ которой ему даже не хотѣлось выйти. Зачѣмъ? къ чему?

Ея нѣтъ, такъ зачѣмъ желать выйти изъ тюрьмы... И безъ того онъ будетъ считать минуты, изъ которыхъ каждая покажется ему сутками, часы растянутся на мѣсяцы, а дни на годы, а онъ все будетъ ждать и ждать. А если силы его постепенно исчерпаются, тогда, — что тогда?

Онъ посмотрѣлъ на Скирмунта взглядомъ, въ которомъ безумнымъ, дрожащимъ блескомъ сверкало страданье.

Скирмунтъ придвинулся къ нему и заговорилъ съ глубокимъ сочувствіемъ:

— Не бойтесь, что я хочу забираться въ каждый уголокъ вашей души, что намѣренъ разыграть утѣшителя и накладывать цѣлебные пластыри на ваши раны; все, что я говорю теперь, я когда-то уже говорилъ самому себѣ и сегодня говорю это скорѣе для себя, чѣмъ для васъ, а если громко думаю, то потому, что вы мнѣ не чужой... я давно знаю васъ, и вы знаете меня такимъ, какимъ я былъ до того, какъ сумѣлъ освободить себя. Вы понимаете меня?

Черкасскій долго смотрѣлъ на Скирмунта, но ничего не отвѣтилъ.

— Вы видите теперь передъ собой страшную пустоту, вами овладѣваетъ отчаяніе при мысли о томъ, чѣмъ вы заполните свою жизнь, не правда ли?

Черкасскій молчалъ.

— Вамъ трудно отвѣтить на мой вопросъ, потому что вамъ стыдно...

Черкасскій посмотрѣлъ на него удивленнымъ, вопросительнымъ взглядомъ.

— Можетъ быть, вы этого не сознаете, но васъ мучаетъ тайный, внутренній стыдъ... Только не сердитесь... У васъ гораздо больше и гораздо болѣе доступные способы для самоосвобожденія, чѣмъ у изстрадавшейся души пани Ганки. Съ громаднымъ трудомъ, въ кровавой борьбѣ, пядь за пядью приходится ей отвоевывать тотъ обломокъ скалы, на которомъ она могла бы утвердиться. Она до крови изранитъ себѣ руки, чтобы по острымъ, отвѣснымъ камнямъ

скалъ добраться до мѣста, гдѣ будетъ въ безопасности, а передъ вами широкая дорога...

— Передо мной?

— Вѣдь вы художникъ... у васъ есть искусство

Скирмунтъ вскочилъ съ сверкающими глазами.

Черкаскій былъ такъ ошеломленъ; ему вдругъ стало такъ стыдно, что онъ не зналъ, что отвѣчать.

Скирмунтъ быстро овладѣлъ собой и ласково заговорилъ:

— Простите меня за то, что я погорячился, но я такъ хорошо знаю васъ... пани Ганка цѣлыми часами говорила мнѣ о васъ, и во всемъ, что она говорила, я видѣлъ себя тридцать лѣтъ тому назадъ... Судьба моя была непохожа на вашу; жизнь наша складывалась совсѣмъ иначе, но это все равно, довольно того, что мы различными путями дошли до той мертвой точки, на которой вы теперь стоите. Тогда я снова нашелъ самого себя въ искусствѣ. Ищите и вы освобожденія отъ своего оцѣпенѣнія и страданія въ искусствѣ, но не въ томъ, которое сдѣлалось рабой земли и этой юдоли слезъ. Сорвите съ него земныя оковы, въ которыя вы сковали и Ганку, разорвите эти узы и освободите себя и ее въ искусствѣ, которое, освобожденное отъ цѣпей и земныхъ путъ, стоитъ выше случайностей жизни и выше страданья, и тогда вы перекинете мостъ черезъ пропасть, которая отдѣляетъ васъ отъ Ганки, перекинете къ ней радугу, по которой она, свободная, перейдетъ къ вамъ...

Въ душѣ Черкасскаго все спуталось. Онъ не зналъ, кто говоритъ: самъ ли онъ, или Скирмунтъ. Словами Скирмунта, или его собственными облекались смут-

ныя рѣшенія, все то, что глухо колебалось во мракѣ его души, что сейчасъ еще было сокрыто густымъ туманомъ отчаянной неувѣренности... чѣмъ онъ заполнитъ часы, мѣсяцы, а можетъ быть и годы ожиданія?

Душа его была взволнована до самой глубины, точно по ней пронесся вѣтеръ, который въ одну ночь можетъ растопить снѣга, лежавшіе уже нѣсколько мѣсяцевъ, уничтожить громадные ледники и обнажить исполинскія скалы.

— Вѣдь правда? правда? — съ радостнымъ порывомъ спрашивалъ Скирмунтъ.

— Правда! — отвѣчалъ, глубоко задумавшійся Черкасскій.

Они долго молчали.

Скирмунтъ задумался, а Черкасскій съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивался къ самому себѣ. Сквозь густой мракъ проносились свѣтлыя молніи, изъ невидимыхъ расщелинъ лился свѣтъ, предвѣщавшій ясный день.

— Теперь дайте мнѣ ея письмо, — прервалъ молчаніе Черкасскій.

Скирмунтъ быстро взглянулъ на него.

— Теперь я дамъ вамъ его.

Скирмунтъ всталъ и подалъ ему письмо Ганки.

Черкасскій схватилъ его, жадно впился въ него глазами, но боялся еще читать его.

— Можетъ быть, вамъ придвинуть лампу? — спросилъ Скирмунтъ.

— Да, дѣйствительно... здѣсь немножко темно.

Онъ хотѣлъ вскочить и подойти къ лампѣ, но по-

ги его, не привыкшія къ хожденію по крутымъ горамъ, да еще въ холодѣ и снѣгѣ, точно одервенѣли; ядъ утомленія обезсилилъ ему мускулы.

— Сидите спокойно,—сказалъ Скирмунтъ,—теперь вамъ придется отдохнуть цѣлыхъ два дня; для перваго раза вамъ пришлось совершить слишкомъ трудное путешествіе...

— Два дня?—Черкасскій былъ очень смущенъ.

— Вы боитесь, что надѣлаете мнѣ хлопотъ? Напротивъ! Я очень радъ, что могу хотя на два дня принять васъ у себя... теперь такое время, когда я ничего не могу дѣлать, а лучшаго общества, чѣмъ ваше, я не скоро дождусь. Помѣщенія у меня достаточно, ѣды и питья даже слишкомъ много...

— Сейчасъ я приготовлю вамъ постель въ сосѣдней комнатѣ, а вы пока спокойно прочтите письмо пани Ганки...

Онъ вышелъ и оставилъ Черкасскаго одного.

Черкасскій развернулъ письмо и долго смотрѣлъ на него.

Буквы плясали передъ его глазами, но этотъ знакомый, любимый почеркъ вѣялъ на него дивной теплотой.

Онъ откинулъ волосы, придвинулъ лампу и началъ читать...

Сначала онъ не понималъ, какъ слѣдуетъ, что читалъ; каждую фразу ему приходилось перечитывать еще разъ, иногда встрѣчались слова и фразы, которыя срывались и порхали въ воздухѣ, какъ мотыльки, поэтому онъ старался накалывать ихъ на тоненькія булавки напряженнаго усилія своего мозга; иногда все,

что онъ читалъ, казалось ему туманомъ, который онъ напрасно старался уловить и облечь въ опредѣленный образъ.

Онъ снова принялся перечитывать письмо. Теперь смыслъ словъ и фразъ былъ для него уже яснѣе и ярче, теперь онъ уже могъ понимать, что она писала. Онъ уловилъ душу этого письма и жадно вдыхалъ ее въ себя.

Онъ читалъ и читалъ безъ конца. Обдумывалъ каждое слово, жадно вслушивался въ звукъ голоса Ганки, потому что ему казалось, что слышитъ ее, а онъ только читаетъ слова той музыки, которую поетъ ея душа не только здѣсь, въ немъ самомъ, но гдѣ-то тамъ, въ цѣломъ мірѣ.

Онъ смотрѣлъ на письмо, но не видѣлъ буквъ; онъ слышалъ, какъ ихъ шептали возлѣ самаго уха... ясно слышалъ голосъ Ганки.

Письмо опустилось на его колѣни, онъ закрылъ глаза и только вслушивался въ шопотъ Ганки.

Передъ глазами его разлился огненный туманъ растопившихся звѣздъ, кружился все скорѣе и сильнѣе; огонь кипѣлъ, совершая бѣшеные круги, вокругъ него разлеталась въ брызги кипящая огненная масса и еще быстрѣе вливалась въ чудовищный огненный кругъ.

Со всѣхъ сторонъ въ пасть разбушевавшагося пламени сыпались потухшія звѣзды и изсохшія земли; все, что въ мірѣ разрушилось и истощилось, съ громомъ и стономъ освобожденія бросалось въ водоворотъ огненной бездны.

А кругъ бушующаго огня все росъ и росъ, ло-

пался, разрывался, огненная масса лилась черезъ край, онъ снова сжимался, суживался, обнялъ непроницаемымъ обручемъ бушевавшій огонь,—и выплыло новое солнце, новое начало и новое кольцо предвѣчнаго пришествія.

«Какъ все это снова возродится, такъ и я явлюсь между вами съ моей бѣлой вѣтвью»...

Это ея голосъ, голосъ Ганки, шепталъ ему эту радостную вѣсть освобожденія, это утѣшающее предвѣщаніе святого Пиѳагорейца.

Она шла къ нему въ золотомъ сіяніи зари, въ бѣлой одеждѣ жрицы предвѣчнаго Огня; платье ея блестѣло угасающимъ дыханіемъ неба, облеченнаго мракомъ, а вокругъ ея головы сверкали отблески разсвѣта, который уже чувствовался за далекими краями небесъ. Она шла къ нему съ бѣлой вѣтвью возрожденія къ новой жизни.

Съ силой святого порыва протянулъ онъ къ ней руки: «Привѣтъ тебѣ, бѣлый голубь, вѣстникъ неизвѣстной мнѣ силы, возвѣщающій мнѣ, что между мной и тобой заключенъ вѣчный міръ».

Душа его разгорѣлась творческой силой, въ огненный туманъ свалились безплодныя страданья, обезсиленныя мысли, мрачные кругозоры; свалилась ночь отчаянія, оборвались мрачныя тучи пустоты и безнадежнаго круговорота страданія, гнѣва и обиды. Въ его душѣ, разгоравшейся новой силой, таяла вся его прошлая жизнь, та, которую онъ самъ прожилъ, и та, которая кружилась вокругъ его оси... Тысячами исполинскихъ рукъ хваталъ онъ со всѣхъ сторонъ призраки и вампировъ, назойливые кошмары, ядовитыхъ змѣй

и полныхъ предательства ангеловъ, жаждущихъ мученій дьяволовъ и мелкихъ божковъ... и безъ устали, съ величественнымъ усиліемъ ввергалъ ихъ въ священный огонь своей возрожденной къ новому творчеству и къ новой жизни души.

«Такъ, какъ все это снова возродится, такъ и я вернусь къ вамъ съ моей бѣлой вѣтвью».

Все началось снова, все: прежняя святость и грязь, страданья и наслажденія—все растопилось въ огнѣ его возрожденной души; прежніе люди и міры разсѣялись въ свѣтломъ туманѣ: все поглотило солнце его новой, возрожденной души.

Исполнилось святое предсказаніе, которое такъ давно таилось въ его сердцѣ. Исполнилось, потому что радостно расцвѣла бѣлая вѣтвь, которую несла ему въ бѣлыхъ рукахъ Ганка, одѣтая въ свѣтлыя одежды жрицы предвѣчнаго Огня.

А новое солнце его души разливалось вокругъ, творило новые міры въ избыткѣ силы и богатства, а онъ, бѣднякъ, который когда-то крадъ у Бога кусочекъ земли, теперь могъ раздавать тысячи, онъ, который еще недавно въ отчаянныхъ мученіяхъ, пряталъ отъ мести Бога украденную частицу солнца, теперь лилъ на тысячи міровъ свою неисчерпаемую щедрость и всѣхъ ихъ обнималъ своей любовью.

«Вотъ, я творю новые міры и новыя созданія и новые цвѣтущіе райскіе сады; все это покажу я тебѣ, чтобы ты дала имъ наши имена и названія. Видишь?»

— Вижу!

Дыханье Ганки повѣяло на него горячей, любовной волной.

Онъ ощущалъ ее возлѣ себя и прижималъ къ сердцу, полному творческой силы.

Радуга райскаго блаженства окружила ихъ яснымъ сіяніемъ и уносила въ небесные края.

«— Вѣришь?»

«— Вѣрю!»

Онъ открылъ глаза... ему казалось, что все это было лишь видѣніемъ, но нѣтъ... чувство возрожденія длилось и наяву; чувство мощи и творческой силы не исчезло, а на колѣняхъ его лежало письмо—бѣлая вѣтвь, исполненіе святого предвѣщанія, порука вѣчнаго міра между жизнью, ею и имъ.

Онъ еще разъ прочиталъ письмо Ганки и улыбнулся новому солнцу, новой зарѣ, не отуманенной никакими сумерками.

Дверь въ сосѣднюю комнату отворилась.

— Я долго оставилъ васъ одного, — оправдывался Скирмунтъ. — Что же вы рѣшили?

— Я воспользуюсь сегодня вашимъ гостепріимствомъ, переночую у васъ, а завтра рано пойду въ тотъ отель, гдѣ Ганка въ послѣдній разъ ночевала и гдѣ я получилъ свѣдѣнія о ней. Я найму ту самую комнату, въ которой она просидѣла ту ночь... странно, что я навѣрное знаю, что она не спала... и начну работать...

Скирмунъ протянулъ ему обѣ руки, но не сказалъ ни слова.

— А иногда буду приходить сюда къ вамъ...—продолжалъ Черкасскій.

— Благословенъ часъ, въ который человѣкъ узритъ свою душу! — Скирмунтъ дрожалъ отъ волненія. — Да,

«tat tvam asi» — это ты, ты, духъ Божій, всевѣдущій и безконечный, свободный отъ грѣха и страданій надъ водами всякаго бытія....

— Въ моемъ творчествѣ...

— Въ искупленной, освобожденной душѣ, ничѣмъ не ограниченной, ничѣмъ не связанной....

— Въ моемъ творчествѣ, — повторялъ Черкасскій.

— Въ твоемъ творчествѣ въ которомъ проявится Богъ... Ты, Богъ... Я... Она.

Скирмунтъ окинулъ Черкасскаго взглядомъ, полнымъ любви.

— Какъ все это мнѣ знакомо, какъ знакомо!

Черкасскій съ нечеловѣческимъ напряженіемъ заглянулъ въ себя — изъ глубины бездны, гдѣ покоились тысячи людей, творившихъ его я, всплылъ одинъ, бодрствовавшій среди самаго глубокаго мрака, неутомимый Скирмунтъ.

— Проклятъ будетъ часъ, въ который я забуду, что видѣлъ тебя.

— Онъ будетъ смертью для тебя.

Скирмунтъ вздрогнулъ, точно испугавшись своего голоса.

— Зачѣмъ ты думаешь теперь объ этомъ? Не допускай этой мысли, она заставитъ тебя заблуждаться, прислушивайся къ жизнерадостному звону вѣчности.

— О дѣти блаженнаго счастья! — докончилъ Черкасскій полушопотомъ, и горячія слезы полились по его лицу....

XIII.

Солнце садилось, на дорожкахъ парка блестѣлъ сухой замерзшій снѣгъ, а деревья стараго парка гнулись подъ тяжестью пушистаго снѣга.

Но Ганка не обращала на это вниманія. Душа ея была тревожна и неспокойна.

За послѣднія недѣли ей все казалось, что ей грозитъ какая-то опасность, что что-то подстерегаетъ ее и разставляетъ на нее сѣти, что у нея уже не будетъ ни минуты спокойной.

Съ тѣхъ поръ какъ хозяйка дома заболѣла, она не чувствовала себя въ безопасности. У нея было такое ощущеніе, точно кто-то слѣдитъ за ней, точно чьи-то глаза, сладострастные и враждебные, смотрятъ на нее, куда бы она ни пошла.

Но можетъ быть все это только ея раздраженное воображеніе...

Охотнѣе всего она сидѣла у постели больной: тамъ по крайней мѣрѣ она чувствовала себя въ безопасности.

Она ей читала, разсказывала, держала ея исхудавшія, лихорадочно горѣвшія руки въ своихъ свѣжихъ рукахъ.

— Если бы только настала весна и счастливо миновала, — вздохнула больная и наклонилась къ Ганкѣ,— потому что, знаете, я не обманываю себя, это у насъ наслѣдственная болѣзнь — намъ весна страшна—весной умерли два моихъ брата—моя младшая послѣдняя сестра, а потомъ мать...

Ганка взяла ея руки и старалась утѣшить ее—именно, когда настанетъ весна, она оживетъ на солнцѣ—ей не грозитъ ничего подобнаго.

Пани Окша быстро взглянула на Ганку и покачала головой.

— Нѣтъ, нѣтъ! вамъ весна несетъ съ собой красоту, упоеніе и жизненную силу, а мнѣ смерть...

Глаза больной широко раскрылись, она безпокойно оглядѣлась вокругъ...

Ганка ничего больше не могла ей сказать.

— Можетъ быть, тебѣ кажется, — прости, что говорю тебѣ ты, но я не могу иначе говорить съ тобой, я полюбила тебя, какъ сестру, — она обняла Ганку исхудавшей рукой и лихорадочно шептала...

— Не думай, что я боюсь смерти — нѣтъ, нѣтъ! я жду ее съ наслажденіемъ, радуюсь ей, потому что—потому что онъ не любитъ меня.

— Кто?

— Мужъ мой.

Ганка обняла ее за талію.

— Но это болѣзненный бредъ, развѣ вы не видите.

— Говори мнѣ тоже ты...

— Развѣ ты не видишь, съ какой трогательной любовью онъ за тобой ходитъ, какъ тебя бережетъ?

Больная смотрѣла на нее сверкающими глазами.

— Ахъ, какъ ты ничего не видишь — какая ты слѣпая... прости—одну минуту я заподозрѣла, что ты это видишь, но ты, дѣйствительно, слѣпа и глуха...

Она покачивала головой и впивалась въ Ганку лихорадочно горѣвшими глазами.

— Ты, дѣйствительно, ничего не видишь? Что дѣлаетъ тебя такой слѣпой и глухой ко всему?

Ганка боялась, что больной хуже и что она бредитъ.

— Что? — о чемъ ты говоришь?

Пани Окша еще разъ взглянула на нее и радостно улыбнулась.

— Теперь я вѣрю, что ты не видишь.

Ганка удобнѣе уложила ее на подушкахъ. «Бредитъ бѣдняжка», подумала она.

Пани Окша лежала тихо, съ сіяющими глазами.

— Прости меня!

— Что... что мнѣ тебѣ простить, моя добрая, милая—ты меня прости, что у меня нѣтъ столько силъ, чтобы заставить тебя быть здоровой—ахъ, какъ бы я желала имѣть такую чудотворную силу...

— Я благословляю Скирмунта, за то что онъ прислалъ мнѣ тебя... — Она задумалась.

— Ты такъ молода, красива, сильна и здорова—тебѣ нечего бояться весны.

Ганка ужъ не возражала ей, только нѣжно гладила ея лобъ и волосы — чтобы заставить ее заснуть.

— Да, ты не боишься весны. Потому что, знаешь, весна бываетъ опасна и для больныхъ и для здоровыхъ — для здоровыхъ, можетъ быть, еще опаснѣе—ха-ха... — Она слабо улыбнулась. — Для меня она была бы еще ужаснѣе, если бъ я была здорова... — Она снова болѣзненно улыбнулась.

Ганка гладила ея дрожащія, разгоряченныя руки.

— Тебѣ кажется, что я брежу? О, нѣтъ... нѣтъ...

нѣтъ! Я бы только хотѣла знать, кого ты такъ любишь?

Ганка задрожала.

— Кого ты такъ любишь, что слѣпа и глуха для всего остального?...

Ганка успокоилась и начала уговаривать больную, точно ребенка.

— Тише, тише — не надо такъ много говорить...

— А мнѣ именно хочется поговорить съ тобой— моя душа теперь ясновидящая и въ этомъ ясновидѣніи полюбила тебя, потому что ты искренна и красива — теперь я спокойна, что это не будешь — ты... А теперь иди прогуляйся и отдохни... оставь меня одну, я устала и буду спать...

Ганка поцѣловала ее въ лобъ и тихо вышла.

Она была разстроена бредомъ больной.

Отчета она себѣ не давала въ томъ, что хотѣла сказать пани Окша, о чемъ бредила наяву, но какое-то тайное безпокойство росло и усиливалось въ ней съ каждымъ часомъ.

Она ощущала на себѣ чувственные глаза Окши, жаждавшаго весны и обладанія—но объясняла себѣ это тѣмъ, что то, что она пережила, наполняло ее болѣзненнымъ страхомъ и заставляло всюду видѣть такіе глаза и постоянно чувствовать вокругъ себя отвратительную и грубую волну сластолюбія, — она всѣми силами отгоняла эту болѣзненную подозрительность, но все напрасно.

А теперь изъ бреда пани Окши, она безсознательно, чутьемъ поняла все то, надъ чѣмъ еще не хотѣла останавливаться.

Она вздрогнула отъ отвращенія.

«Какая ты слѣпая!» слышался ей голосъ больной. Дѣйствительно ли она слѣпа?..

И вдругъ Ганка прозрѣла.

Она поняла теперь, что означала изысканная, преувеличенная вѣжливость Окши, съ которой онъ всегда къ ней обращался, сдержанный, но теплый тонъ, которымъ говорилъ съ ней, тысячи мелкихъ, скромныхъ услугъ, на которыя она почти не обращала вниманія, но которыя теперь получили смыслъ и значеніе въ ея глазахъ.

Сердце ея замерло.

Возвратная волна того, что она съ такимъ трудомъ, съ такимъ страданьемъ выбросила изъ своей памяти, что такъ страстно желала выбросить, снова залила ея мозгъ.

И теперь она начала понимать всякую подробность,—поняла все. «Пани Окша не бредила... она видѣла все, что я не видала», шептала Ганка, и дрожь той далекой бури, которая, казалось, давно уже промчалась мимо, пробѣжала по ея тѣлу.

Она теперь ясно видѣла его холодные, ледяные, спокойные глаза, которые вспыхивали какимъ-то нечистымъ огонькомъ, когда онъ взглядывалъ на нее—видѣла его руку, которая сильнѣе, чѣмъ было нужно, сжимала ея руку, когда онъ желалъ ей покойной ночи, а губы, его чувственныя, полныя губы, странно выдававшіяся на изящномъ лицѣ, какъ-то судорожно подергивались.

Она быстро бѣгала по извилистымъ, покрытымъ

снѣгомъ дорожкамъ парка и все сильнѣе волновалась...

Въ первый разъ послѣ долгаго промежутка ею овладѣлъ обезсиливающій страхъ, воспоминаніе чего-то отвратительнаго и мерзкаго раскаленнымъ обручемъ сжимало ея мозгъ, зубы стучали, какъ въ лихорадкѣ.

Темнѣло. Сильный морозъ отрезвилъ ее.

Она начинала приходить въ себя.

«Странно, что горячечный бредъ можетъ быть заразительнымъ, — успокаивала она себя. — Пани Окша бредила... а ея бредъ сдѣлался для меня дѣйствительностью»... — Ей хотѣлось разсмѣяться, но новая волна безпокойства обдала ея смѣхъ холодомъ.

И вдругъ она поняла, что весь ея страхъ, все ея волненіе и все, что возмущало ея душу, былъ не Окша, не бредъ больной, но страхъ передъ возвращеніемъ назойливаго отвратительнаго видѣнія, того, что она пережила и что съ такимъ трудомъ старалась уничтожить въ себѣ...

Снѣгъ скрипѣлъ подъ ея ногами, морозный вѣтеръ щипалъ ея лицо, а руки коченѣли даже въ мѣховой муфтѣ.

Она повернула на боковую дорожку и вдругъ столкнулась съ Окшей.

— Извините, можетъ быть, я вамъ помѣшалъ, но получилось письмо на ваше имя, а я видѣлъ, что вы часъ тому назадъ вышли въ паркъ—я подождалъ, но самъ хотѣлъ прогуляться и потому принесъ вамъ письмо.

Ганка взглянула на адресъ — отъ Скирмунта.

Она спрятала письмо въ карманъ.

— Благодарю васъ...

Они молча шли рядомъ.

Окша одну за другой закуривалъ папиросы, бросалъ ихъ и то и дѣло взглядывалъ на Ганку; вдругъ онъ остановился. Ганка тоже остановилась, уже вполнѣ владѣя собой, и холодно ждала.

— Я давно уже желалъ выразить вамъ свою горячую благодарность за все, что вы для насъ дѣлаете, за вашу неоцѣненную помощь, за уходъ за моей женой, за вашу дружбу и ласку къ ней.

— Я не дѣлала ничего больше, чѣмъ того требовалъ мой долгъ, а потомъ искренняя привязанность, которую я чувствую къ вашей женѣ, — холодно возразила Ганка.

Окша взялъ ея руки и благодарилъ ее съ сердечнымъ краснорѣчіемъ.

Ганка, какъ можно скорѣе, освободила свои руки изъ его руки.

«Здѣсь попытки будутъ напрасны, — жаль, что она такъ недоступна и холодна»,—подумалъ Окша.

— Я только удивляюсь, что вы—такая молодая и красивая—ничего не желаете для самой себя, вы живете въ какомъ-то аскетизмѣ, въ какомъ-то отреченіи отъ своей личности. Это ужъ прямо неестественно — мнѣ это совершенно непонятно—за этимъ должна крыться какая-то тайна....

Ганка посмотрѣла на него холоднымъ удивленнымъ взглядомъ и молчала.

— Вѣдь съ вашимъ необыкновеннымъ умомъ, вы должны понимать, какую громадную силу даетъ вамъ ваша красота, вы не можете для каждаго мужчины...

цѣлый міръ открытъ передъ вами, я не вѣрю, чтобы кто-либо могъ устоять передъ вами или отказать вамъ въ чемъ бы то ни было... — Окша все больше увлекался. — Для меня было бы величайшимъ счастьемъ положить къ вашимъ ногамъ все, что бы вы ни захотѣли, за одно ваше ласковое слово, за одинъ взглядъ... Пани Ганка! — вдругъ страстно прошепталъ онъ.

Ганка задрожала отъ стыда и возмущенія, кровь бросилась ей въ лицо.

— Такъ вотъ ваша благодарность! — задыхаясь, произнесла она, — простите, что я больше не стану слушать вашихъ словъ и какъ можно скорѣе покину вашъ домъ — а теперь я должна поспѣшить къ вашей больной женѣ. — Она быстрыми шагами направилась къ дворцу.

Вбѣжавъ въ свою комнату, вся дрожа, она бросилась на диванъ.

Все ожило въ ней вновь, — все отвратительное, ужасное, — что она пережила передъ тѣмъ и послѣ. — Она видѣла вокругъ себя сладострастно протягивающіяся руки холодныхъ пресмыкающихся, жгучіе взгляды стеклянныхъ глазъ, которые грязнили, безчестили и душили ее грязной пѣнистой волной желаній, а душа ея судорожно сжималась и пряталась, ища убѣжища, гдѣ могла бы укрыться, чтобъ ее не осквернили.

А она думала, что уже нашла покой.

Теперь только поняла она волненіе, которое послѣднее время смущало ея душу. Это были тѣ хищные, подкарауливавшіе ее глаза, которые безстыдно обнажали ее, тѣ дрожащія похотью руки, нечистое пожатіе которыхъ было ей противно, то притаившееся молчаніе,

которое предательски окружало ее, чтобы тѣмъ легче одолѣть.

Бѣжать, бѣжать, какъ можно, скорѣе куда бы то ни было, чтобы только не остаться, хотя бы на один день, подъ одной кровлей съ этимъ мужчиной, кото рый вскрылъ такъ старательно заживленную рану е памяти и возмутилъ ея душу.

Съ отчаяніемъ думала она о томъ времени, когда не видала ничего подобнаго, когда ей въ голову не приходило, чтобы кто-нибудь могъ подумать о ней с нечистымъ желаніемъ, что чьи-то глаза будутъ жадно смотрѣть на нее, а руки протянутся, чтобъ схватить ее.

Она чувствовала себя такой очищенной, такой изба бавленной отъ этого...

А между тѣмъ...

Нѣтъ, эта рана, вѣрно, никогда не закроется! Отъ этого страха она уже не избавится—ей нельзя больше жить среди людей—она еще слишкомъ слаба... Только бы скорѣе уйти отсюда — не вернуться ли къ Скирмунту?..

Она вспомнила, что получила отъ него письмо.

Зажгла лампу, долго читала мудрыя слова великой доброты и успокоивалась и набирала силъ и твердости духа.

А онъ еще жилъ въ томъ отелѣ, гдѣ она просидѣла въ ту лунную ночь, и работалъ. Скирмунтъ писалъ о немъ съ любовью и съ глубокимъ уваженіемъ к его настоящему творчеству.

Она подперла голову рукой и всматривалась въ снѣжную даль.

Ее вдругъ охватила такая тоска по немъ, что она вскочила и начала бѣгать по комнатѣ.

Если бы можно было быть теперь съ нимъ, сію минуту и уже навсегда! Она твердо противилась приступамъ боли и страданія, но не могла и не должна больше противиться все усиливавшейся тоскѣ.

Скирмунтъ писалъ, что она искупила своимъ страданьемъ не только себя, но и его, не только ведетъ къ освобожденію свою душу, но и ему указываетъ минутно забытую имъ дорогу—поэтому она должна терпѣть, пока не наступитъ время...

Развѣ оно еще не наступило?

Нѣтъ, нѣтъ, она чувствовала, что, несмотря на давящую тоску, она не могла бы еще спокойно встрѣтиться съ нимъ, нѣтъ, она не вырвала еще изъ своей души тотъ страхъ и то воспоминаніе, которое ее отравляло и оскверняло.

Всѣми силами старалась она подавить слабость и снова начала борьбу, чтобы не попасть въ ярмо страданія, которое мучаетъ душу и опустошаетъ сердце.

А теперь она прежде всего покинетъ этотъ домъ! Сегодня еще скажетъ пани Окшѣ, что важныя семейныя дѣла не позволяютъ ей остаться у нея дольше.

Ей стало жаль бѣдной больной, которая такъ льнула къ ней — но что же дѣлать—у нея не было другого исхода — здѣсь видъ этого человѣка будетъ мѣшать ей въ работѣ надъ самой собой, а къ тому же несчастная больная тоже, можетъ быть, успокоится, когда уже не будетъ чувствовать вокругъ себя этой душной атмосферы сластолюбія.

Она сошла внизъ. Въ спальнѣ пани Окши уже си-

дѣлъ ея мужъ, онъ любезно всталъ, когда она вошла, точно ничего не случилось и точно видѣлъ ее сегодня въ первый разъ.

— Какъ хорошо, что ты пришла, — больная протянула Ганкѣ обѣ руки, — садись, садись сюда на кровать. У меня къ тебѣ большая просьба...

— У меня также, — сказалъ Окша.

— Какая просьба? Я слушаю.

— Я должна ѣхать на югъ — дольше откладывать нельзя — а мужу никакъ нельзя бросить дѣла...

— Дѣйствительно, — прервалъ Окша, — все такъ сложилось, что я не могу даже проводить жену до мѣста...

— Ты не побоишься ѣхать со мной одна? Вѣдь нѣтъ? Скажи, дорогая, что поѣдешь со мной!

Ганка колебалась только одну минуту; потомъ вполнѣ искренно произнесла:

— Поѣду.

Окша всталъ, поцѣловалъ руки жены, низко поклонился Ганкѣ, еще разъ поблагодарилъ ее—и вышелъ.

Больная обняла Ганку.

— Какъ я тебѣ благодарна — какъ благодарна... Я думала, что ты не захочешь поѣхать со мной одна...

— Почему же ты это думала?

— Не знаю, право, не понимаю почему, я этого такъ боялась...

— Но лучше, во сто разъ лучше, что мы поѣдемъ однѣ...

— Почему лучше?

— Не знаю, но чувствую, что такъ лучше, что я

ыздоровѣю, наберу силъ и буду такой, какой была прежде... Ахъ! какъ бы я хотѣла быть такой здоровой и сильной, какъ ты...

Ганка теперь поняла все, что дѣлалось съ пани Окшей, а также и ея радость, что онѣ поѣдутъ однѣ,— но молчала. Она подавила въ себѣ насмѣшливый смѣхъ—навѣрное, она воображала въ своей слѣпой любви, что и она, Ганка, не сумѣетъ устоять передъ Окшей! Бѣдняжка!

— Ты красива, — съ убѣжденіемъ увѣряла она, — очень красива и слишкомъ молода, чтобы болѣзнь могла уничтожить твою красоту. Только постарайся сильнѣе пожелать выздоровленія, вселить въ себя увѣренность, что выздоровѣешь...

— Правда? Правда? — больная сжимала руки Ганки, — я тебѣ вѣрю... одной тебѣ вѣрю... Какое счастье, что ты со мной....

Ганка обняла ея голову, прижала къ себѣ и ласкала ея черные волосы...

И такъ сидѣли онѣ, долго, прижавшись другъ къ другу, въ тихомъ, умиротворяющемъ молчаніи.

XIV.

Заремб̀ стоило много труда прежде, чѣмъ ему удалось добраться до Глинскаго.

Уже два мѣсяца сидѣлъ онъ въ деревушкѣ подъ Татрами, откуда уже съ годъ никуда не выѣзжалъ Глинскій и никого къ себѣ не пускалъ.

Они постоянно встрѣчались на воказалѣ, куда каж-

дый вечеръ ходилъ Глинскій, точно чего-то или кого
поджидалъ. На поклонъ Зарембы онъ отвѣчалъ вѣ
ливымъ поклономъ, но когда Заремба подходилъ
нему, онъ искусно отдѣлывался и исчезалъ.

Часто также видалъ онъ ребенка Ганки, маленьк
Басю и неразлучную съ ней няньку Эвку.

Эвка сейчасъ же вспомнила Зарембу, онъ далъ
лѣтомъ десять гульденовъ на ленты, когда ея лю
мая пани пріѣзжала повидаться съ своимъ ребе
комъ—а можетъ быть, и подольше пожить съ нимъ
но напрасно.

— Что тамъ подѣлываетъ дорогая моя пани?—спр
шивала Эвка, — погибнуть она не погибла тогда,
гда панъ не позволилъ ей видѣть ребенка, а она
отчаянія бросилась въ горы—помните? Она не
гибла, потому что ее еще долго искали, когда
уѣхали, но не нашли. Говорили, что она, навѣрн
перешла на венгерскую сторону, чтобы скрыться о
людей, потому что они ей опротивѣли... вы ниче
о ней не знаете?

— Успокойся, Эвка — и Богъ дастъ, ты скоро у
дишь ее.

Эвка отъ радости всплеснула руками...

— Я такъ и знала, я предчувствовала, что она
ва и вернется, — а я вамъ скажу, что если она тепе
явится, мой панъ ужъ не будетъ дѣлать ей никаки
затрудненій. — Вы себѣ представить не можете, что
нимъ было, когда пани такъ пропала въ горахъ...

— А къ довершенію всего у насъ отъ этого раз
лѣлась эта малютка, съ ней сдѣлалось что-то въ ро
горячки, она вскакивала по ночамъ, кричала и з

ла мамочку, я ужъ думала, что панъ съ ума сойдетъ— видно такъ ужъ его мучила совѣсть.

— А теперь? — съ безпокойствомъ спросилъ Заремба.

— Почему же я знаю? Вѣдь я не смѣю папа спрашивать, но такъ замѣчаю, что если бы теперь дорогая моя пани пріѣхала къ ребенку, онъ бы не сдѣлалъ ей никакихъ непріятностей.

Бася сдѣлала себѣ мячъ изъ снѣга и начала катать его, шаръ росъ, облѣплялся все болѣе толстымъ слоемъ, и она уже съ трудомъ катила его, стараясь вкатить на маленькія санки.

Эвка продолжала говорить, но не спускала съ нея глазъ... А дѣвочка играла снѣжнымъ мячомъ, который ей удалось уже вкатить на санки, и катала его, но то и дѣло останавливалась, какъ-будто для того, чтобъ отдохнуть, и быстрымъ, проницательнымъ взглядомъ смотрѣла въ сторону Эвки и Зарембы, точно ея маленькая головка обдумывала какія-то мысли или старалась разгадать какую-то загадку.

— Если бы вы теперь дали знать моей пани,—продолжала Эвка, — то я увѣрена, что она могла бы видѣться съ Басей досыта, — мнѣ кажется, что панъ даже ждалъ, что она пріѣдетъ, потому что каждый день ходитъ на станцію и ждетъ поѣзда, а потомъ возвращается домой, запирается въ своей комнатѣ и ходитъ и думаетъ до поздней ночи — я не разъ слышала, какъ онъ про себя говорилъ: «ты не имѣлъ права». — или что-то въ этомъ родѣ.

Заремба задумался.

— Слушай меня внимательно, Эвка. Все это можно будетъ устроить, если ты сумѣешь взяться за дѣло.

— Что же я могу сдѣлать?

— Панъ иногда разговариваетъ съ тобой?

— Ну... конечно... когда я играю съ барышней или что-нибудь при ней дѣлаю, панъ не разъ заговариваетъ и со мной, а иногда и хвалитъ, за то что я хорошо хожу за Басей.

— А что если ты, при случаѣ, осторожно разскажешь ему, что здѣсь тотъ молодой панъ, который лѣтомъ, когда пани исчезла, искалъ ее нѣсколько дней вмѣстѣ съ горцами, а потомъ еще всѣхъ о ней разспрашивалъ, — какъ ты думаешь?

Эвка смотрѣла на него въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ — и думала... вдругъ она радостно вскрикнула:

— Такъ вы знаете, гдѣ моя дорогая пани?

— Я еще не знаю, но легко могу узнать—мнѣ хотѣлось бы одновременно поговорить съ паномъ Глинскимъ, но такъ, чтобъ онъ ни о чемъ не догадался— чтобъ это произошло какъ бы случайно — понимаешь, Эвка?

— Понимаю... понимаю... вы хотите выспросить пана и все узнать, чтобы пани опять не пріѣхала напрасно и на одно мученье... О, Іисусе, Іисусе, какъ я рада! Какой вы хорошій человѣкъ!

Заремба вздрогнулъ.

— Вамъ холодно, такъ вы ужъ идите, я ужъ это устрою, я скажу пану такъ издалека, что тутъ есть кто-то, кто знаетъ кое-что про нашу пани... нѣтъ... нѣтъ! скажу, что встрѣтила и познакомилась съ ва-

ми—и что мнѣ кажется, что именно вы ходили въ горы съ той спасательной экспедиціей—тогда онъ ужъ не убѣжитъ отъ васъ, когда вы подойдете къ нему...

— Такъ ты это устрой половчѣе и незамѣтнѣе, а остальное я ужъ самъ все сдѣлаю.

Въ это время Бася, которая все чаще поглядывала на нихъ, потерявъ терпѣніе, подбѣжала къ нимъ, размахивая ручками.

— Согрѣй, согрѣй ихъ, холодно.

Заремба схватилъ ребенка на руки, снялъ перчатки и дышалъ на озябшія, покраснѣвшія рученки, потомъ поставилъ Басю на землю, взялъ въ свои руки маленькія лапки и началъ нѣжно растирать ихъ...

— Вотъ мы ихъ теперь потремъ, — вотъ такъ!

Онъ такъ ловко каталъ въ своихъ рукахъ маленькія рученки, что Бася подпрыгивала отъ радости.

— Довольно, довольно, теперь тепло...

— Теперь пойдемъ, Басюхна, папочка ждетъ насъ обѣдать. — Эвка стряхнула съ ися снѣгъ и надѣла ей перчатки.

— Да! теперь пойдемъ — папочка ждетъ, — повторила Бася съ серьезной миной маленькой женщины.

— Такъ не забудь, Эвка, — напомнилъ Заремба.

Эвка утвердительно кивнула ему головой, а Бася еще разъ бросила быстрый взглядъ на нее и на Зарембу, но ничего не сказала

«Я приведу къ ней Басю, — шепталъ Заремба, направляясь къ вокзалу, — приведу, — повторилъ онъ съ тихой, безумной радостью. — Приведу? Нѣтъ!

«Если бъ я могъ самъ привести, на рукахъ принести ее къ ней... но все погибло... погибло!.. самое

большее, что я могу сдѣлать, это написать ей—теперь вы свободно можете пріѣхать сюда, ничто больше не мѣшаетъ вамъ видѣться съ вашимъ ребенкомъ...

«А можетъ быть... можетъ быть... — Онъ весь дрогнулъ какой-то тайной, злой надеждой, — странно, всякая надежда казалась ему злой и завистливой, ищущей его погибели... — если бъ я сталъ передъ ней съ ребенкомъ на рукахъ и сказалъ... Ха, ха, ха... — Онъ горько разсмѣялся. — Ничего бы я не сказалъ, не смѣлъ бы взглянуть ей въ глаза, а можетъ быть, она отвернулась бы даже отъ ребенка, если бъ я, именно я принесъ его къ ней. — Все погибло — никогда уже онъ не заглянетъ ей въ глаза, никогда не поймаетъ ея взгляда,—того сіяющаго взгляда, который остановился на немъ тогда съ кроткой благодарностью».

А въ душѣ его раздавалась какая-то безнадежная, однообразная, печальная степная пѣснь, которую онъ когда-то слышалъ на Волгѣ.

И о чемъ бы онъ ни думалъ, куда бы ни обратился, всюду въ душѣ его звучалъ припѣвъ той безграничной печальной и безнадежной пѣсни.

Онъ поплелся въ маленькій ресторанъ противъ вокзала, потому что это было единственное мѣсто, гдѣ можно было что-нибудь съѣсть или выпить...

Его тутъ уже хорошо знали, потому что онъ былъ щедръ.

— Что прикажете?

— Чаю съ ромомъ... и послушай...

Мальчикъ остановился передъ нимъ, вытянувшись, какъ струна.

– Не было ли письма для меня?

— Какъ же, есть.

— Давай!

«Кульчицкій что-то не спѣшитъ убить меня,—писала пани Задура,—а онъ хотѣлъ меня убить—и какъ утверждалъ, отъ любви, ха, ха, ха... но, вѣрно, любовь эта ослабѣла, или у него самого нѣтъ силъ ни для любви, ни для ненависти... Кромѣ этого, здѣсь ничего не слыхать.—Черкасскій исчезъ, вѣроятно, все еще ищетъ жену—настоящій Донъ-Кихотъ—иногда до насъ доходитъ смутный слухъ, что онъ работаетъ.—А она живетъ въ имѣніи Окши въ Познани, какъ компаньонка, лектриса или же самаритянка его больной жены. Правда, она живетъ тамъ подъ чужимъ именемъ, но одинъ изъ моихъ здѣшнихъ знакомыхъ, молодой художникъ, былъ на праздникахъ въ той мѣстности, узналъ ее и сообщилъ мнѣ объ этомъ. А Окшу ты, вѣрно, помнишь? Это тотъ самый, который разъ обратился къ тебѣ, чтобы ты написалъ музыку на его очень недурную пѣсенку.—Благодарю тебя за твою записочку, хотя я и предчувствую, для чего ты сообщилъ мнѣ свой адресъ, и потому спѣшу успокоить твое любопытство, повѣрь мнѣ, что мнѣ не легко было узнать о пребываніи пани Глинской, но чего не сдѣлаешь для единственнаго брата... А если тебѣ важно получить болѣе подробныя свѣдѣнія или переслать ей какое-нибудь извѣстіе, спроси у Окши адресъ стараго художника Скирмунта, который рекомендовалъ ее туда и постоянно переписывается съ ней, что также узналъ отъ самого Окши тотъ молодой художникъ. Будь здоровъ и подумай иногда обо мнѣ».

Заремба улыбнулся.

«Какъ хорошо все складывается,—подумалъ онъ,—теперь я, по крайней мѣрѣ, знаю, гдѣ и какъ искать ее и куда дать ей знать, если Глинскій не будетъ препятствовать ея свиданію съ ребенкомъ».

Странно, что то, что было важнѣе всего, а именно мѣстопребываніе пани Ганки, казалось ему до сихъ поръ совершенно второстепенной вещью, такъ онъ былъ увѣренъ, что каждую минуту можетъ узнать объ этомъ. А теперь онъ подумалъ, что искалъ бы ее всюду, только именно не тамъ, гдѣ она теперь находится.

Окша? Окша? Тотъ изящный господинъ, который одно время страдалъ маніей быть поэтомъ—потому что ухаживалъ за какой-то пѣвицей и даже написалъ для нея либретто.

Ага! такъ пани Ганка теперь тамъ—въ какой же роли? Онъ еще разъ просмотрѣлъ письмо сестры—самаритянкой при больной женѣ...

«Прекрасно, прекрасно», повторялъ онъ, такъ я теперь напишу Окшѣ,—да! напишу, возобновлю сношенія съ нимъ и подробно все узнаю, главное же подъ какимъ-нибудь предлогомъ спрошу адресъ того Скирмунта, который, очевидно, принялъ въ ней участіе и всегда знаетъ, гдѣ она находится... прекрасно!»

Сердце его билось, жилы на вискахъ такъ сильно напряглись, что онъ началъ растирать ихъ, ему такъ тяжело было думать все объ одномъ и томъ же предметѣ, что онъ вскочилъ, прошелся по пустой залѣ и прильнулъ лбомъ къ стеклу. Постепенно онъ началъ успокаиваться.

«Теперь Глинскому ужъ пора быть здѣсь, онъ всегда приходитъ въ это время», подумалъ онъ. Сегодня

онъ уже не колеблясь подошелъ бы къ нему и заговорилъ бы съ нимъ—онъ еще не зналъ, что и какъ бы сказалъ ему, но былъ увѣренъ, что сумѣлъ бы занять и заинтересовать Глинскаго, они бы разговорились, потомъ онъ какъ бы нечаянно назвалъ бы его жену и такъ постепенно—постепенно...

Но именно сегодня Глинскій не пришелъ.

Онъ позвалъ мальчика.

— Панъ Глинскій уже былъ здѣсь?

— Былъ на станціи, когда пришелъ поѣздъ—но потомъ не заходилъ сюда, какъ всегда, а пошелъ домой...

Странно, что онъ не слыхалъ прихода поѣзда—но при постоянно напряженныхъ думахъ трудно все слышать...

Настала ночь. — Заремба вернулся домой.

На другой день онъ снова пришелъ на вокзалъ. На этотъ разъ онъ увидалъ Глинскаго въ ресторанѣ за стакановъ чая съ ромомъ.

Заремба поклонился и подошелъ ближе, Глинскій отвѣтилъ на поклонъ и быстро всталъ...

— Извините мое любопытство, но мнѣ кажется, что я видѣлъ васъ здѣсь годъ тому назадъ... — Я пріѣзжаю сюда каждый годъ и дѣйствительно былъ здѣсь лѣтомъ, — Заремба... позвольте мнѣ подсѣсть къ этому столу?

— Пожалуйста, пожалуйста! — Глинскій былъ очень любезенъ. — Вы поймете, что здѣсь зимой очень пріятно встрѣтить знакомаго человѣка, — онъ улыбнулся, — уединеніе — вещь очень хорошая, но въ концѣ-концовъ человѣкъ соскучится по людямъ...

— И мнѣ, признаюсь вамъ, ужъ надоѣло уединеніе,

мнѣ жаль, что я раньше не осмѣлился подойти къ вамъ. — Заремба сказалъ это просто, но съ особеннымъ удареніемъ, чтобы дать понять, что для него было очень важно познакомиться съ Глинскимъ.

— А что вы здѣсь дѣлаете зимой? — спросилъ Глинскій.

— Вѣдь я музыкантъ и композиторъ, въ городѣ работать я не умѣю и не могу, поэтому, когда почувствую, что Божія милость посѣтила меня, спѣшу сюда и здѣсь работаю. Но трудно сидѣть цѣлый день надъ партитурой, я часто не зналъ, что съ собой начать въ такіе сумеречные часы и очень вамъ благодаренъ, что вы облегчили мнѣ знакомство съ вами.

— Я тоже очень радъ, потому что невозможно все свободное время проводить, играя съ ребенкомъ.

— Я иногда видаю маленькую Басю, — сказалъ Заремба, — прекрасный ребенокъ...

— Такъ вы ее знаете?

— Какъ же ее не знать? Здѣсь нѣтъ человѣка, который бы не обратилъ на нее вниманія, когда она бѣгаетъ съ санками по снѣгу въ своей фуфаечкѣ... А со мной она даже подружилась...

— Да, — Глинскій потеръ себѣ лобъ, — правда! Она упоминала объ этомъ и говорила, что пригласитъ васъ къ себѣ.

Они замолчали.

Заремба старался казаться веселымъ.

— Панъ Глинскій — у меня къ вамъ просьба.

— Какая? Мнѣ будетъ очень пріятно исполнить ее, — засмѣялся Глинскій.

— Сегодня я закончилъ свою симфонію, полгода я

промучился надъ ней. у меня не было минуты покоя—сегодня я наконецъ могу отдохнуть—мнѣ хотѣлось бы выпить въ честь великаго для меня торжества освобожденія,—но пить одному какъ-то глупо и грустно—я такъ сердечно радъ, что вы подошли ко мнѣ—могу я попросить васъ выпить со мной рюмку вина?

— Мнѣ трудно было бы отказать вамъ по случаю такого торжественнаго дня, —Глинскій улыбался, — я болѣе или менѣе имѣю понятіе, какая это безумно утомительная работа — одного я не могъ понять—это работы надъ инструментовкой.

— Это страшно утомляетъ — до сихъ поръ въ моихъ ушахъ звучатъ фаготы, стонутъ віолончели и гремятъ контрабасы, — никакъ не отдѣлаешься отъ нихъ.

Заремба приказалъ подать бутылку венгерскаго.

— Ничего нѣтъ хуже, какъ работа мозга уже послѣ окончанія труда, — и вотъ, что единственно помогаетъ въ этомъ случаѣ и успокаиваетъ умъ. — Онъ указалъ на бутылку.

Они чокнулись и выпили.

— Хорошее вино, не правда ли, панъ Глинскій?

— Неудивительно, на венгерской границѣ нетрудно получить хорошее вино...

Глинскій внимательно смотрѣлъ на Зарембу.

— Теперь я хорошо припоминаю васъ. Вы только немного постарѣли...

Заремба ждалъ.

— Да, да... лѣтомъ... сколько это времени тому назадъ?

— Полгода.

— Да, полгода. — Глинскій задумался.

Онъ разомъ выпилъ рюмку вина, снова потеръ себѣ лобъ и внимательно посмотрѣлъ на Зарембу.

— Такъ вы такъ часто, каждый годъ пріѣзжаете сюда?

— Да, вотъ уже три года, — я даже думаю купить виллу, въ которой живу.

— Ту самую?

Заремба съ удивленіемъ взглянулъ на Глинскаго.

— Я васъ не понимаю?!

— Ту самую, въ которой вы жили лѣтомъ?

— Разумѣется...

Глинскій уставился своими странно проницательными глазами на Зарембу.

— Ту самую, — тихо, но съ удареніемъ произнесъ онъ, — въ которой вы на одинъ день приняли...

— Вашу жену, — быстро произнесъ Заремба, — онъ не успѣлъ удержать этихъ словъ.

— Пани Черкасскую, хотѣли вы сказать. — Голосъ его звучалъ рѣзко.

— Простите, — прошепталъ Заремба.

Глинскій дрожащей рукой налилъ рюмку и пролилъ вино на скатерть.

— Такъ значитъ... да... значитъ, намъ нечего разыгрывать слѣпыхъ... мы можемъ теперь говорить открыто.

— Я ничего больше не желаю.

— Только не сразу—и всю правду. — Онъ вдругъ умолкъ.

— Что же?

— Вѣдь мы еще успѣемъ, — пробормоталъ Глинскій.

— Конечно, успѣемъ, — поддакнулъ Заремба.

Они пили молча.

— А гдѣ вы познакомились съ... матерью Баси? — вдругъ спросилъ Глинскій.

— Я уже нѣсколько лѣтъ видалъ пани Ганку, но лично познакомился съ ней по дорогѣ сюда, потому что мы ѣхали въ томъ же поѣздѣ. Потомъ, возвращаясь съ вечерней прогулки, я встрѣтилъ ее въ ту минуту, когда она выходила изъ вашего дома, сильно угнетенная и едва держась на ногахъ, — не будемъ говорить объ этомъ, — я тотчасъ же узналъ ее, хотя уже было темно и былъ сильный туманъ, а такъ какъ она была настолько непредусмотрительна или такъ поглощена мыслью о свиданіи съ ребенкомъ, и не наняла себѣ впередъ помѣщенія, да къ тому же все уже было занято — я предложилъ ей свою квартиру, а самъ перешелъ къ управляющему.

— И какъ... какъ это случилось? — Глинскій сильно поблѣднѣлъ.

— Я вижу, что вы взволнованы, лучше намъ не говорить объ этомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я совершенно спокоенъ—это моя обычная манера говорить—я только немного нервенъ—ну! за ваше здоровье и за вашу симфонію, панъ Заремба. Жаль, что мы раньше не познакомились. — Вы хорошій и порядочный человѣкъ... Ну и что же было потомъ?

— Потомъ? Вы ужъ это, вѣроятно, знаете... я ни-

чего больше не знаю — рано утромъ меня разбудила жена горца, — и сказала, что пани нигдѣ нѣтъ...

— И что же вы объ этомъ думаете? — черезъ минуту спросилъ Глинскій.

— Не нужно быть великимъ психологомъ, чтобы понять, что происходило въ это время въ душѣ пани Ганки. Кто знаетъ, сколько времени она мучилась, прежде чѣмъ приняла такое рѣшеніе? Потомъ это далекое путешествіе безъ всякаго отдыха—она искала васъ въ Варшавѣ, потомъ въ Краковѣ и наконецъ здѣсь. Всѣ эти затрудненія, безсонныя ночи, неизвѣстность ожиданія, надежда, которая все же придавала ей силъ, что когда она будетъ здѣсь и придетъ къ ребенку, вы... простите меня, можетъ быть, я говорю слишкомъ откровенно и оскорбляю васъ, но...

— Говорите... говорите! Я желалъ, чтобы кто-нибудь разъ откровенно и искренно поговорилъ со мной.

— Она имѣла о васъ такое высокое мнѣніе, что думала, что, несмотря на личную обиду, вы заглянете въ ея душу и поймете страшную муку матери, которая лишилась ребенка — ее встрѣтило тяжелое разочарованіе, котораго она не ожидала — это оказалось выше ея и безъ того надорванныхъ силъ... Въ минуту сомнѣнія, вѣроятно, почти не сознавая, что дѣлаетъ, она захотѣла бѣжать отъ людей и свѣта.

Глинскій низко опустилъ голову.

— Я не хорошо тогда поступилъ... но это слишкомъ неожиданно тогда налетѣло на меня, я не имѣлъ времени опомниться, какъ же было въ одну минуту рѣшить и обдумать то, на что мнѣ нужны были мѣсяцы?

Онъ потребовалъ еще бутылку.

— Мужчина не имѣетъ права заграждать матери дорогу къ ребенку, если она даже нанесла оскорбленіе ему самому, а тѣмъ болѣе ребенку дорогу къ сердцу матери...

Глинскій произнесъ это усталымъ, тихимъ, но твердымъ голосомъ.

— Я понялъ все это, когда уже было слишкомъ поздно.

— То-есть, какъ слишкомъ поздно? — горячо прервалъ Заремба. — Почему же это поздно?

— Потому что гдѣ же она теперь? Навѣрное, погибла? — прерывающимся голосомъ спрашивалъ Глинскій.

— Нѣтъ, не погибла, — почему вы теперь объ этомъ спрашиваете?

Заремба не спускалъ глазъ съ этого страдальческаго, измученнаго, но дышащаго такой силой лица.

— Зачѣмъ я спрашиваю? — Глинскій точно очнулся отъ глубокаго сна. — Мнѣ хотѣлось бы исправить зло, которое причинилъ ей или, вѣрнѣе, самому себѣ. Потому что вы поймете, что человѣкъ, совершившій поступокъ, которымъ самъ себя унизилъ, не можетъ не мучиться. Вѣдь она въ страданіяхъ родила этого ребенка, съ любовью выходила его, охраняя его и днемъ и ночью, а я отнимаю у нея этого ребенка, лишаю ее всякихъ правъ на него, не позволяю ей даже видѣться съ нимъ только потому, что она лично оскорбила меня— и даже не оскорбила... Она перестала любить меня, что совершенно не зависѣло отъ ея воли, и полюбила другого, а не желая оскорблять

меня притворной любовью, потому что это оскорбило бы меня гораздо больше, чѣмъ простая измѣна—ушла отъ меня, но вѣдь не отъ ребенка? Правда?

Заремба, молча сжалъ руку Глинскаго, растроганный до глубины души.

— Потому что сердце ея осталось при ребенкѣ и ни на минуту не покидало его, — а я хотѣлъ украсть это сердце, которое такъ любило ребенка, что, не колеблясь, пошло на все то, что ей пришлось пережить, чтобы только увидѣть ребенка; я хотѣлъ лишить его этого сердца и такимъ образомъ причинить ему наибольшее зло...

Глинскій говорилъ тихо, какъ бы про себя.

Заремба дрожалъ отъ волненія, какого никогда еще не испытывалъ, такъ оно было не похоже на все, что онъ когда-либо пережилъ.

— Это значитъ, — говорилъ Глинскій, — что я хотѣлъ лишить ребенка той великой любви, того источника неисчерпаемаго тепла и свѣта, въ которомъ должна купаться душа ребенка, чтобы развиваться и расцвѣтать. А что хуже всего, я унизилъ ребенка до значенія случайной собственности, точно онъ мои часы или портмонэ, которые я позволяю или запрещаю разглядывать... И если я спросилъ про Ганку, то для того, чтобъ очиститься передъ самимъ собой, чтобъ извиниться отъ стыда передъ собой. — Сегодня я прямо не понимаю того, что сдѣлалъ. — Я безпокоюсь не о ней, потому что она взрослый человѣкъ и самостоятельна, какъ вы и я, она сама можетъ строить свою жизнь по своему желанію—меня тревожитъ ре-

бенокъ, котораго я хотѣлъ лишить самой твердой опоры въ жизни—материнской любви...

— Вы понимаете меня?

— Понимаю, — тихо возразилъ Заремба.

— Вы хорошо поняли меня?

— Глубже, чѣмъ вы думаете. Мнѣ кажется, что я наконецъ коснулся самаго мудраго и благороднаго сердца, какое когда-либо зналъ.

— Дѣло не въ этомъ, — почти рѣзко замѣтилъ Глинскій, — эта мудрость добывается тяжелымъ трудомъ — странно, что самыхъ простыхъ вещей приходится добиваться самымъ тяжелымъ трудомъ — впрочемъ, это здѣсь не важно — я, прежде всего, хочу избавиться отъ стыда, что совершилъ варварскій поступокъ, что подчинился слабости, недостойной меня — поэтому мнѣ хотѣлось бы, чтобъ она теперь пріѣхала; она можетъ видѣть ребенка, когда захочетъ, имѣть его при себѣ, пока сама здѣсь будетъ... я все это позволю — нѣтъ! я сказалъ глупость, дѣло идетъ не о позволеніи, потому что Бася принадлежитъ ей, какъ и мнѣ, но вы понимаете, какъ и мнѣ — и потому совсѣмъ отдать ей Басю я не могу — для меня этотъ ребенокъ все...

— Изъ того, что я слышалъ отъ самой пани Ганки, я знаю, что она никогда не имѣла намѣренія предъявлять вамъ такихъ требованій, она слишкомъ хорошо понимаетъ, что значитъ для васъ этотъ ребенокъ.

— Такъ вы знаете, гдѣ она?

— Сейчасъ я этого вѣрно не знаю, но имѣю возможность узнать.

— Вѣдь это не должно быть труднымъ — вы, на
вѣрное, знаете, гдѣ Черкасскій.

— Черкасскій одинъ...

— Одинъ?

— Онъ усиленно ищетъ пани Ганку, но напрас
но — никто не могъ ему сказать, гдѣ она теперь на
ходится.

— Такъ онъ ищетъ ее, — глубоко задумавшись, по
вторилъ Глинскій, — и не можетъ найти — это стран
но — страню. А гдѣ она была?

— Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ ее видѣли в
Баварскихъ Альпахъ.

— Одну?

— Да! Потомъ слѣдъ затерялся — но, — Заремб
колебался съ минуту, сказать ли Глинскому, гдѣ Ган
ка, — я приложу всѣ старанія, чтобъ узнать объ этомъ
и у меня есть данныя надѣяться, что они не будутъ
безплодными. Черезъ нѣсколько дней я вернусь в
Мюнхенъ.

— Такъ вы уѣзжаете?

— Да. Работу я кончилъ, слѣдовательно, пора вер
нуться къ людямъ. Тамъ я узнаю, гдѣ пани Ганка, и
напишу ей все, что вы мнѣ говорили. Вы уполномо
чиваете меня сдѣлать это?

— Да, напишите ей, что она можетъ видѣть ребен
ка, когда захочетъ, и оставаться при немъ, сколько
можетъ... Вы это сдѣлаете? Дѣйствительно, сдѣлаете

— Я вамъ свято обѣщаю это.

Ахъ, если бы Глинскій зналъ, какую страшну
тяжесть онъ снялъ съ его сердца — если бы зналъ, ка

кой благодарностью къ нему, какимъ счастьемъ была переполнена его душа.

— Какъ удачно сложилось, что мы встрѣтились еще передъ вашимъ отъѣздомъ, — сказалъ Глинскій съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ.

Заремба не зналъ, что отвѣчать — на языкѣ у него были тысячи словъ, признаній и все то, что тѣснилось въ его сердцѣ, но онъ молчалъ.

— Повѣрьте мнѣ, пани Ганка узнаетъ обо всемъ этомъ, какъ только возможно, скорѣе — я подниму небо и землю, чтобы сообщить ей эту счастливую вѣсть...

Онъ произнесъ это такъ горячо, что Глинскій вдругъ внимательно посмотрѣлъ на него.

— Не удивляйтесь, что я такъ принимаю къ сердцу это дѣло — я былъ свидѣтелемъ того волненія и муки, которыя она переживала, когда ѣхала сюда къ ребенку, а потомъ случайно видѣлъ ея отчаяніе, когда она считала, что онъ потерянъ для нея — потому-то все это такъ глубоко запало въ мое сердце. Помимо этого я артистъ и человѣкъ очень чуткій къ страданію и горю людей — потому-то я такъ радуюсь, что на мою долю выпало счастье принести эту радостную вѣсть изстрадавшейся, на смерть измученной душѣ...

Глинскій протянулъ руку и нѣсколько разъ молча пожалъ руку Зарембы.

Они разстались поздно вечеромъ.

Заремба шелъ домой точно въ бреду.

Онъ былъ не въ состояніи обнять величины счастья, которое свалилось на него сегодня. «Значитъ, онъ — онъ ей напишетъ, что она можетъ увидать своего ре-

бенка, когда захочетъ, можетъ оставаться съ нимъ, сколько хочетъ...

«Напишетъ?

«А можетъ быть — у него не хватило дыханія, сердце расходилось, какъ дьявольскій звонъ — можетъ быть онъ самъ поѣдетъ къ ней, самъ разскажетъ ей объ этомъ, еще разъ заглянетъ ей въ глаза, еще разъ окинетъ ее взглядомъ, будетъ цѣловать ея ноги и умолять, чтобъ она простила его, за то что онъ такъ полюбилъ ее, что загубилъ преступленіемъ свою душу — свою, свою собственную, потому что она слишкомъ чиста, чтобы что-нибудь могло запятнать ея душу.

— А она взглянетъ на меня, чуждая и далекая, и спроситъ: — Чего ты хочешь отъ меня? Все, что исходитъ отъ тебя, мнѣ противно, и не говори мнѣ о ребенкѣ, потому что ты только безчестишь его...

Нѣтъ, нѣтъ! Погибло все! Онъ не смѣлъ бы теперь заглянуть въ ея глаза, не смѣлъ бы коснуться ея руки, не смѣлъ бы принести ей хорошую вѣсть, потому что она отвергла бы ее, оттого что онъ принесъ ее — а если бы я даже на собственныхъ рукахъ принесъ ей ребенка, кто знаетъ, не сказала ли бы она — отнеси его, откуда принесъ!»

И снова тотъ припѣвъ безнадежной пѣсни осужденныхъ монотоннымъ, мрачнымъ напѣвомъ зазвучалъ бы въ его душѣ.

«Да! остается только написать ей, — что онъ говоритъ: написать? Она, можетъ быть, даже не приметъ его письма, навѣрное, даже не распечатаетъ его, потому что узнаетъ его почеркъ. Нѣтъ и этого нельзя, онъ

напишетъ Окшѣ или старому Скирмунту, чтобъ они сообщили ей эту хорошую новость — а тогда — тогда — что же тогда?»

Онъ качалъ головой, а въ душѣ его ныла такая сильная, безнадежная боль и такая смертельная печаль, что онъ опустился на камень у дороги и схватился за голову.

Небо было все покрыто звѣздами, какъ роскошный поясъ горца, украшенный золотыми и серебряными гвоздями, въ дивно чистомъ воздухѣ искрился морозъ — на мгновенье онъ подумалъ, что могъ бы тихо и спокойно уснуть здѣсь и никогда больше не проснуться — но тогда Ганка не узнаетъ, что можетъ видѣть ребенка и держать его у себя, сколько хочетъ. А вѣдь самая спокойная смерть отъ замерзанія, — но ему еще нельзя умирать.

«Онъ долженъ еще исполнить эту миссію, остановить кровь, которая течетъ изъ раны ея сердца — но не собой, — онъ горько засмѣялся, — а ребенкомъ — ея Басей!»

И вдругъ онъ понялъ, что, собственно говоря, онъ тутъ ни при чемъ.

Онъ воображалъ себѣ, что съ трудомъ смягчитъ твердое, какъ камень, сердце Глинскаго — ѣхалъ сюда, проникнутый трудностью своей миссіи, которую самъ взялъ на себя въ радостной тайной надеждѣ, что хотя немного облегчитъ свою душу, сотретъ хотя бы частичку своего преступленія усиліемъ, которое ему придется употребить, чтобы уговорить Глинскаго разрѣшить Ганкѣ свиданіе съ ребенкомъ.

И вдругъ засталъ здѣсь и познакомился съ человѣ-

комъ, который придавилъ его великой, глубокой добротой своего сердца, пристыдилъ своей свободной, благородной мудростью.

Онъ тутъ былъ совсѣмъ ненуженъ, ему здѣсь нечего было дѣлать. Итакъ, даже крошечная искра надежды, даже та тонкая нить, которая его еще связывала съ жизнью, рвалась и распадалась въ ничто.

Все уничтожено, — все превратилось въ пепелъ, онъ остался одинъ, лишенный всего и не можетъ даже распорядиться собой, потому что месть принадлежитъ ему, Черкасскому и онъ выполнитъ ее.

«Только разъ еще — думалъ онъ съ отчаянной наглостью человѣка, осужденнаго на вѣчныя муки—только разъ еще онъ долженъ увидѣть ее, послѣдній разъ, хотя бы послѣ этого Черкасскій снова ударилъ его объ оскверненную имъ землю».

XIV.

Ганка уже съ недѣлю была одна въ Мюнхенѣ.

Послѣднія неожиданныя событія надорвали и ея здоровыя, молодыя силы.

Болѣзнь пани Окши приняла въ дорогѣ такой острый и грозный характеръ, что о дальнѣйшемъ путешествіи не могло быть и рѣчи.

Сильное кровотеченіе приковало несчастную женщину къ постели, съ которой ей уже не суждено было встать. Ганка дѣлала все, что только было возможно, чтобы спасти больную. Призывала самыхъ извѣстныхъ докторовъ, ни на шагъ не отходила отъ больной, сидѣ-

ла надъ ней днемъ и ночью, но все напрасно. Кровотеченія возобновлялись, сильная лихорадка на глазахъ уничтожала истощенныя силы больной. Тогда Ганка телеграммой вызвала Окшу, который пріѣхалъ на другой же день послѣ полученія телеграммы, но засталъ уже мертвое тѣло.

Что было потомъ — она уже не могла дать себѣ яснаго отчета. Она ходила точно во снѣ, — чрезмѣрное физическое истощеніе совершенно обезсилило ея мозгъ. Ее пришлось силой будить отъ тяжелаго, каменнаго сна, въ который она впала, потомъ она смутно видѣла ангельское выраженіе лица умершей, видѣла Окшу, какъ онъ горячо благодарилъ ее, видѣла, какъ вносили въ вагонъ гробъ, а потомъ кто-то проводилъ ее до пролетки. Она сѣла, приказала везти себя въ какой-нибудь пансіонъ, имѣла еще настолько силъ, чтобы дать адресъ санаторіи и приказать привезти оттуда свои вещи, не помнила, какъ раздѣлась и легла и снова впала въ тяжелый сонъ.

Когда она наконецъ проснулась, ей казалось, что вся она разбита, а изъ угнетеннаго состоянія духа заключила, что видѣла страшные и непріятные сны.

Одно только не ясно понимала, что снова осталась одна.

Первой мыслью ея было отправиться къ Скирмунту, но ей стало стыдно — теперь она должна уже справиться сама. Неужели она снова очутится въ томъ безвольномъ состояніи, когда за нее должны были рѣшать и дѣйствовать другіе? Именно теперь должна она испробовать свои силы, доказать, насколько она уже мо-

жетъ бороться съ жизнью. Да, теперь явился случай посчитаться съ своими собственными силами.

Но на размышленія у нея было много времени, теперь прежде всего надо вернуть себѣ физическія силы — что было бы, если бы она заболѣла?

Правда, вѣдь онъ недалеко отсюда — но она не могла еще думать о немъ. — Больше чѣмъ когда-нибудь боялась она теперь встрѣчи съ нимъ. За все время ухода за больной, слушая ея горячечный бредъ и постоянно чувствуя приближеніе смерти, она была не въ состояніи слѣдить за собой. Въ ея измученномъ безсонницей умѣ мелькали мысли, которыми она должна была бы владѣть, но уже не чувствовала силъ для этого, ее невыразимо мучила мысль, что Черкасскій близко, и она сильно страдала отъ сознанія, что теперь не должна еще встрѣтиться съ нимъ.

Она начала обдумывать, откуда этотъ страхъ, эта сильная тревога, но была не въ силахъ сознательно это опредѣлить. Во всѣхъ ея счетахъ, которые она подводила съ самымъ глубокимъ вниманіемъ и съ безпристрастной искренностью, непремѣнно оставался какой-то остатокъ, который она никакъ не могла раздѣлить, таинственный остатокъ, не дававшій ей покоя и раздражавшій и пугавшій ее все сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ она все больше ощущала, что Черкасскій здѣсь, вблизи отъ нея.

Подъ конецъ она рѣшилась не думать, хотѣла разсѣяться, развлечься, но куда бы ни обратилась мыслью, постоянно возвращалась къ той минутѣ, когда встрѣтится съ нимъ и все ему скажетъ.

Она чувствовала себя чистой и ничѣмъ незапятнан-

ной, потому что душа ея оставалась неприкосновенной и всегда принадлежала ему одному. Вѣдь она могла смѣло и откровенно говорить объ этомъ, какъ о простой случайности, все равно, какъ если бъ она шла по улицѣ, а проѣзжавшій экипажъ обрызгалъ ее грязью, или если бъ она, идя по лѣсу, заблудилась и, почти лишившись сознанія отъ мучительнаго страданія, попала бы въ трясину. Она могла бы даже говорить объ этомъ съ облегченіемъ, что не случилось что-нибудь худшее — ее могли бы тогда убить и разрѣзать на части. Со всей святой искренностью могла она посмотрѣть ему въ глаза, раскрыть передъ нимъ свою душу, чтобъ онъ заглянулъ во всѣ ея тайники и убѣдился, что всегда, каждую минуту она принадлежала только ему одному и только къ нему рвалась въ своей тоскѣ.

А между тѣмъ — между тѣмъ... отчего въ его глазахъ сверкаютъ зловѣщіе огоньки? Почему такъ дрожатъ его нѣмыя поблѣднѣвшія губы? Такъ сильно сжимаютъ его руки ея руки? А эти безумные упреки, съ которыми онъ впивается въ ея глаза?

Что все это значило? Ганка безсознательно терла себѣ глаза...

Тамъ, тамъ, въ его душѣ таился тотъ таинственный остатокъ, съ которымъ она никакъ не могла справиться и который наполнялъ ее страхомъ — ахъ! и не только страхомъ, — но и возмущеніемъ и стыдомъ, что онъ могъ бы обезчестить и загрязнить ее, хотя бы тѣнью сомнѣнія, что это могло бы запятнать ея душу — ея вѣчную, чистую душу — и что въ лучшемъ случаѣ онъ захотѣлъ бы простить ее!

Она горько разсмѣялась! Странная горечь поднялась въ ней.

Простить? За что? Ха, ха, ха — за то, что къ ней, обезсиленной страданіемъ и ядомъ, кто-то прикоснулся?

А потомъ она раздумывала, зачѣмъ думаетъ о немъ такимъ образомъ — что даетъ ей право подозрѣвать его въ такихъ дикихъ, грубыхъ инстинктахъ варвара, который вонзаетъ ножъ въ сердце невинной изнасилованной дочери?

Почему? Теперь она и въ себѣ нашла тотъ остатокъ, который никакъ не поддавался дѣленію — какую-то глухую ненависть, за то что онъ прошелъ поперекъ ея дороги, смутилъ ея душу, не только смутилъ, но и насиловалъ ее, потому что влилъ въ ея душу тотъ ядъ безумія любви, тотъ дурманъ, благодаря которому она на минуту забыла даже свой долгъ передъ ребенкомъ.

Она съ усиліемъ вскочила съ кровати и поспѣшно одѣлась, но все это давалось ей не легко, потому что голова ея была точно стянутая желѣзнымъ обручемъ, а въ рукахъ и ногахъ она чувствовала тяжесть и слабость, точно послѣ сильной болѣзни.

Она позвонила и въ изнеможеніи опустилась въ кресло.

Но она снова овладѣла собой — подошла къ окну и подняла шторы, ясный майскій день потокомъ чистаго свѣта и благоухающаго воздуха ворвался въ комнату.

— Что прикажете? — спросила горничная.

— Принесите, пожалуйста, завтракъ.

Черезъ минуту горничная принесла завтракъ и письмо.

Отъ Скирмунта!

— Это письмо, — объяснила горничная, — получилось еще вчера, но я не хотѣла васъ будить...

— Хорошо, хорошо...

— И здѣсь была какая-то дама, которая спрашивала про васъ.

— Какая дама?

Но, несмотря на самое подробное описаніе горничной, Ганка не могла догадаться, кто бы это могъ быть.

Только сердце ея неспокойно забилось при мысли, что ее кто-то узналъ, провѣдалъ про ея пребываніе здѣсь — и можетъ донести объ этомъ Черкасскому.

Но она объ этомъ не долго думала, можетъ быть, кто-нибудь узналъ ее, когда она провожала гробъ пани Окши на вокзалъ — но что же это могло имѣть общаго съ Черкасскимъ.

Она разорвала конвертъ.

«Дорогая пани — Вамъ все-таки не удалось укрыться отъ людей. Не знаю, какимъ образомъ Окша узналъ, кто Вы, но это, собственно говоря, не важно ни для Васъ, ни для меня...

«Можетъ быть, при другихъ обстоятельствахъ, это было бы и непріятно, но при теперешнемъ положеніи вещей я счастливъ, что кто-то узналъ Васъ и имѣлъ возможность повидаться съ Глинскимъ. Итакъ, Окша пишетъ мнѣ, что не знаетъ, находитесь ли вы еще въ Мюнхенѣ, и потому черезъ меня проситъ увѣдомить Васъ, что Глинскій уже не помѣшаетъ Вашему сви-

данію съ ребенкомъ — что Вы можете видѣть Басю, когда хотите, и оставаться съ ней, сколько хотите».

Ганка не вѣрила своимъ глазамъ. Внезапная безмѣрная радость лишила ее на минуту силъ.

«Что это? чудо?—думала она—а можетъ быть сонъ?»

Но нѣтъ! Она еще разъ прочитала начало письма... Нѣтъ, это не сонъ—здѣсь ясно написано, что она можетъ видѣть Басю, когда хочетъ, оставаться при ней, сколько захочетъ...

Она вскочила и быстрыми шагами начала ходить по комнатѣ. Она не въ силахъ была обнять этого счастья — ей стало даже больно отъ обрушившейся на нее неожиданности... «Такъ ей можно будетъ наконецъ увидать источникъ исцѣляющихъ рукъ — Басю! Басю!»

снова плакала отъ великаго счастья, что скоро увиснова плакала отъ великаго счастья, что скоро увидитъ Басю.

Страданье исчезло, исчезъ кошмаръ всего того, что она вынесла, она ни о чемъ больше не думала, все потонуло въ одномъ великомъ счастьѣ, что ребенокъ снова будетъ принадлежать ей. Разсѣялся мракъ сумерекъ, весь свѣтъ сіялъ молодостью и красотой — душа до самыхъ краевъ наполнилась радостной благодарностью, что она дошла наконецъ до цѣлебнаго источника, что заглохли страданіе, и гнѣвъ жизни, и вся эта страшная мука.

Она снова начала перечитывать письмо. Для нея существовало только его начало, что ей за дѣло до всего, что не касалось этой вѣсти освобожденія и возрожденія, этого свѣта, разгонявшаго мракъ и сумерки

ея души, тѣхъ маленькихъ рученокъ ея ребенка, которыя покоились на ея сердцѣ и такъ любовно его ласкали.

Ею овладѣла безумная радость.

Ей хотѣлось бы теперь увидать и его, броситься ему на шею и на его груди выплакать свое неожиданное счастье, потому что теперь ничто — ничто уже не раздѣляетъ ихъ.

Теперь, когда она соскучится по Басѣ, она поѣдетъ къ ней — онъ въ это время будетъ творить, какъ теперь, въ тишинѣ, далеко отъ людей, а потомъ, соскучившись другъ по другѣ, они снова соединятся.

Въ нее точно влилась новая жизнь. Она уже не чувствовала усталости, головная боль прошла, исчезли печаль и горечь сомнѣнія, она не боялась больше вѣчнаго кошмара страданія, ей не нужно было больше постоянно слѣдить за собой, чтобы на нее не обрушился неожиданно рой ядовитыхъ мыслей, — ей стало тѣсно въ комнатѣ, она одѣлась и быстро выбѣжала на улицу.

Это удивило ее — часъ тому назадъ она ни за что не двинулась бы изъ дома.

Въ каждомъ человѣкѣ она видѣла бы кого-нибудь съ родины, кто могъ бы узнать ее, слѣдить за каждымъ ея шагомъ и наконецъ заговорить съ ней и выспрашивать, зачѣмъ она здѣсь и что дѣлаетъ. Тревожно избѣгала бы она полицейскаго, боясь, что онъ уже знаетъ, что она живетъ подъ чужимъ именемъ — а теперь ничего — ничего — ничего!

Она шла смѣлой, увѣренной походкой и даже страстно желала встрѣтить кого-нибудь, кому могла бы

сказать, что ждетъ здѣсь Черкасскаго и невыразимо радуется этому.

Она шла молодая и красивая.

Послѣ долгаго времени она въ первый разъ снова почувствовала, что молода и красива, и радовалась этому.

Деревья на скверахъ и кустарники украсились роскошными цвѣтами, клумбы на газонахъ расцвѣтились тысячами красокъ — и она радовалась и наслаждалась этимъ.

Фонтанъ передъ какимъ-то памятникомъ высоко билъ кверху и блестѣлъ на солнцѣ, какъ брилліанты— плескъ воды показался ей дивной музыкой, на углу улицы она купила у красивой цвѣточницы фіалокъ и ландышей и шла дальше, одуренная ихъ благоуханіемъ, очаровательная и радостная.

Она пріостанавливалась передъ окнами магазиновъ, все начало занимать ее, но больше всего привлекло ея вниманіе большая выставка игрушекъ.

Она остановилась и смотрѣла: все самое красивое должна получить Бася. Потому что теперь, какъ только она встрѣтится съ Ясекомъ, такъ сейчасъ же поѣдетъ къ ребенку.

Мысль, что она съ нимъ теперь встрѣтится, должна встрѣтиться, прежде чѣмъ поѣдетъ къ ребенку, выбила ее на минуту изъ колеи... Она перешла на другую сторону улицы въ великолѣпную липовую аллею, сѣла на лавочку и задумалась.

«Если когда-нибудь, то именно теперь она встрѣтится съ нимъ — напишетъ Скирмунту, нѣтъ! ему самому — тоже нѣтъ... она подождетъ его, онъ предчув-

ствуетъ, что она здѣсь и самъ сюда пріѣдетъ — онъ добрый, любимый и будетъ счастливъ, когда увидитъ ее такой сильной, радостной, жаждущей жизни вмѣстѣ съ нимъ. — Да, теперь настало время, когда имъ можно начать новую жизнь»..

Ясное небо ея сердца вдругъ нахмурилось.

Какъ же она не подумала о Глинскомъ—что случилось — что могло случиться, что уничтожило въ немъ гнѣвъ, горечь и злобу? Это, навѣрное, сдѣлалъ самъ Скирмунтъ — да — онъ такъ повліялъ на Глинскаго. Да! да! Скирмунтъ! Никто, кромѣ него. Одно только она знаетъ, что должна будетъ увидаться съ Глинскимъ! Но ея душа, полная счастья, не допускала непріятныхъ размышленій. «Такъ что же? я скажу ему, что благодарна ему, за то, что сердце его такъ благородно, что сумѣло забыть свою собственную обиду, за то что онъ сумѣлъ подавить свое собственное страданье, чтобы вернуть ребенку мать»...

Постепенно она успокаивалась—первая волна восторга миновала, она уже могла разсуждать.

Теперь она уже была увѣрена въ своихъ силахъ и готова на все, она страстно желала теперь увидѣть Черкасскаго и сегодня еще написала Скирмунту.

Она встрѣтилась съ жизнью и радостно готовилась къ ней.

Еще только нѣсколько дней тому назадъ, проходя этими многолюдными улицами, ей казалось, что толпа, волною переливавшаяся по нимъ, поглотитъ ее, что она уже никогда не выберется изъ нея — теперь же она смѣло перебѣгала шумныя улицы, скользила между массой людей, почти не видя ихъ — безъ всякаго

страха — напротивъ, съ сознаніемъ своей силы и красоты.

Она останавливалась передъ витринами изящныхъ магазиновъ, ей хотѣлось быть красивой и нарядной, когда встрѣтится съ нимъ... Она страстно желала, чтобы встрѣча ихъ съ первой минуты была радостной и свѣтлой, чтобы не осталось ни тѣни, ни слѣда тѣхъ мрачныхъ мгновеній, которыя она пережила и перестрадала.

Не какъ кающаяся, покрытая власяницей, предстанетъ она передъ нимъ, — она вздрогнула при мысли, что ей могло это притти въ голову, — но какъ свободный человѣкъ, увѣренный въ себѣ и въ чистой божественности своей души.

Она зашла въ кофейню, чтобъ отдохнуть, и посмотрѣла на шумную улицу — на цвѣтущую розовую аллею каштановъ, передъ ея глазами сновали сотни людей въ ту и другую сторону — все это занимало ее, ей казалось, что она видитъ это въ первый разъ, а между тѣмъ видѣла уже столько большихъ городовъ.

Вдругъ она безпокойно вздрогнула. Напротивъ стояла какая-то дама и внимательно присматривалась къ ней.

Лицо показалось ей знакомымъ, но это было только воображеніе, потому что въ ту минуту, какъ она обратила на нее вниманіе, она повернула въ сторону и скрылась въ толпѣ.

Ганка улыбнулась. Почему ею овладѣлъ вдругъ этотъ нервный, невольный страхъ — вѣдь она только сейчасъ желала встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь, чтобы подѣлиться своей радостной вѣстью.

А можетъ быть это та таинственная дама, которая разспрашивала про нее въ пансіонѣ? Гдѣ же она видала это лицо? Что она его видала, въ этомъ она была увѣрена, но гдѣ?

А! навѣрное, на родинѣ — жаль, что она не вошла сюда, но повидимому она тоже сомнѣвалась.

Она заплатила и вышла.

Подозвавъ извозчика, она приказала отвезти себя въ старую пинакотеку.

Она такъ давно не была ни въ какой галлереѣ, а именно о старой пинакотекѣ ей часто говорилъ Скирмунтъ, какъ о лучшемъ музеѣ въ Европѣ.

Глубоко задумалась она передъ кёльнскимъ примитивистомъ — Maister des Maria Lebens — въ первый разъ восхищалась картинами Метсю — долго съ благоговѣйнымъ восторгомъ стояла передъ произведеніями Франса, Боттичелли и своего любимаго Перуджини — все это были старые знакомые, только въ новомъ блескѣ и богатствѣ — быстро пробѣжала черезъ залу Рубенса, видъ этихъ женщинъ, страдавшихъ водянкой, былъ ей непріятенъ, и прошла въ одну изъ боковыхъ залъ.

Передъ картиной Леонардо — Мадонна съ гвоздикой — сидѣлъ молодой художникъ и копировалъ. Погруженный въ свою работу, онъ не обратилъ на нее вниманія — она тоже не смотрѣла на него, поглощенная изученіемъ картины, потому что вспомнила, что кто-то поднималъ вопросъ объ ея подлинности.

Вдругъ глаза ихъ встрѣтились.

Она тотчасъ же узнала его. Это былъ тотъ самый полякъ, котораго она тогда встрѣтила въ томъ ма-

ленькомъ отелѣ надъ озеромъ — и онъ тоже очевидно узналъ ее, потому что смутился.

А, дѣйствительно, удивительно, что всюду встрѣчаешь соотечественниковъ, но это было ей теперь совершенно безразлично.

Съ благоговѣйнымъ вниманіемъ ходила она изъ залы въ залу, все больше и больше радуясь, что встрѣчаетъ знакомыхъ художниковъ, произведенія которыхъ дополняла теперь новымъ богатствомъ.

Только, когда вышла, она почувствовала сильную усталость, усталость, но не ту, которая угнетаетъ, а ту, которая требуетъ отдыха, чтобы возбудить въ себѣ новыя силы.

Она тихо улыбнулась.

Передъ ней теперь прямой и ясный путь—Бася и онъ; теперь прошли ужъ дни тяжкихъ испытаній; счастье всюду цвѣтетъ вокругъ, на роскошныхъ клумбахъ скверовъ, на деревьяхъ аллей и парковъ, на лицахъ людей, на бѣлыхъ улицахъ, уже раскаленныхъ горячимъ солнцемъ...

Когда она вернулась въ пансіонъ, было уже поздно послѣ полудня.

Она отворила дверь своей комнаты, залитой свѣтомъ заходящаго солнца, и на минуту остановилась ослѣпленная.

Среди комнаты стоялъ Черкасскій.

Она стояла обезсиленная; онъ тоже точно окаменѣлъ.

Наконецъ раздался тихій возгласъ:

— Ганка!

И, не помня себя отъ счастья, они бросились другъ другу въ объятія.

Онъ въ сильномъ объятіи поднималъ ее къ себѣ на грудь, потомъ снова опускалъ на полъ и глазами, полными восторга и счастья, обнималъ ея прелестную, юную фигуру, ея цвѣтущее радостнымъ восхищеніемъ лицо и сіяющіе счастьемъ глаза и снова схватывалъ ее и прижималъ къ себѣ, точно хотѣлъ совсѣмъ поглотить ее въ себя.

Вдругъ она вырвалась изъ его объятій, откинула распустившіеся волосы, отступила и устремила на него расширенные страхомъ глаза.

— Ясекъ!

— Что, что?

Тяжелое и лѣнивое ощущеніе боли сжало ея мозгъ, боли, которая знаетъ свое мѣсто и не спѣшитъ выбраться изъ него; сердце ея болѣзненно сжалось, а изъ парализованной гортани вырвалась лишь одна фраза:

— Ясекъ, ты не знаешь!

Онъ подошелъ къ ней и крѣпко сжалъ ея руки... охъ! какъ крѣпко!..

Она смотрѣла на него такъ, что заглянула въ самую его душу:

— Не знаешь!..

— Знаю, все знаю...

— И то?

— И то!

Точно молнія промелькнуло въ ней впечатлѣніе, что она проникла въ самые глубокіе тайники его души и не нашла въ ней ничего, кромѣ любви...

Она такъ дрожала, что онъ съ трудомъ удерживалъ ее въ своихъ объятіяхъ.

— Кто, кто тебѣ это сказалъ?

— Молчи! Не будемъ говорить объ этомъ.—Черкасскій почувствовалъ вдругъ рѣзкую боль, точно кто-то сорвалъ повязку съ свѣжей раны. Руки его опустились; онъ уложилъ ее на диванъ.

— Кто могъ тебѣ сказать объ этомъ?—Ганка порывисто вскочила.

— Онъ самъ!

Она застонала и опустилась на диванъ.

И въ ту минуту, когда уже готовы были ослабѣть узы освобожденной души, онъ успѣлъ во-время овладѣть собой.

Онъ опустился на колѣни къ ея ногамъ, цѣловалъ ихъ, цѣловалъ ея платье и руки, обнималъ ее и всѣмъ тѣломъ прижимался къ ней, точно хотѣлъ закрыть и защитить ее собой.

— Никогда не говори больше объ этомъ, твоя душа чиста, какъ души ангеловъ, чиста, какъ въ минуту своего божественнаго зачатія, какъ въ ту священную минуту, когда ты ввѣрила ее моему попеченію.

— Мое тяжелое преступленіе состоитъ въ томъ, что я не сумѣлъ сберечь ее, что изсушилъ ее въ самомъ расцвѣтѣ, отравилъ, высосалъ изъ нея силы... и ничего, ничего не далъ ей взамѣнъ.

Ганка водила руками по его волосамъ, хотѣла что-то сказать, но голосъ ея замиралъ; хотѣла закинуть руки на его шею, но что-то, что-то чудовищное парализовало ея желаніе.

— Я, я во всемъ виноватъ, Гануся... я обѣщалъ

тебѣ рай и чудеса, а потомъ каждую минуту трусилъ, вливалъ въ твое сердце капля за каплей страшный ядъ страха и ужаса и угрызеній совѣсти; подрѣзалъ одни за другимъ корни твоей силы; я долженъ былъ быть опорой и фундаментомъ, на которомъ ты должна была строить новую жизнь, а я оказался болотомъ, трясиной, поросшей роскошной травой.

Ганка безъ силъ упала въ его объятія.

— Ты слышишь меня, слышишь?

Ганка залилась слезами.

— Что съ тобой... что съ тобой? — безпомощно повторялъ Черкасскій.

Она ласкала его, рыдая.

— Молчи... молчи... это слезы счастья... это, это слезы полнаго освобожденія...

Настало мгновенье, когда имъ казалось, что ихъ тоскующія души неразрывно и навѣкъ слились другъ съ другомъ; мгновенье торжественнаго молчанія, молчанія, которое не выноситъ словъ, для котораго они были бы лишь грубымъ насиліемъ чего-то, что выше и святѣе всего на свѣтѣ.

Наконецъ Черкасскій сказалъ:

— Теперь мы начнемъ новую жизнь, отдохнемъ; я въ тебѣ, а ты во мнѣ... снова начнемъ строить... какое будетъ наслажденіе, когда подъ нашими сознательными, ясновидящими руками начнетъ воздвигаться величественный, роскошный, освобожденный храмъ нашей жизни! Скирмунтъ много говорилъ мнѣ о тебѣ... я знаю все, что ты переживала, что выстрадала, съ какимъ трудомъ, съ какой чудной вѣрой и силой ты освобождала свою душу, какъ капля за каплей ты очи-

щала ее опять отъ яда, который я влилъ въ нее, и тѣмъ освободила и меня. Скирмунтъ далъ мнѣ прочесть твое письмо; странныя, непонятныя вещи произошли тогда со мной. Душа моя начала возрождаться съ самаго начала, потому что ты стояла возлѣ меня съ бѣлой вѣтвью и радовалась, что на развалинахъ древняго міра начинало свою жизнь новое солнце...

— Ты слышишь меня, слышишь?

Ганка съ невыразимымъ восторгомъ смотрѣла вдаль и тихо шептала: «о, дѣти блаженнаго счастья...»

— О, ты моя единая... ты любовь моя! — Голосъ его прерывался; онъ заговорилъ страстнымъ шопотомъ:

— Я ничего не желаю, кромѣ того, чтобы вселить въ тебя вѣру въ мою любовь, я хотѣлъ бы каждый день, каждую минуту говорить тебѣ о томъ, что я пережилъ съ той минуты, какъ лишился тебя... видишь ли, прости меня... я сейчасъ не могу говорить; все, что я говорю, глупо и нескладно... я хотѣлъ бы, чтобы ты пережила великое счастье моей души, когда въ ней черезъ тебя, въ сіяніи твоей бѣлой вѣтви возродилось все мое творческое могущество съ такой силой, что я былъ пораженъ, откуда оно взялось... всѣ источники снова открылись; вещи, которыхъ я въ себѣ не предчувствовалъ, облеклись въ новую жизнь, и я съ удивленіемъ, почти со страхомъ смотрѣлъ на эти новые міры, которые вызвала передо мной твоя волшебная бѣлая вѣтвь...

Вдругъ онъ почувствовалъ, что хотѣлъ бы говорить такъ безъ конца, быстро, нескладно, только бы заглушить какой-то дикій, упорный, злой голосъ въ

своей душѣ, почувствовалъ, что передъ нимъ раскрывается какая-то пропасть, а онъ стоитъ на краю ея, со всѣхъ сторонъ отрываетъ скалы и камни и сваливаетъ ихъ внизъ, чтобы все это съ шумомъ падало въ бездну и заглушило этотъ голосъ и засыпало эту пропасть...

— Если бы ты знала, съ какимъ наслажденіемъ я смотрю на тебя; такой прекрасной я еще никогда не видалъ тебя... твои глаза, точно два чистыхъ источника, изъ которыхъ бьетъ для меня потокъ еще неизвѣданнаго вдохновенія, твоя улыбка, точно тихое сіяніе звѣздъ въ душную іюльскую ночь... прикосновеніе твоихъ бѣлыхъ маленькихъ ручекъ, точно ласка свѣжаго лепестка лотоса на пылающемъ горячкою лбу... Ты моя, ты...

Сердце его сжалось такой сильной болью, что на минуту у него потемнѣло въ глазахъ...

А она, съ все большей и горячей вѣрой, съ все болѣе благоговѣйнымъ восторгомъ прислушивалась къ его словамъ.

— Какъ ты хороша и сильна теперь. — Сердце его билось, какъ молотъ, руки блуждали вдоль изящныхъ линій ея тѣла. — Твои члены, точно гибкая березка, которую вѣтеръ изгибаетъ въ любовномъ объятіи... твои плечи...

— ...бѣлыя лиліи моего тѣла, — тихо прошептала она.

— Да, да! бѣлыя лиліи твоего тѣла—ты моя! — Онъ прижалъ ее къ себѣ съ такой силой, что она застонала отъ боли.

Онъ опомнился и ревнивымъ взглядомъ прильнулъ къ ея лицу.

— Я никогда не видалъ тебя такой... прекрасной... я видалъ тебя въ лунномъ сіяніи, когда расплеталъ твои волосы, а они отливали блескомъ серебряныхъ водопадовъ, видалъ тебя утромъ и на разсвѣтѣ, когда ты лежала на моей груди, вся облитая розовымъ свѣтомъ, а лицо твое сіяло отблескомъ сонной счастливой улыбки... но теперь ты прекрасна еще и другой красотой...

— Ты никогда еще не видалъ меня въ сумеркахъ?— спросила она съ тихой, странной улыбкой.

Онъ чего-то испугался, точно не понялъ, что она сказала.

— Въ сумеркахъ? о какихъ сумеркахъ ты говоришь?

Въ глазахъ его темнѣло... Что съ нимъ случилось? За минуту еще его ослѣплялъ свѣтъ, заливающій весь міръ солнечный свѣтъ, а теперь насталъ мракъ... сумерки, выступающія изъ темнаго пурпура... ему хотѣлось вскочить, кричать во весь голосъ, скрежетать зубами отъ нечеловѣческой боли, но онъ не хотѣлъ пугать ее...

— Въ сумеркахъ? — повторилъ онъ, — я видалъ тебя въ сумеркахъ... нѣтъ, не видалъ, слышалъ только твой голосъ, который точно доносился до меня изъ темной дали, чувствовалъ только прикосновеніе твоего тѣла, какъ неспокойное сверканіе неба въ синеватые часы сумерекъ, окутанныхъ тоской по разсвѣту, чувствовалъ, какъ оно льнуло ко мнѣ въ страхѣ ожиданія, что принесетъ намъ завтрашній день... видѣлъ твои глаза, нетерпѣливо устремленные среди мрака,

въ восходящія звѣзды, ожидая, когда онѣ, наконецъ, сойдутся и свѣтомъ своимъ разгорятся въ одно новое солнце.

— Я и ты?

— Да!

— Свершилось свѣтлое чудо...

— Исполнилось твое и мое страстное желаніе.

Онъ обнималъ и прижималъ ее къ себѣ все сильнѣе, все съ большей страстностью, по мѣрѣ того, какъ чувствовалъ, что съ каждымъ новымъ прикосновеніемъ, съ каждой лаской ея рукъ и голоса скрытая боль въ немъ росла, усиливалась и предательскими когтями впивалась въ его мозгъ.

Она поняла, что дѣлается въ его душѣ, и устремила на него широко раскрытые, блестѣвшіе страннымъ огнемъ глаза.

— Ты еще не видалъ меня въ долгія безсонныя ночи, когда я извивалась отъ боли и тоски по тебѣ, не видалъ меня въ тѣ ночи, когда душа моя кричала отъ отчаянія по тебѣ, а я все душила въ себѣ, чтобы не опередить времени, когда намъ дано будетъ снова соединиться. Ты не видалъ меня, когда я боролась сама съ собой среди глубокаго мрака, когда готова была ввергнуться въ бездну, но спаслась сама и проложила путь и тебѣ...

Онъ смотрѣлъ на нее съ священнымъ удивленіемъ передъ той силой, которой онъ еще не зналъ въ ней. Въ ея рукахъ блеснула передъ нимъ вѣтвь жрицы предвѣчнаго Огня. Онъ поборолъ въ себѣ какой-то первобытный, дикій, злой инстинктъ, который прорывался сквозь зарождавшуюся въ немъ бурю.

Онъ вцѣпился свѣтлыми пальцами въ густой сумракъ и заставилъ его породить зарю. И передъ нимъ засіялъ въ несказанномъ счастьѣ ясный, весенній, свѣтлый день, котораго они такъ долго ждали — и зазвучала, потрясающая душу и сердце, торжествующая пѣснь любви и освобожденія.

Онъ побѣдилъ!

Душа его росла съ незнакомой ему до сихъ поръ силой и достоинствомъ и приняла въ себя Ганку, какъ святое причастіе.

. . . . . .

Городской шумъ давно затихъ, на улицахъ потушили фонари, когда Черкасскій оторвался отъ Ганки. Они стояли, прижавшись другъ къ другу. Была глубокая тишина, только иногда въ вѣтвяхъ парка противъ дома поднимался предразсвѣтный вѣтерокъ.

— Съ завтрашняго дня мы будемъ уже вмѣстѣ. — Онъ горячо прижималъ къ губамъ ея бѣлыя руки.

— Вмѣстѣ и навсегда.

Когда онъ вышелъ на улицу, небо уже приняло сѣроватый оттѣнокъ. Онъ остановился. Въ немъ было такое ощущеніе, что что-то въ немъ происходитъ, что-то безпрерывно работаетъ въ немъ.

Онъ прожилъ послѣдніе часы въ такомъ полномъ забвеніи, въ такомъ оглушающемъ и ничѣмъ не возмутимомъ счастьѣ, что не могъ понять, откуда являлось это предчувствіе чего-то неспокойнаго, почему что-то давило его мозгъ, точно ему что-то тамъ мѣшало, что ему хотѣлось бы сбросить, отогнать, но онъ не зналъ, что это такое, потому что это было нѣчто дѣйствовавшее помимо его сознанія, нѣчто невидимое,

непонятное, но бросавшее на его мозгъ тѣнь изъ мрачной дали.

И странно, ему показалось, что эта самая тѣнь юркнула сейчасъ между деревьями парка, напротивъ.

Тѣнь въ его душѣ соединилась съ таинственной тѣнью, колебавшейся то въ ту, то въ другую сторону между деревьями, и такъ слилась съ нимъ, что онъ не могъ уже различить, находится ли она въ немъ самомъ или внѣ его.

Онъ задумался. Вѣрно она выплыла изъ его души и стала тамъ поперекъ его дороги, потому что откуда же могла взяться здѣсь эта странно таинственная, подвижная тѣнь? Онъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за ея движеніями, колебаніями, видѣлъ, какъ она сжималась и безконечно росла. Иногда казалось, что ее отбрасывалъ громадный столбъ, а иногда лишь тоненькая игла. Очевидно, все то, что онъ пережилъ въ тяжелые мѣсяцы разлуки, всѣ подозрѣнія и сомнѣнія, горечь, отчаяніе, вся болѣзненная тоска и адская борьба съ слѣпымъ, злымъ и дышащимъ местью самцомъ — все это выбросило изъ его души громадное счастье послѣднихъ часовъ и въ ней уже не было ничего, кромѣ любви и Ганки.

Конечно такъ и должно было быть.

Любовь вырвала все это изъ его души и сердца и бросила ему подъ ноги, чтобъ онъ съ презрѣніемъ растопталъ эти чувства.

«Убей, растопчи, уничтожь разъ навсегда», гремѣло въ его мозгу; онъ хотѣлъ броситься впередъ, но былъ тонко парализованъ... чувствовалъ, что не можетъ двинуться съ мѣста. Онъ рвался впередъ въ ди-

комъ гнѣвѣ и бѣшенствѣ, потому что чувствовалъ, что на землѣ не будетъ мира и спокойствія, пока онъ не уничтожитъ, не устранитъ этой тѣни. Наконецъ, онъ тихо и осторожно подвинулся на нѣсколько шаговъ впередъ, чтобы не спугнуть тѣни, чтобъ она не убѣжала отъ него или, что еще хуже, не вползла обратно въ его душу.

Но тѣнь не трогалась. Теперь она уже легла тутъ, передъ самыми его ногами, поперекъ широкой аллеи... поползла изъ какой-то глубокой ямы, заросшей достигавшими до самаго неба деревьями и, снуя по высокимъ вершинамъ, тянулась до небесъ, разстилаясь по нимъ и затмевая звѣзды.

Онъ безсознательно смотрѣлъ на громадную черную колоду, черезъ которую онъ никакимъ способомъ не могъ перескочить, а чѣмъ дальше смотрѣлъ, тѣмъ больше убѣждался, что не будетъ въ состояніи этого сдѣлать, потому что колода росла, превратилась въ крѣпостной валъ, а потомъ въ плотину, о которую гдѣ-то вдали съ шумомъ и громомъ разбивалось бушующее море.

Гдѣ же тѣнь, которую онъ долженъ былъ убить и растоптать?

«Очевидно, она спряталась за то укрѣпленіе, чтобы неожиданно напасть на меня и обезсилить, и можетъ быть она притаилась за моей спиной, снова ворвется въ мою душу и предательски убьетъ ея любовь.

Вдругъ совершилось что-то для него непонятное.

Преграда передъ нимъ съеживалась, дрожала и вдругъ исчезла.

Передъ нимъ стоялъ какой-то человѣкъ.

Это случилось такъ быстро и неожиданно, что Черкасскій безсознательно вскрикнулъ:

— Заремба!

Въ душѣ его заклокоталъ цѣлый адъ; въ головѣ свистѣлъ ураганъ, а передъ глазами мелькали огненные, красные круги.

— Это я, Заремба! — шумѣло у него въ ушахъ, — теперь пора, слышишь, теперь можешь убить меня, пора... теперь... возьми... возьми... вотъ!

Черкасскій почувствовалъ въ своей рукѣ холодное дуло пистолета.

«Убей, бушевало у него въ мозгу... растопчи, уничтожь, убей чудовищную тѣнь, которая подстерегаетъ твою душу и твою любовь, убей!»

Въ эту минуту послышался выстрѣлъ, и человѣкъ повалился на землю.

Разсвѣтало.

Черкасскій оглядѣлся вокругъ.

Странно, что никто не прибѣжалъ... впрочемъ, вѣдь это былъ не выстрѣлъ, это былъ громъ, точно оборвалась исполинская скала... Рядомъ въ нишѣ, прорѣзанной въ кустахъ, онъ увидалъ скамейку. За минуту передъ тѣмъ тамъ сидѣлъ Заремба и отбрасывалъ своей тѣнью ту преграду, черезъ которую онъ не могъ перейти... и теперь онъ устранилъ эту преграду, уничтожилъ тѣнь, убилъ ее вмѣстѣ съ нимъ.

Онъ сѣлъ на той же лавочкѣ и холоднымъ взглядомъ смотрѣлъ на Зарембу.

Ему казалось, что онъ еще двигается, но очевидно это были лишь предсмертныя подергиванья; онъ ле-

жалъ уже неподвижный, блѣдный, а въ черныхъ волосахъ струилась кровь.

Онъ смотрѣлъ и смотрѣлъ и не могъ оторваться отъ мертваго тѣла...

Понемногу онъ началъ размышлять.

Поразительно: онъ хотѣлъ убить тѣнь, а тутъ лежитъ убитый человѣкъ.

Хотѣлъ уничтожить злого, отвратительнаго, мстительнаго звѣря въ себѣ самомъ, а передъ нимъ лежитъ мертвый, неподвижный, болѣзненно улыбающійся Заремба.

И онъ убилъ его!

Онъ не могъ теперь понять, зачѣмъ это сдѣлалъ, вѣдь онъ былъ уже вполнѣ свободнымъ, въ упоеніи счастья пережилъ онъ съ Ганкой послѣдніе часы, съ святымъ восторгомъ думалъ о новой возрожденной жизни вмѣстѣ съ ней... и вдругъ... передъ нимъ лежитъ убитый его рукой человѣкъ...

Все стало ему такъ страшно ясно, что волосы встали дыбомъ на его головѣ. Бушующее море свѣта волнами переливалось въ немъ, грудь и черепъ раздирались этимъ свѣтомъ, который завывалъ въ немъ нечеловѣческимъ крикомъ смертельнаго ужаса.

И среди этого свѣта взлетали мысли, точно громадныя ракеты, и каждая изъ нихъ была смертельнымъ ударомъ для него.

Онъ вскочилъ и быстро побѣжалъ впередъ.

И ради низкаго, отвратительнаго звѣря, жившаго въ немъ, онъ осквернилъ свою душу мерзкимъ преступленіемъ, убилъ себя, убилъ явную, свѣтлую будущность съ Ганкой и въ одну минуту все уничтожилъ.

Онъ остановился, задыхаясь, протянулъ руки, точно ища опоры, точно отгоняя кошмары, устремилъ глаза въ пространство, точно ища выхода, но нѣтъ,— ничего уже не было, — передъ нимъ одна мрачная бездна.

А свѣтъ въ немъ превратился въ холодное, неподвижное стекло, до которому съ неслыханной быстротой проносились холодныя и ясныя мысли.

Судъ, процессъ, слѣдствіе, тюрьма, Ганка, на которую накинется весь свѣтъ, какъ разъяренный мстительный звѣрь,— его чистую, святую Ганку повлекутъ по самой отвратительной, самой грубой и скверной грязи... нѣтъ, сто разъ нѣтъ!

Онъ чувствовалъ къ себѣ отвращеніе... такъ вотъ чѣмъ было его освобожденіе, такъ онъ приготовился достойно принять въ свою душу святое благо возрожденія!

Онъ громко разсмѣялся хриплымъ, дикимъ смѣхомъ.

Свѣтъ погасъ и смѣнился холоднымъ, спокойнымъ рѣшеніемъ.

Только не здѣсь!

Передъ его глазами выросла чудовищная, голая, отвѣсная стѣна «Benedicktwand», тамъ онъ произнесетъ надъ собой приговоръ.

Тайна смерти Зарембы навѣкъ останется погребенной, а съ нимъ произойдетъ простой случай во время прогулки... вѣдь только недѣлю тому назадъ оттуда свалились два туриста... смерть безошибочная и быстрая.

А теперь онъ отбросилъ всѣ мысли, всѣ кошмары

и боль, и страданье, и упреки за совершенное преступленіе, и отвращеніе къ самому себѣ и сомнѣніе, и все то ярмо жизни, отъ котораго не сумѣлъ освободиться скорѣе и лучше... и долго оставался въ торжественномъ, вдохновенномъ, полномъ молитвенной любви общеніи съ Ганкой.

XIV.

Скирмунтъ сидѣлъ у постели Ганки и тревожно и съ болью смотрѣлъ на ея поблѣднѣвшее, почти прозрачное лицо и на ввалившіеся, окруженные синими тѣнями глаза.

Уже вторую недѣлю сидѣлъ онъ надъ ней. Онъ переживалъ минуты тяжелой тревоги, когда Ганка въ продолженіе десяти дней находилась между жизнью и смертью; душа его болѣзненно сжималась, когда она терзалась отчаяніемъ въ безумномъ горячечномъ бреду, печаль наполняла его сердце, когда докторъ безнадежно пожималъ плечами, но теперь, наконецъ, вздохнулъ свободнѣе: вотъ уже три дня, какъ температура понизилась и она перестала бредить.

Онъ еще боялся, что, когда она снова сознаетъ, что случилось, горячка возобновится и тогда не будетъ спасенія, но этого не случилось.

Когда она въ первый разъ открыла глаза въ полномъ сознаніи, Скирмунтъ увидѣлъ въ нихъ выраженіе, въ которомъ точно окаменѣло глубокое, безнадежное страданіе; она безучастно оглядѣлась во-

кругъ, точно непріятно удивленная, что еще жива, и снова закрыла глаза...

И Скирмунтъ понялъ, что тѣло Ганки перенесло болѣзнь и страданіе, но что душа ея умираетъ.

Все, что онъ пережилъ до этой минуты, казалось ему тяжелымъ сномъ. Письмо Черкасскаго, въ которомъ онъ сообщалъ ему, что намѣренъ сдѣлать, но ничѣмъ не проговорился, почему, а только умолялъ его сейчасъ же отправиться къ Ганкѣ и ни на минуту не оставлять ее... тотъ моментъ, когда онъ пріѣхалъ и прочелъ письмо Черкасскаго къ ней, лежавшее на столѣ, а ее нашелъ почти на краю могилы, вѣсть о смерти Черкасскаго, котораго нашли съ раздробленнымъ черепомъ въ глубокой пропасти одной изъ альпійскихъ вершинъ, — все это казалось ему такимъ неправдоподобнымъ и невозможнымъ, что ему постоянно приходилось убѣждать себя, что все это не сонъ.

Сначала онъ думалъ, что Черкасскій совершилъ этотъ поступокъ въ минуту безумія; во всѣхъ газетахъ онъ читалъ, что Заремба, по всѣмъ вѣроятіямъ, погибъ отъ самоубійства, но изъ бреда больной онъ постепенно понялъ страшную правду.

А теперь его все больше тревожило состояніе Ганки. Цѣлыми часами она неподвижно смотрѣла вдаль, а когда закрывала глаза, Скирмунту казалось, что она дѣлаетъ это только для того, чтобы вслушиваться въ самое себя и слѣдить за тѣмъ, какъ разрушающій ядъ отчаянія все глубже и глубже проникалъ въ ея душу; а если на минуту засыпала, то для того только, чтобы вдругъ вскочить съ раздирающимъ душу рыданьемъ. Тогда онъ снова схватывалъ ея руки

и долго, долго держалъ ихъ въ своихъ, пока лицо ея снова не принимало каменное, мертвенное выраженіе.

Съ той минуты, какъ она пришла въ сознаніе, она не сказала еще ни слова. Голосъ Скирмунта, казалось, производилъ на нее только такое впечатлѣніе, какъ на ребенка, который слышитъ голосъ, но не понимаетъ словъ. Онъ добился лишь того, что она принимала изъ его рукъ лѣкарство и жидкую пищу, которыми онъ поддерживалъ ее.

И такъ проходитъ день за днемъ; къ больной постепенно возвращались физическія силы, но душа ея совсѣмъ умирала. Цѣлый день лежала она въ тяжеломъ оцѣпенѣніи, въ угасшихъ глазахъ не видно было и тѣни мысли; она не отвѣчала на вопросы и, казалось, ничего не видала и не слыхала.

Но Скирмунтъ рѣшился спасти отъ смерти эту любимую душу и всѣ свои силы слилъ въ одномъ этомъ желаніи.

Поэтому въ тотъ день, когда докторъ заявилъ, что никакой рецидивъ уже невозможенъ, онъ взялъ ее за руки и началъ съ ней говорить.

— Въ вашей душѣ столько силъ, которыя жаждутъ проявиться, притти вамъ на помощь; столько силъ, которыя любятъ вашу душу, потому что она такъ чиста и прекрасна, всѣ онѣ желаютъ помочь ей, поддержать и успокоить ее... зачѣмъ вы закрываете передъ ними двери и оставляете ихъ за порогомъ?

— Зачѣмъ вы заперлись въ темной пещерѣ и ждете смерти своей души, когда не успѣли еще воспользоваться частицей ея богатствъ?

— Пани Ганка, я бы не говорилъ такъ съ вами,

если бы не зналъ вашей души и ея богатыхъ свойствъ. Что значитъ несчастная жизнь, ея страданья и мученья передъ царственнымъ сознаніемъ, что человѣкъ носитъ въ себѣ вѣчность, что душа вѣчна и неистощима, что она только страстно жаждетъ воли человѣка, чтобъ онъ расширилъ ея кругозоръ, усовершенствовалъ ее, какъ мы выражаемся, для нея составляетъ счастье и радость, если человѣкъ окунается въ ея глубину, добываетъ себѣ новыя царства въ ея безграничныхъ пространствахъ и открываетъ въ нихъ все новыя красоты и непонятныя чудеса.

— Вы слышите меня?

Ганка не шевелилась; ему казалось, что она не слышитъ его.

— Я говорю теперь почти тѣми же словами, которыми вы выражали свое счастье и восторгъ, когда едва только ступили на путь освобожденія... Развѣ вы уже забыли? Вы не помните, съ какимъ наслажденіемъ вы вслушивались, какъ въ душѣ вашей пробуждались все новыя силы, какъ паруса вашихъ мыслей несли васъ все къ новымъ берегамъ; не помните, съ какимъ святымъ благоговѣніемъ вы переступали порогъ безчисленныхъ и роскошныхъ покоевъ вашей души?

— Не помните уже того, что было вашей славой, вашей гордой и достойной удивленія побѣдой?

— Та Ганка, та сильная и влюбленная въ богатство своей души Ганка, съ которой я разстался лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, могла бы теперь, когда снова вырвалась изъ когтей физической смерти, отвергнуть и погубить все то, чего добилась съ

такимъ трудомъ и въ страхѣ бѣжать съ половины пути къ той вершинѣ, съ которой можетъ лицезрѣть обѣтованную землю?

Легкая тѣнь пробѣжала по лицу Ганки и исчезла.

— Вспомните тѣ мгновенья великой радости, когда съ каждымъ днемъ какая-нибудь новая сила пробивалась въ вашей душѣ, какъ заботливо вы за ней ухаживали, какое счастье было слѣдить за тѣмъ, какъ все росло и набирало силъ, а когда я съ удивленіемъ смотрѣлъ на эту роскошную растительность, не говорили ли вы сами, что это лишь часть, маленькая частичка того, что вы въ себѣ предчувствуете?

— Паша Ганка, вы одна изъ избранныхъ, которымъ дано въ одинъ день пріобрѣсти то, на что другимъ нужны года, и вы отвергли бы эту великую и рѣдкую милость только потому, что васъ поразилъ тяжелый ударъ въ этой ничтожной жизни...

— Вы такъ утвердились въ своемъ царствѣ, что допустите, чтобы страданье изгнало васъ изъ него? Вы забыли свои письма, которыя писали мнѣ, хотите отречься отъ той вѣры, чрезъ которую возродили и его, своего возлюбленнаго Ясека?

Лицо Ганки дрогнуло, руки, какъ два бѣлыхъ лепестка, слегка задрожали.

— Вамъ кажется, что онъ умеръ? Развѣ душа его можетъ умереть, какъ и его послѣднее произведеніе, въ которомъ онъ достигъ такого совершенства, какого никогда еще не достигалъ. И это благодаря вамъ, благодаря вашему письму, которое я далъ ему прочесть. Потомъ я былъ свидѣтелемъ его возрожденья, первымъ вѣстникомъ котораго было ваше письмо, я

оставилъ его одного на нѣсколько часовъ, а когда снова увидѣлъ его, онъ былъ уже совсѣмъ другой.

Скирмунтъ былъ взволнованъ до глубины души; голосъ его прерывался рыданіемъ, но онъ продолжалъ говорить:

— Онъ не умеръ, онъ живъ... смотрите, тамъ... тамъ, — онъ указалъ на рукопись, лежавшую на кровати, — тамъ, въ этомъ произведеніи, которое онъ прислалъ вамъ уже послѣ письма, какъ послѣднее прости, нѣтъ не прости, а привѣтъ своей освобожденной души, но вы тогда лежали въ бреду... тамъ живетъ онъ, великій, нетлѣнный и уже на той границѣ, гдѣ душа творца сообщается съ Богомъ... или скорѣе сама становится Богомъ, можетъ ли быть болѣе могучая, постоянная и царственная жизнь?

— И теперь вы можете постоянно и безошибочно имѣть общеніе съ нимъ, какъ мы имѣемъ общеніе съ невидимой, неуловимой, повсюду живущей силой божіей.

Ганка теперь не отрывала глазъ отъ рукописи. Лицо ея подергивалось, губы слегка раскрылись, а въ потухшихъ глазахъ мелькнулъ огонекъ:

— Я читалъ эту поэму, написанную для васъ и благодаря вамъ; онъ вдохнулъ въ себя вашу душу, пропитался ей и, укрѣпившись ея силой, дошелъ до могущества генія. И это... это...—онъ указалъ на рукопись,— это его драгоцѣнное наслѣдство, которое онъ посылаетъ вамъ, роскошное сокровище вашей души, которое онъ перелилъ въ своей новой красотѣ, и проситъ, чтобы вы его полюбили, потому что оно представляетъ его самого такимъ, какимъ вы его знали въ самыя

прекрасныя минуты, и такимъ, какимъ онъ возродился въ васъ.

Ганка уже не спускала съ него глазъ; руки ея сложились, какъ для молитвы, лицо просвѣтлѣло.

Она ожила. Сердце Скирмунта забилось; онъ говорилъ все горячѣе.

— Проснись, проснись, Ганка; душа твоя дремлетъ и неспокойно жаждетъ, когда ты заглянешь въ ея глубину и посѣтишь ея садъ съ роскошными цвѣтниками, прежде чѣмъ онъ порастетъ бурьяномъ.

— Проснись, проснись, заклинаю тебя любовью къ нему... тамъ, смотри, его душа покоится, тамъ, — онъ протянулъ руку къ рукописи, — и тамъ душа его ждетъ съ любовью и тоской, когда ты, наконецъ, вникнешь въ ея тайники, тамъ и твоя душа вступитъ на порогъ безсмертія... а ты хочешь вернуться съ дороги, хочешь погубить то, что онъ довѣрилъ тебѣ съ такой вѣрой въ тебя, чтобы ты это хранила и оберегала? Хочешь, чтобъ эти листы, эта видимая и осязаемая его вѣчность разлетѣлись на всѣ стороны, хочешь, чтобы великій памятникъ, который онъ строилъ для тебя, разсыпался въ прахъ?

— Онъ зоветъ тебя, онъ тебя умоляетъ, чтобы ты не покидала его души, понимаешь?

— Онъ хочетъ, чтобы ты пробудилась и дала ему жить и развиваться въ тебѣ и черезъ тебя!

Все лицо Ганки расцвѣло какимъ-то торжественнымъ свѣтомъ, глаза сіяли необычнымъ блескомъ.

— А если даже вы не захотите найти въ себѣ силы продолжать жить, не захотите жить для себя и для него, то должны жить для своего ребенка, для Баси!

Губы Ганки шевелились, точно произнося имя, глаза расширились, точно она видѣла ее передъ собой.

— Подумайте, Глинскій понялъ, что было бы преступленіемъ лишать душу ребенка любви матери, Глинскій самъ шлетъ вамъ вѣсти, что вы можете пріѣхать къ ребенку, а вы, въ эгоизмѣ собственнаго страданія, хотите забыть о ребенкѣ? О Басѣ?

— Развѣ вы уже забыли, что васъ перенесло съ той страшной крутизны?

— Бася, Бася! — прошептали губы Ганки.

— Неужели воспоминаніе о Басѣ теперь слабѣе, чѣмъ тогда, когда вы бѣжали отъ людей и въ уединеніи новой жизни хотѣли возродиться, чтобы сохранить себя для нея?

Ганка не выпускала рукъ Скирмунта; точно черезъ нихъ въ нее вливались новыя силы и мужество. А онъ склонился надъ ней и ласково продолжалъ:

— Подумайте только, теперь вы можете имѣть при себѣ Басю, когда захотите, можете даже привезти ее ко мнѣ, Глинскій согласится на это, вы пріѣдете съ ней въ тотъ домъ, гдѣ прожили такія прекрасныя мгновенья; домъ этотъ опустѣлъ и тоскуетъ по васъ. Цѣлый день будете вы ходить съ Басей по тѣмъ тропинкамъ, по которымъ тогда ходили однѣ, будете сидѣть надъ озеромъ и попрежнему радоваться его блеску и жизни, а душа ребенка будетъ расцвѣтать на вашихъ глазахъ и черпать изъ того сокровища, которое вы носите въ себѣ и которое вамъ нужно только обнаружить, потому что оно въ васъ неприкосновенно и вы только не хотите знать его теперь... Въ бреду вы звали источникъ исцѣляющихъ рукъ,

а теперь этотъ источникъ ждетъ васъ, протягиваетъ чудотворныя ручонки и зоветъ, зоветъ...

Лицо Ганки начало окрашиваться легкимъ румянцемъ, изъ глазъ катились слезы.

— Въ тяжелой горячкѣ вы бредили, что вы жертвенный сосудъ, переполненный освященной водой ужасной муки, и что кто опуститъ въ нее пальцы и омочитъ сей свои глаза, тотъ прозрѣетъ... и сами вы не хотите омочить ихъ въ ней?

Ганка яснымъ и глубокимъ взглядомъ взглянула на Скирмунта, поднялась на постели, откинула голову и съ силой произнесла:

— Хочу жить!...—и шопотомъ прибавила:

— Прозрѣли мои зрячіе глаза!

Затѣмъ обезсиленная упала на подушки, закрыла глаза, снова раскрыла ихъ, на минуту погрузилась взглядомъ въ глаза Скирмунта и съ тихой улыбкой въ первый разъ заснула спокойнымъ сномъ...

Скирмунтъ положилъ руку на ея голову и еще разъ взглянулъ на свое любимое дитя.

— Ты никогда уже не забудешь меня, — прошепталъ онъ и тихо вышелъ изъ комнаты.

Книгоиздательство В. М. Саблина.

ГЛАВНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Т-во „КУЛЬТУРА".

СКЛАДЫ и ОТДѢЛЕНІЯ:

Вильна,
Жандармскій пер., 7.
Тел. 823.

Екатеринбургъ,
Вознесенскій пр., 9.
Тел. 219.

Екатеринославъ,
Александровская ул., 17. Телеф. 241.

Иркутскъ,
Ивановская ул., уг. Харлампіевской, д. 24/50. Тел. 774.

Кіевъ,
Николаевск., 6.
Тел. 11-52.

Лодзь,
Вульчанск., 21. Поч. ящ. № 549. Тел. 1916.

Москва,
Кузнецкій М., 15. Тел. 212-80. Магазины: Петровка, 15, тел. 213-04; Кузнецкій М., 11, тел. 306-27.

Одесса,
Ланжероновская, 2. Тел. 17-55.

Рига,
Церковная, 31.
Почт. ящ. 1092.
Тел. 52-84.

Ростовъ н/Д.
Малый пр., 31.
Тел. 18-78.

Самара,
Дворянская ул., 116.
Тел. 737.

С.-Петербургъ,
Невскій пр., 28, тел. 171-22; 3-я Рождеств., 26, тел. 159-75; Петерб. стор., Больш. пр., 5/2, тел. 565-60.

Ташкентъ,
Уг. Моск. и Николаевск., 39/33. Тел. 57.

Тифлисъ,
Эриванская пл., 3. Тел. 338.

Харьковъ,
Лопатинск. пер., 13. Тел. 17-36.

Duke University Libraries
D04541285T